

ЗОЛОТОЙ ФОНД ЭЗОТЕРИКИ

Е.П. БЛАВАТСКАЯ

ЗАГАДОЧНЫЕ ПЛЕМЕНА
НА ГОЛУБЫХ ГОРАХ

Annotation

Эта книга – о пресловутых «чудесах» Востока, необычных психических способностях человека, его связи с иными мирами и их обитателях, о колдовстве и магии.

Захватывающее художественное повествование знакомит читателя с жизнью потомственных магов и колдунов – членов индийских племен, на протяжении поколений причастных к искусству черной и белой магии.

Елена Блаватская

**Загадочные племена на «Голубых горах»
в дебрях *Индии***

Несколько слов предисловия

Недавно одна большая лондонская газета делала саркастические замечания о том, что русские ученые, а русская публика – тем более, имеют весьма смутные понятия об Индии вообще и о ее народностях – в частности.

На эту новую британскую «инсинуацию» каждый русский мог бы, при случае, задать первому встречному англо-индийцу такой вопрос:

«Позвольте полюбопытствовать: много ли и что именно вы сами знаете с большей части подвластных вам народов Индии? На чем, например, порешили ваши лучшие этнологи, ваши знаменитейшие антропологи, филологи и статистики свой полувековой спор насчет, словно с неба свалившегося, таинственного нильгирийского племени тоддов? Что известно вашему „Королевскому Обществу“, – хотя члены его вот уже около полстолетия из кожи лезут, чтобы выяснить этот вопрос, – о загадочных племенах „Голубых гор?“. О страх наводящих, ужас внушающих карликаx, именуемых муллу-курумбами? О яннади, кхоттах, эрулларах, бадагах: то есть о пяти племенах Нильгири и о десятках: других, менее таинственных, но столь же мало приведенных в известность больших и малых племенах, живущих на других горах?...»

В ответ на все эти вопросы, если, паче чаяния, британец почувствует себя в припадке честной откровенности (проявление в нем весьма редкое), оклеветанный русский ученый к путешественник может услышать следующую неожиданную исповедь:

«Увы! Мы ровно ничего о них не знаем. Существование их нам известно только потому, что мы встречаем их, часто бьем и колотим, а подчас и вешаем, но, с другой стороны, мы не имеем ни малейшего понятия ни о происхождении, ни о языке большинства этих дикарей, менее всего о нильгирийцах. Наши англо-индийские, как и отечественные ученые чуть не сошли с ума на одних тоддах. Поистине, это племя составляет загадку этнологов нашего века и, как кажется, загадку неразрешимую. И не только для нас, европейцев, но и для самих индусов, прошлое этого крошечного численностью племени покрыто непроницаемою завесою вековой тайны... Все в нем необычайно, своеобразно, непонятно, необъяснимо! Все, как было с первого дня, когда мы нежданно-негаданно наткнулись на него, так и осталось до сего дня загадкой сфинкса!...»

Так ответил бы всякий честный англо-индиец русскому. Так ответил мне один английский генерал, – о котором упомянем еще не раз далее, – на мои расспросы о тоддах и курумбах.

«Тодды! Курумбы!» – почти закричал он, придя в азарт. – Тодды почти свели меня с ума одно время, а муллу-курумбы доводили меня не раз до белой горячки! Как и почему, – узнаете после. Но, слушайте. Если кто из наших правительственных идиотов (dunces) скажет вам, что он хорошо знает и даже изучил тоддов, то скажите ему от меня, что он хвастает и лжет. Этих племен никто не знает. Их происхождение, религия, язык, обряды, предания, все это terra incognita для ученого, как и для профана... А их удивительная «психическая сила», как ее называет Карпентер,^[1] их так называемое колдовство и дьявольские чары, кто может нам растолковать эту силу? Это непонятное, ничем необъяснимое их влияние на людей и зверей; у тоддов – к добру, у курумбов – ко злу, кто может разгадать, показать нам, что это такое, какая это сила, которою они орудуют по своему усмотрению? У себя дома мы, понятно, смеемся над

нею и их претензиями. Мы не верим в магию и называем веру в нее туземцев суеверием, ерундой. Мы и не посмеем ей поверить. Во имя нашего расового превосходства и всеотрицающей цивилизации, мы обязаны отвертываться от такой чепухи. И однако же наш закон признает фактически эту силу, если не в принципе, то в ее проявлениях, наказывая обвиняемых в ней под разными замаскированными предложениями и пользуясь многими лазейками нашего законовещения... Этот закон признал и самих колдунов, повесив вместе с их жертвами и некоторых из них, не только за кровавые, но и за те бескровные, таинственные убийства их, которые никогда еще не были легально доказаны, в тех драмах, которые так часто разыгрываются здесь между колдунами Нильгири, с одной, и туземцами долин, с другой стороны...»

«Да, вы правы; вы имеете основание смеяться над нами и нашими тщетными усилиями, продолжал он, – потому что, невзирая на все наши старания, со дня открытия этих грязных магов и колдунов в тущобах Нильгири („Голубых гор“), мы не продвинулись ни на один вершок в разрешении вопросов о них. Более всего нас раздражает эта поистине чародейственная в них сила, опровергнуть проявления которой мы не в состоянии, так как для этого нам пришлось бы бороться ежедневно против неопровержимых доказательств... Отвергая объяснения этих фактов туземцами, мы только запутываемся в гипотезах собственного изделия. Отвергая реальность так называемого колдовства и чар, и, вместе с тем, вешая колдунов, мы просто являемся в нашем противоречии грубыми палачами людей, чьи преступления не только еще не доказаны, но и отрицаются нами в самой возможности... То же самое мы можем сказать и относительно тоддов. Мы смеемся над ними и все-таки глубоко уважаем это загадочное племя... Кто они, что они такое? Люди или гении этих гор, боги под засаленными лоскутьями человечества? Все предположения о них отскакивают, как резиновый мячик от гранитной скалы... Так и знайте вперед, ни о тоддах, ни о курумбах вам ничего верного не скажут ни англо-индийцы, ни сами туземцы, а не скажут потому, что они сами ровно ничего о них не знают; да никогда и не узнают...»

Так говорил мне нильгирийский плантатор, отставной генерал-майор и судья на «Голубых горах», отвечая на все мои вопросы об интересующих меня давно тоддах и курумбах. Мы стояли против скал «Озера», и когда он замолчал, долго еще слышали, как горное эхо, пробужденное его громким голосом, повторяло насмешливо и замирая: «не уз-на-ют... не уз-на-ют!»

А ведь действительно интересно было бы узнать! Такое открытие касательно тоддов было бы, пожалуй, позанимательней даже нового открытия о десяти потерянных племенах Израиля, которые «Общество Отождествления» – вдруг нечаянно и негаданно открыло теперь в англичанах.

А теперь дадим пока, что знаем. Но прежде мы должны сказать несколько слов.

Избрав в этих заметках главными героями тоддов и муллу-курумбов, мы чувствуем, что вступаем на опасную для себя почву, почву нежеланную и нелюбимую ни европейскими учеными, ни неучеными европейцами, менее же всего желающею угодить массам печатью. Всем нам ведомо, как упорно она чурается всего, что близко ли, далеко ли напоминает читателям о «духах» и спиритизме. Но говоря о «Голубых горах» и их странных племенах, нам совершенно невозможно умолчать о том, что составляет их главную и самую выдающуюся характеристику.

Нельзя, описывая совершенно своеобразный уголок земного шара, а главное – его загадочные, ни на кого другого не похожие племена, выкидывать из рассказа то, на чем вся их бытовая и религиозная жизнь построена. По крайней мере, сделать это в отношении тоддов и курумбов также немыслимо, как ставить на сцене «Гамлета», выкинув из пьесы принца Датского. Тодды и курумбы рождаются, растут, живут и умирают в атмосфере колдовства. Если верить рассказам туземцев и даже старожилов на этих горах из европейцев, то эти дикари

находятся в постоянном общении с невидимым миром. Поэтому если в этой гирлянде географических, этнологических, климатических и многих других аномалий природы наш рассказ станет, развиваясь, перемешиваться, как пшеница с плевелами, со всяческою, извиняюсь за выражение, чертовщиной, или с аномалиями человеческой природы в области трансцендентальной физики, то вина в том, право, не наша. Зная, как эта область не жалуема гг. естественниками, мы бы душевно были рады осмеять, как они, все места как далекие, так и «не столь отдаленные» этой нелюбимой страны: да совесть не допускает. Нельзя братья описывать совсем новые племена, мало кому известные расы, не затрагивая, в угоду скептикам, самой характеристичной, рельефной черты их повседневной жизни.

Факты налицо. Простые ли они последствия ненормальных и чисто физиологических явлений, по излюбленной теории медиков: или же результаты проявлений (наверное, столь же естественных) сил природы, которые кажутся науке (в ее настоящем неведении) невозможными и несуществующими и поэтому отвергаются – для вашего дела это не составляет ни малейшей разницы. Мы заявляем, как уже сказано, только *факты*. Тем хуже для науки, если она еще ничего о них не узнала; а не зная о них ничего, все-таки продолжает называть их «диким абсурдом», «грубым суеверием» да «бабьими сказками». К тому же притворяться неверующим и смеяться над верой других в то, что сам признаешь за доказанные реальные явления, не допускающие ни малейшего сомнения, не есть дело ни честного человека, ни аккуратного рассказчика.

Насколько мы лично верим в так называемое колдовство и «чары», покажут следующие страницы. Есть целые группы явлений в природе, которые наука не в состоянии разумно объяснить, указывая на них, как только на нечто проистекающее из действий одних химических и физических мировых сил. В материю и силу наши ученые верят; а в жизненный принцип, отделенный от материи – не желают верить, хотя, когда мы учтиво просим их объяснить нам, что такое в сущности эта *материя* и что такое заменившая ее теперь *сила*, то наши величайшие просветители становятся в тупик и говорят нам: «Не знаем».

Так вот, пока им еще известно об этих трех предметах так же мало, как англо-индийцам о тоддах, мы попросим читателя сначала вернуться с нами за более нежели полстолетия назад. Мы предлагаем ему послушать нашу сказку-быль о том, как мы впервые напали на существование Нильгири («Голубых гор»), ныне Мадрасского Эльдорадо. Как там мы нашли никому до того неизвестных великанов и карликов, в коих может быть усмотрено русской публикой полное сходство между се отечественными ведьмами и знахарями, а может быть, кое-что еще и похуже. Вдобавок ко всему этому, из этой сказки-были читатель узнает, что есть в Индийском поднебесье такая чуткая страна, где, на высоте 8000 футов в январе месяце люди ходят в одних кисейных покровах, а в июле часто кутаются в теплые шубы, хотя эта страна находится всего в 11 градусах от экватора. Так приходилось поступать нижеподписавшейся, тогда как под ногами у нас 8000 ниже постоянно стояло (по Фаренгейту) 118 градусов жары в *прохладной* тени самых густых деревьев.

в которой два Нимрода отправляются на охоту за «богами», а натыкаются вместо них на боа-констриктора и на бробдиньягов и лилипутов

*У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит...*

Ровно шестьдесят четыре года тому назад, то есть в конце 1818 года в сентябре месяце, недалеко от Малабарского берега южной Индии и всего в 350 милях от Дравидского пекла, именуемого Мадрасом, было случайно сделано самого неожиданного характера открытие. До такой степени оно показалось тогда всем странным, даже невероятным, что в первое время ему никто не поверил. Мгновенно возникли легендоподобные, запутанные и совершенно фантастические слухи, сперва в народе, а затем распространились и выше. Но когда они проникли в местные газеты и превратились в официальную действительность, то лихорадка ожидания перешла у всех в полное горячее состояние...

В медленно шевелящихся и, вследствие жара, почти атрофированных от бездействия мозгах англо-мадрасцев произошла молекулярная пертурбация, говоря языком известных физиологов. Все, за исключением лимфатических *мудильров*, соединяющих в себе темпераменты лягушки и саламандры, закопошилось, зашевелилось и громко забредило о некоем чудно прохладном эдеме в самых недрах «Голубых Холмов», ^[2] открытом будто бы двумя усталыми охотниками. По сведениям последних, там земной рай: благоуханные зефиры и прохлада круглый год; страна над вечными туманами Куимбатурс, ^[3] в которой шумят величественные водопады, стоит от января до декабря вечная европейская весна; цветут дикие саженные розы и гелиотропы; благоухают в кувшин величиною лилии, ^[4] и где свободно разгуливают, судя по их громадной величине, допотопные буйволы и обитают Гулливеровские бробдиньяги и лилипуты. Каждая долина, каждое ущелье этой чудной индийской Швейцарии представляет замкнутый от остального мира уголок земного рая и пр.

От этих рассказов у «высокопочтимых» отцов «Ост-индской компании» проснулась сонная и не менее мозгов атрофированная печень, и потекли слюнки. В первое время никто не знал, где именно были открыты такие чудеса, ни куда, ни как ехать за столь заманчивою в сентябре прохладой. Наконец «отцы» решили, что следует подкрепить открытие официальным путем и прежде всего узнать, что такое именно открыто. Охотников пригласили в Главную Кантору Президентства и тогда узнали, что близ Куимбатурс произошло следующее.

Но, во-первых, что такое Куимбатурс? ^[5]

Куимбатурс – главный город уезда этого имени, а самый уезд находится милях в трехстах от Мадраса, столицы южной Индии, и знаменит во многих отношениях. Во-первых, он был обетованною землею для охотников на слона и тигра, как и на более мелкую дичь, так как этот уезд, вдобавок к другим прелестям, славится своими болотами и дремучими лесами. Почувыв смерть, слоны почему-то всегда уходят из чащи лесной в болото. Там они залезают в глубокую

тину, где и приготавливаются спокойно к *нирване*. Вследствие такой замечательной привычки, болото изобилует их клыками, и слоновая кость добывается (или скорее добывалась во времена оны) довольно легко.

Говорю «добывалась» в прошлом. Увы, для бедной Индии все с той поры изменилось. Теперь в ней ничего не добывается и никто ничего не может добыть, кроме разве вице-короля, которому вице-королевство доставляет царские почести и сумасшедшие деньги, впрочем, иногда с примесью гнилых яиц от сердитых англо-индийцев. Между «тогда» и «теперь» легла бездна имперского «престижа», поперек которой стоит привидение лорда Беконсфильда... *Тогда* «отцы Компании» добывали, покупали, открывали и сохраняли. *Теперь* вице-королевский совет получает, взимает, отнимает и ничего не сохраняет. *Тогда* «отцы» были круговращательною силой в застывающей крови Индии, которую они хоть и сосали, но иногда и обновляли, подливая новой крови в ее устарелые жилы. *Теперь же* вице-король с советом подливают разве только желчи. Вице-король – есть центральная точка огромной империи, с которою он не имеет ни симпатии, ни чего-либо общего. «Отцы» если и были в одном смысле бурьяном родины священной коровы, то были и сочным репейником, кормившим миллионы кротких ослов. А вице-король это нынешний искусственно привитый цвет к растению, называемому индийской Империей, который, истощая силы, медленно убивает самое растение. По поэтическому выражению сэра Ричарда Темиля, «вице-король крепкая ось, вокруг которой должно вертеться Колесо Империи...» Положим, что это и так: только это колесо стало с некоторых пор крутиться с такой бешеною быстротою, что грозит ежеминутно разбиться вдребезги.

Но как тогда, так и теперь, Куимбатур славится не только своими лесами и болотами, но считался и считается рассадником проказы, лихорадок и *эlefантиаза*.^[6] Куимбатур, то есть уезд, носящий это название, скорее ущелье, нежели что иное. Это миль двести в длину и двадцать в ширину бесконечно длинная и узкая полоса земли. Расположенный между Малабаром и Карнатиком, Куимбатурский уезд врезается острым углом в Анамалльские или Слоновые горы^[7] к югу; постепенно поднимается к высотам Майсура – к северу; затем, как бы приплюснутый сбоку Западными «Гхатами»^[8] с их дремучими почти девственными лесами, круто обрывается и исчезает в более мелких *джунглях* лесных племен. То тропическая, вечно зеленая от испарений болот обитель слона и ныне уже вымирающего боа-констриктора. Со стороны Мадраса эта нагорная масса, похожая издали на прямоугольный треугольник, словно прицеплена к другому, еще более громадному, треугольнику – к равнинам Декканской нагорной плоскости, опирающей свою северную оконечность в Виндийские горы (Vindya) Бомбейского президентства, а западную и восточную оконечности – в «холмы» Сахиядри Мадрасского президентства. Эти две разжалованные англичанами в холмы горные цепи составляют точку соединения между восточными и западными *гхатами* Индии. По мере того, как восточные приближаются к западным гхатам, они начинают постепенно утрачивать свой вулканический характер. Соединясь наконец с волнообразными живописными возвышенностями западного Майсура и словно слившись с ними, они окончательно перестают считаться *гхатами* и называются просто холмами.^[9]

Обе оконечности этого как бы треугольника возвышаются в Мадрасском президентстве по обеим сторонам, направо и налево города Куимбатура в виде двух восклицательных знаков. Словно два гиганта, часовые, поставленные природой сторожить вход в ущелье, стоят эти два остроконечные пика, увенчанные зубчатыми скалами на подножии из зеленых лесов и с бедрами, вечно укутанными в облаках да сизых туманах. То остроглавые горы, прозванные в местной англо-индийской географии «Тенерифами» Индии, Нильгири и Муккартебет. Первый, то есть Тоддабет, возвышается на 8760 футов, другой на 8380 футов над морским уровнем.

В продолжение столетий обе эти вершины, особенно от Рангасуами, возвышенности самого

грозного издали вида, слыли в народе за горы, недосягаемые для простых смертных. Давно уже такая их слава перешла в местные легенды, и вся эта страна считалась в народной суеверии за область священную и потому заколдованную, переступить рубеж которой, даже нечаянно, было бы святотатством, достойным смерти. То, де, обитель богов и высших *дев* (див). Там *сварга* (рай) и там и *нарака* (ад), полный «азуров» и «пизачей». ^[10] Таким образом, под охраной религиозного поверья Нильгири и Тоддабет оставались в продолжение долгих веков совершенно неизвестными остальной Индии. Тем менее в те далекие времена «достопочтенной» (Right Honourable) Ост-Индской Компании, то есть в двадцатых годах нашего столетия, могло прийти в голову кому-либо из европейцев исследовать замкнутую со всех сторон внутреннюю местность в горах; не потому, чтобы кто из них верил в поющих духов, а потому, что веря в недосягаемость их высот, никто и не подозревал, чтобы там находившись столь прелестные уголки, тем более кем-либо обитаемые, кроме диких зверей да змей. Редко бывало, когда англичанин-спортсмен или охотник из евразиев, дойдя до подошвы одного из заколдованных холмов, настаивал, чтобы туземный *шикари* (охотник) проводил его на несколько сот футов выше. Проводники-туземцы, как бы сговорясь с *шикари*, очень естественно, под тем или другим предлогом от этого отказывались. Чаще всего они уверяли «сааба», что далее и идти нельзя; нет, де, там ни лесов, ни дичи, а есть только одни бездны, скалы до облаков да тущобы, обитаемые злейшими лешими – почетная стража *див*. Поэтому ни один *шикари* не соглашался ни за какие деньги идти выше известной черты на этих горах...

Что такое «*шикари*»? Современный представитель этого класса остался тем же, чем он был и в баснословные времена царя Рамы. В Индии всякая профессия становится наследственной, а затем переходит в *касту*. Чем был отец, тем будет и сын. Целые поколения кристаллизуются и как бы застывают в одной и той же форме. *Шикари* обыкновенно одет в костюм, составленный из охотничьих ножей, пороховниц из буйвольего рога, да древнего кремневого ружья с девятью осечками на десять выстрелов, на совершенно голом теле. Часто он имеет вид дряхлого старика, и при встрече с ним одаренному чувствительным сердцем «иностранцу» (то есть не туземцу, как и не англичанину) всегда хочется предложить ему гофманских капель: до того у него впалый и словно подведенный болью живот. Но не потому наш *шикари* еле ползает и ходит сгорбившись, согнутый в три погибели, а по долгой, развившейся в силу его профессии, привычке. Пусть только подзовет его к себе сааб-спортсмен, пусть покажет и посулит ему несколько рупий, и *шикари* мигом выпрямится и начнет торг на какого угодно зверя. Условившись, он опять согнется в дугу, поползет осторожно, обвив тело и подошвы пахучими травами, чтобы не выдать себя зверю и чтобы не почуял тот «духа человеческого». И просидит он несколько ночей напролет, спрятавшись, как хищный ястреб, в густой листве древесной, среди «вампилов», менее его кровожадных. Не выдавая своего присутствия и полувздохом, дряхлый Нимрод готовится хладнокровно следить за агонией привязанного им для приманки тигра к дереву злополучного козленка или младенца-буйвола. А затем, оскалив зубы до ушей при виде тигра, он станет прислушиваться, не шевеля ни одним мускулом, к жалобному бляению и обонять с наслаждением запах свежей крови, смешанный с хорошо ему знакомым острым специфическим запахом полосатого палача лесов. Раздвинув осторожно я неслышно ветви, он будет зорко и долго наблюдать за насыщающимся зверем, и когда тот, тяжело ступая, окровавленными лапами по засохшей земле, облизываясь и зевая, обернется еще раз по привычке всех «полосатых» поглядеть на останки своей жертвы, тогда *шикари* выстрелит из своего кремневого ружья и наверно положит зверя на месте с одного разу. «Ружье *шикари* никогда не осекается, стреляя по тигру», древняя пословица, перешедшая между охотниками в аксиому. А если *сааб* желает сам позабавиться стрельбой в лесного «бара-сааба» (большого господина ^[11]), то *шикари*, заметив с дерева, куда тигр отправился ночевать, при первых лучах солнечных тотчас же соскочит со своей

ветки, бросится со всех ног в деревню, наймет толпу, устроит облаву и будет он целый день под палящими, убийственными лучами солнца бегать от одной группы к другой, устраивать, кричать, жестикулировать и отдавать приказания, пока «сааб» № 1 не ранит с безопасной высоты своего слона «сааба» № 2, тогда *шикари* все-таки придется самому доконать зверя из своего древнего ружья. Только затем уже, если не случится чего особенного, отправится *шикари* под первый попавшийся куст, где он в одно и то же время и за один раз, роскошно позавтракает, пополдничаает, пообедаёт и поужинает горстью протухлого риса и каплей болотной воды.

Так вот с тремя такими удалыми *шикарями*, и как сказано, в сентябре 1818 года, к концу летних вакаций, два англичанина, чиновники-землемеры на службе Компании, отправились на охоту в Куимбатур, заблудились и дошли до самых в те времена охотничьих пределов, а именно до Гузлехутского ущелья, близ ныне знаменитого водопада Колакамбе. ^[12] Над ними, далеко и высоко под облаками, прорываясь отдельными пятнами сквозь сизый тонкий туман, виднелись скалистые иглы Нильгири и Муккартебета... То terra incognita, заколдованный мир -

... Горы таинственные,
Обитель Див неведомых,
Холмов голубых...

как гласит старая песня на нежном наречии малаялима. Поистине «голубые»! Смотрите на них с какой угодно точки и на каком хотите расстоянии, снизу, сверху, из долины или с других высот, и пока они не пропадут у вас совсем из вида, то даже в туманную погоду, холмы, сверкая как драгоценный сапфир внутренним огнем, словно тихо дышат, переливаясь, как волнами, своими золотисто-голубыми, в отдалении – синими лесами, невольно поражая своим необычайным колоритом...

Землемеры, пожелав попробовать счастья, приказали *шикарям* вести их далее. Но удалые *шикари*, «как того и следовало ожидать», наотрез отказались. Далее из отчета двух англичан мы узнаем, что эти старые, опытные и храбрые охотники, истребители тигров и слонов, с первого слова о том, чтобы идти далее, за водопад, бросились бежать. Пойманные и приведенные назад, они все трое повалились ниц перед ревушим потоком и, по наивному сознанию одного из межевщиков, Киндерзлея, «соединенные усилия наших двух толстых плетей не могли поднять их на ноги»... «и прежде нежели они не окончили своих громких заклинаний *дивам* этих гор, мольбы богам не наказывать и не губить их, невинных *шикарей*, за такое преступление. Они трепетали как осиновый лист, катались по мокрой земле берега, словно в припадке эпилепсии»... «Никто и никогда не переступал за пределы водопада Колакамбе, – говорили они, – и кто вступит в эти трупобы, тому никогда не вернуться живым!»

Так в тот раз, или, скорее, в тот день, англичанам не удалось даже и переступить за черту водопада. Волей-неволей пришлось вернуться в деревню, из которой, переночевав накануне, они вышли утром. Без проводников и *шикарей* англичане боялись заблудиться, а потому уступили. Но они внутренне поклялись заставить *шикарей* идти в будущий раз далее. Вернувшись в селение на новый ночлег, они созвали почти всю деревню и стали держать со старшинами совет. То, что они слышали, разожгло их любопытство еще более.

В народе ходили о заколдованных горах самые невероятные слухи; и многие из мелких «земиндаров» (землевладельцев) ссылались на местных плантаторов и чиновников евразиев, как на людей, которые *знают правду* о священной местности и хорошо понимают невозможность добраться туда. «Рассказывали целую эпопею о некоем плантаторе индиго, имевшем все добродетели, кроме веры в индусских богов. В один прекрасный день, – говорили важные

брамины, – мистер Д. в погоне за зверем, не обращая внимания на наши постоянные предостережения, забрел за водопад и пропал с того дня без вести. Только через неделю затем узнали власти о его вероятной участи: да и то благодаря старой „священной“ обезьяне из соседней пагоды. Почтенная макашка имела, как видно, привычку делать в свободные от религиозных обязанностей часы визиты в соседние плантации, где ее угощали и кормили набожные кули. В одно утро она явилась с сапогом на голове. Сапог оказался с отсутствующей ноги плантатора, а сам хозяин оного так никогда и не нашелся: без малейшего сомнения дерзновенный был разорван на куски «*пизачами*», – решили в народе. Правда, Компания заподозрила было браминов пагоды, которые давно тягались с пропавшим за принадлежавшую ему землю... Но ведь *саабы* всегда и во всем подозревают этих святых людей, особенно в Южной Индии.

Подозрению не было дано ходу. Так бедный плантатор и сгинул с тех пор... Он перешел всецело и навеки в далекий и в те времена еще менее «Голубых гор» исследованный властями и учеными мир, мир бестелесной мысли; а на земле он превратился в сон, вечная память о котором, под видом старого сапога, стоит и доселе за стеклом в шкафу уездной полиции.

Говорили... что еще говорили? А вот что: по ею сторону «дождевых туч» горы необитаемы; это, конечно, в отношении одних только простых, всеми зримых смертных; а по ту сторону «сердитой воды» водопада, то есть на высотах священных вершин Тоддабета, Муккартебета и Рангасуами, живет неземное племя – племя кудесников и полубогов.

Там – вечная весна, нет ни дождей, ни засухи, ни жары, ни холода. Чародеи этого племени не только не женятся, но и не умирают, даже не рождаются: их младенцы сваливаются совершенно готовыми из поднебесья и «растут вверх», по характерному выражению Топси в «Хижине дяди Тома». Ни одному смертному не удавалось еще побывать на этих вершинах; как никогда и не удастся, разве только после смерти. «Тогда это явится в пределах возможности, потому что, как хорошо известно браминам, – а кому же это лучше знать? – небожители „Голубых гор“, из уважения к Богу Бrame, уступили ему часть своей горы под *сваргу* (рай), антресоли которого, надо полагать, находились в то время в починке.

Однажды некий шикари из их села, напившись пьяным в коллекторской кухне, отправился ночью высматривать тигра и нечаянно забрел за водопад. На другое утро его тоже нашли под горой мертвым, и пр.

Так гласило устное, так еще повторяет и печатное, предание в «Сборнике местных легенд, преданий» в переводе с тамильского на английский язык миссионерами; издание 1807 года, которое и рекомендуется читателю.

Подстрекаемые такими рассказами, а главное – видимыми препятствиями и затруднениями экскурсии, наши два охотника решились доказать еще раз туземцам, что для «высшей», властвующей над ними расы слово «невозможность» не существует. Британскому *престижу* необходимо было заявлять себя во все времена истории; иначе о нем могли бы позабыть.

Известно ли у нас, в благодушной России, что такое именно заключается в этом магическом слове «британский *престиж*»? Конечно, читателю более или менее известно, что в Индии все от ожиревшего европейца-лавочника, евразия-плантатора, потешающегося крепким арапником в руке над спинами кули, от чванного чиновника под серым *топи* на голове, имеющем аршин в диаметре и похожем на глубокий, опрокинутый соусник, до рыжего, прилизанного, долгополого, раззолоченного по швам и разящего на десять шагов водкой солдата-англичанина, – все и каждый ищут заявить и установить кулаком собственный, а равно и национальный *престиж*. Но знают ли как именно выражается в Индии *политический престиж*? Узнать это можно только сравнительно. В далекие и более счастливые времена Уорена Гастингса и его удалых товарищей, престиж британский состоял в том, чтобы улыбаться щедрому восточному человеку и, принимая

от него дары и натурою, и златом, все-таки при случае надувать его, грабить и отнимать у него наследие отцов. Теперь декорация несколько изменилась, но только на первом плане, а задний план и вообще весь грунт остались те же. «Престиж» нашел полезным для поддержания блестящей фантазмагии, именуемой Имперскою политикой, по выражению англо-индийских сатириков, преподносить ежегодно Маммоне миллионы заморенных голодом бедняков. *Райот* (землепашец) – есть козел отпущения в Индии за британские грехи. *Райот* – жалкое существо, которое от рождения до смерти со своим всегда огромным семейством живет кусочком иссохшего поля. Обязанный платить за все, от вице-королевских охот, даваемых в честь скушающих теистов из королевского дома, до подарков императрицы царькам Индии, бесталанный райот лучше всех осуществляет силу и значение этого страшного слова: «политический престиж». Этот «престиж» наследовал Ваалу-Пеору, в ненасытную пасть которого бросались ежегодно тысячами рабы и пленники. Британцы перещеголяли впрочем, в этом даже самих ассириян. Они бросают в пасть «политического престижа» миллионы человеческих жизней. Со дня основания этого престижа, райот осуществляет собою великое открытие Дарвина «борьбы за существование». Умирая голодною смертью в стране несметных богатств и расточительности для поддержания «престижа» сильнейшего, райот сделался живым символом и вместе протестом против теории survival of the fittest.

Да не вознегодуют, читая это как и все подписанной «Радда-Бай» в русских журналах, ее подозрительные и ревнивые друзья англо-индийцы! Пусть лучше вспомнят, что писал о них и об этих самых вопросах «Али-Баба»,^[13] остроумнейший из их писателей, каждый взмах пера которого был злейшею и вместе глубоко правдивою сатирой на современное положение Индии. Какими яркими, живыми красками описана им эта мученица страна! Взгляните на его панораму Индии, на обязательное теперь в ней присутствие легионов ярко-пунцовых солдат да залитых в золото вице-королевских *сайсов* и *чупрасси*. Сайсы – конюхи и скороходы чиновников, а чупрасси – официальные правительственные рассыльные, носящие ливрею «империи» и состоящие при всех, больших и малых, гражданских чиновниках; если продать их на вес золота в их ливреях, то они представят сумму, половины которой достаточно, чтобы прокормить сотни семейств ежегодно. Прибавьте к ним издержки багровых от пьянства членов совета и разнохарактерных комиссий, учреждаемых обыкновенно *при конце* каждой повальной голодовки, и докажется, что политический британский *престиж* убивает ежегодно более туземцев, нежели взятые вместе холера, тигры, змеи и даже легко (и всегда так кстати) лопающиеся индийские селезенки...^[14] Правда, убыль, причиняемая им в рядах чернорабочего люда, пополняется прибылью все разрастающегося племени и поколений евразиев. Эта весьма некрасивая раса «креолов» – один из самых объективных и удачных символов нравственности, внесенной расой цивилизованною в расы полудиких рабов их, индусов. Евразии созданы на свете англичанами при помощи голландцев, французов и португальцев. Они – венец и бессмертный памятник деятельности благодущных «отцов» Ост-Индийской Компании. Компанейские «отцы» часто вступали в браки с туземками, законные как и незаконные (так как разница между теми и другими в Индии весьма небольшая: она основана на веровании супругов в степень святости коровьего хвоста). Но и это последнее звено дружеских отношений между высшею и низшею расами оборвалось. Теперь, к великой радости индусов, англичане стали смотреть на супруг и дочерей с отвращением, которое превышает разве только гадливостью туземцев при виде англичанки более или менее *декольте*. Две трети Индии наивно верят в распущенный браминами слух, что «белые» обязаны своим цветом проказе.

Но не в этом вопрос, а в «престиже». Это чудовище родилось вследствие трагедии 1857 года. Заметая метлой последующих реформ все следы Англо-Индии коммерческой, официальная Англо-Индия вырыла между собой и туземцами такую бездну, что не завалить ее и

тысячелетиями. Невзирая на грозный призрак британского престижа, она расширяется ежедневно, пока не поглотит окончательно одну из пород – либо черную, либо – белую. «Престиж» поэтому есть не более, как рассчитанная мера сохранения. Вследствие усиленного внимания к престижу и стал появляться в последние годы голодный мор среди туземцев. В глазах этой «христианской» нации, это даже не грех. Туземец давно объявлен ею не человеком, а вещью. Он – наскоро собранная природой комбинация слабо склеенных атомов, прямая эволюция, беспереходных стадий асцидии в негра, даже без помощи обезьяны. Этот новый научный взгляд внушается всем туземцам: от запаиваемого до полусмерти шампанским и опиумом *раджи*, до прозрачного от худобы и голода *куш* и *рашта*. Первый уже так хорошо дрессирован «политическими резидентами», что готов, за лишний пушечный выстрел в следующем ему по праву салюте, продать во имя политического британского *престижа* всю Индию, с родными отцом и матерью в придачу. Второй, то есть *райот*, способен реализовать эту великолепную Беконсфильдовскую идею в своих иссохших от лишений мозгах вполне только при последних минутах жизни: он синтезирует ее, умирая голодной смертью...

Принося за эту диверсию челобитную, возвращаясь к положению куимбатурцев в 1818 году. Попав между двух огней: *престижа* земных владык и суеверного страха пред владыками преисподней и их мщением, злосчастные Дравиды почувствовали себя прищемленными между рогами ужасной дилеммы. Не прошло и недели, английские *саабы*, оставившие было жителей деревушки в сладкой надежде, что миновала их еще одна гроза, вернулись в Метопалам у подошвы Нильгири и поразили их как громом объявлением, что через три дня по прибытии нескольких гарнизонных солдат и межевщиков отряд намерен предпринять путешествие на священные вершины Голубых гор.

Услышав страшную для них новость, несколько земиндаров обрекли себя на *дхарну*, то есть, голодную смерть у дверей *саабов*, пока те не взмилуются и не обещают отказаться от намерения. Деревенские *мунсифы*, разодрав одежду, что не стоило больших усилий, обрили головы своим женам и заставили их, в знак общественного бедствия и общего траура, царапать себе (конечно, жен) в кровь лица. Брамины читали заклинания и *мантры* вслух, посылая про себя англичан с их богохульными затеями в *нарак* ко всем чертям. *Метопалам* огласился воплями и криками отчаяния на целые три дня. Ничто не помогло. Как сказано, так и сделано. Снарядив партию из подобранных между компанейцами смельчаков, новые Колумбы решились было пуститься в путь и без проводников. Деревня опустела, будто после военного разгрома: туземцы разбежались в ужасе, и межевщикам, коноводам партии, не оставалось делать ничего иного, как пойти самим разыскивать путь к водопаду. Они заблудились и вернулись. Эксплуататоры однако не смутились. Поймав где-то спрятавшихся двух поджарых малабарцев, объявили их пленными: «Либо ведите и вот вам золото; либо отказывайтесь и все-таки пойдете, так как вас потащат силой. А затем, вместо золота, тюрьма». А в те блаженные дни кротких отцов компанейства слово «тюрьма» было синонимом, Мадрасском, да и в других президентствах, *пытки*. Оно и теперь иногда случается, как это было еще недавно доказано; и в те времена жалобы самого младшего из писарей высшей расы было достаточно, чтобы подвергнуть туземца пытке. Угроза подействовала. Бедные малабарцы понурили головы и, ни живые, ни мертвые, повели европейцев к Колакамбе.

Странно, если случилось затем то, что рассказывают: а что было так, в этом нам порукой официальное донесение двух межевщиков. Не доходя до водопада, на привале, одного из малабарцев, невзирая на непривлекательную костлявость, унес тигр прежде чем кто-либо из охотников заметил зверя. Крики несчастного привлекли их внимание, когда уже было поздно. «Выстрелы или не попали, или же убили жертву, которая вместе с похитителем исчезла из глаз, словно оба провалились сквозь землю», – сказано в рапорте. А другой туземец, переправившись

через быстрый поток на другой «запрещенный» берег за милю от водопада, где партия в первый день восхождения заночевала, безо всякой видимой причины *внезапно умер*, вероятнее всего от страха. Любопытно читать мнение очевидца касательно этого странного совпадения. Описывая этот случай (в «Madras Courier», 3 ноября 1818 года), один из чиновников, по имени Киндерзлей (Kindersley) пишет так:

«Убедясь в непритворной смерти второго *арапа* (nigger), наши солдаты, особенно суеверные ирландцы, очень смутились. Но мы с Уишем (Whish) (имя другого межевщика) тотчас же решились: отступить – значило обесчестить себя без пользы, став вечным посмешищем товарищам и закрыть навеки вход в Нильгирийские горы и к их чудесам (коли такие там имеются) всем другим англичанам. Мы положили отправиться далее без проводников, тем более, что ни оба умершие малабарца, ни другие живые, не более нас самих знали дорогу по ту сторону водопада».

Далее следует подробное описание их трудного восхождения на горы и карабканья по совершенно перпендикулярным скалам, пока они не очутились за облаками, то есть, за чертой «вечного тумана», и не увидели его волнующейся синевы под ногами. Так как все, что они там нашли, описано далее и находится в извлечениях из писем Д. Сэлливана, уездного коллектора куимбатурского, посланного после правительством на формальное следствие, то, во избежании повторений, я и ограничусь лишь поверхностным, в немногих словах, описанием главных похождений двух межевщиков.

Отправляясь выше, далеко за рубеж туманов, наши авантюристы наткнулись на огромного боа-констриктора. Один из них нечаянно упал в полутемноте на что-то «слизистое и мягкое». Это «нечто» зашевелилось, зашуршало, встало и оказалось тем, чем оно и было, то есть весьма неприятным собеседником. Удав, в виде приветствия, обвился вокруг одного из «суеверных» ирландцев и успел, до получения нескольких пуль в широко разинутую пасть, сжать «Патрика» в своих холодных объятиях с такою силой, что несчастный через несколько минут после этого умер. Убив не без больших затруднений чудовище и смерив содранную кожу, путешественники нашли, к ужасу и удивлению, что боа имел 26 футов в длину! Затем пришлось копать для бедного ирландца могилу, что они совершили с большим трудом, еле успев спасти тело от налетевших со всех сторон белых коршунов. Могилу эту показывают до сего дня. Она находится под скалой, немного выше Куннура. Первые поселенцы англичане сложились и украсили место приличным памятником, в воспоминание «первого пионера, погибшего в экспедиции в горы».

Над двумя «арапами» не поставили ничего, хотя по праву они-то и были «первыми» погибшими из экспедиции жертвами, как и первыми, хотя и невольными, пионерами. Но если в глазах англичанина даже всегда ненавистный ирландец все же *нечто* вроде человека, то туземец Индии – даже и не скотина: иначе за него наверное бы заступилось Общество Покровительства Животным, чего оно, как всем известно, не делает.

Потеряв двух черных пешек и одного белого человека, англичане полезли далее и встретились со стадом слонов, дававших друг другу регулярные сражения. Слоны, к счастью, не заметили их, а потому и не тронули. Зато они заставили разбежаться во все стороны испуганный отряд. Когда отряд хотел снова собраться, то нашел себя рассеянным на группы по два и по три человека. Проплутав всю ночь в лесу, человек семь вернулись в разные часы следующего дня в деревню, из которой экспедиция вышла за сутки до того с такой заносчивостью. Три человека европейцев исчезли бесследно.

Оставленные одни, Киндерзлей и Уиш бродили по склонам гор в продолжение нескольких суток: то подымаясь на вершины, то снова спускаясь в ущелья. Все время им приходилось

питаться ягодами и грибами, которые они находили здесь во множестве. Каждый вечер рев тигров и слонов заставлял их искать убежища в высоких деревьях и проводить ночи без сна, чередуясь часами и ожидая ежеминутно смерти. *Дивы* и другие таинственные обитатели и хранители «заколдованных» трещин заявили себя таким образом с первого же дня. Неудачные искатели несколько раз порывались вернуться назад, но, невзирая на все усилия, хотя шли прямо вниз, встречали ежеминутно такие препятствия на пути, которые заставляли их поневоле сворачивать в сторону, а ища обойти скалу или холм, они находили себя снова в безвыходной трещине. Их инструменты и даже оружие, кроме висевших на них ружей и пистолетов, остались в руках остальной партии. Им было невозможно ни ориентироваться, ни найти дороги вниз, и оставалось одно – подниматься все выше и выше. Если сообразить, что со стороны Куимбатура Нильгири возвышаются лестницей громадных перпендикулярных скал от 5000 до 7000 футов до самой долины Уттаманда, что многие из таких скал образуют страшные бездны и что межевщики именно и выбрали эту дорогу, то можно легко себе представить с какими трудностями пришлось им бороться. По мере их восхождения, природа как бы отрезала им путь назад. Часто им приходилось взлезать на верхушки дерев, чтобы затем перепрыгивать через обрывы на ближнюю скалу.

Наконец, на девятый день странствия, потеряв всякую надежду найти в этих горах что-либо кроме смерти, они решились попытаться еще раз вернуться назад, стекаясь с горы прямо и избегая, сколько возможно, всяких поворотов в сторону. Вследствие такого решения они положили сперва взобраться на самую высокую перед ними местность, чтобы разглядеть с нее окрестности и лучше сообразить предстоящий им путь. Они находились в то время на поляне, в небольшом расстоянии от высокого и, по-видимому, довольно отлогого холма, как им показалось, с небольшими скалами наверху. Чтобы добраться до последних, казалось стоило только взбежать на холм, что, судя по его наружному виду, не представляло больших затруднений. К их удивлению, и с потерей последних сил, им пришлось взбираться около двух часов. Густо покрытый травой, которую здесь называют «атласною» (satin grass), отлогий холм оказался до того скользким, что с первых же шагов пришлось им подниматься почти ползком и цепляясь за траву и кусты, чтобы каждую минуту не скатываться назад. Взбираться вверх по такой траве все равно, что стараться взойти на стеклянную гору. Достигнув, наконец, после невероятных усилий вершины, оба упали в совершенном изнеможении и приготовились, как пишет Киндерзлей, «к худшему».

То был ныне известные всему Уттакаманду, знаменитый «холм гробниц», или, как их здесь называют, cairns. Такое друидское название всего более подходит к характеру этих памятников неизвестной, но глубокой древности, которые межевщики сперва приняли за скалы. Этот, как и многие другие холмы Нильгирийской цепи, весь усеян подобными гробницами. Рассуждать о них, впрочем, много не приходится. Как и все остальное в этих таинственных горах, их происхождение и последующая история покрыты непроницаемым мраком. Пока, впрочем, наши герои отдыхают, собираясь с новыми силами, можно поговорить и о могилах, на это не потребуется много времени.

Когда лет двадцать позднее нашего рассказа стали производить раскопки, то в каждой гробнице было найдено большое количество железной, бронзовой и глиняной утвари, необычайной формы фигуры и металлические грубой формы украшения. Ни фигуры, – по-видимому идола, – ни украшения, ни утварь ничем не напоминают подобных им предметов, употребляемых в других частях Индии и другими народами. Особенно глиняные изделия замечательны своим видом: словно первообразы гадюк (описанные Беросом), что ползали в хаосе при сотворении мира. Касательно самих гробниц, кем и когда они были сооружены, какой из людских пород они послужили последним убежищем на земле, также ничего нельзя ни

сказать, ни даже предположить, ибо всякая гипотеза разбивается тем либо другим затруднением. Что означают эти странные геометрические фигуры, каменные, костяные и глиняные, эти додекаэдры, треугольники, пяти, шести и восьмиугольники самой правильной формы, эти, наконец, глиняные фигурки с бараньими и ослиными головами на птичьих телах? Гробницы, то есть окружающая могилу стена, всегда овальной формы, от двух до трех аршин вышины и сложена из крупных неотесанных и безо всякого цемента камней. Стена всегда обрамляет глубокую, иногда в пять и шесть ярдов глубины, могилу, покрытую довольно правильным сводом и выложенную иногда как склеп гладкими камнями, хотя склепы трудно различить – до такой степени они завалились от древности землей и камнями. Форма гробниц, хотя и схожая своим внешним видом с такими же древними могилами в других частях света, мало сама по себе проливает свет на их происхождение. Такие памятники находятся в Бретани и других частях Франции, в Уэллсе и в Англии, как и в горах Кавказа. Конечно, у английских ученых и тут дело не обошлось без вездесущих скифов и парфян. Только схороненные в них археологические останки уже совсем не скифские; да и скелетов в них еще не находилось до сей поры, как и чего-либо похожего на оружие. Надписей также нет никаких, хотя и были вырыты каменные доски, по углам которых выцарапано нечто похожее на иероглифы, вроде тех, что находятся на обелисках Паланки и других мексиканских развалин.

Между всеми пятью племенами Нильгирийских гор, людьми пяти совсем различных между собою пород,^[15] не нашлось никого, кто мог бы доставить хотя бы малейшее сведение касательно этих, никому не известных могил. Тодды, самое древнее из пяти племен, также ничего не знают о них. «Не наши и не можем сказать, чьи они; наши отцы и первые поколения нашли их здесь, и никто не строил их за наше время», – вот постоянный ответ тоддов археологам. Если вспомнить при этом древность, которую себе приписывают тодды, то выйдет, что в этих могилах хоронили праотцев Адама и Евы. Обряды погребения у всех пяти племен совершенно различные между собой. Тодды сжигают своих покойников вместе с любимыми буйволами; муллу-курумбы хоронят их под водой; эруллары привязывают их к верхушкам дерев, и т. д.

Если бы, придя в себя, заблудившиеся охотники встали и принялись бы осматривать окрестность, которая расстилалась перед ними во все стороны на много десятков миль, то они, вероятно, предупредили бы меня описанием одной из великолепнейших панорам Индии, так как, не ведая еще тогда сами того, они находились на самой высокой, за исключением Тоддабетского *ника*,^[16] вершине этих гор. Трудны представить себе, а еще менее браться описывать чувства, волновавшие в то время двух альбионцев лицом к лицу с такою грандиозною картиной. Вероятнее всего, что ничего похожего на восторг художника или члена «Альпийского клуба» не нашло себе места в их усталой груди. Они были голодны и полумертвы от истощения, а такое физическое состояние всегда будет брать верх в подобные минуты над духовным элементом бедного человечества. Если бы, – как то делают теперь, шестьдесят лет позднее, их потомки, – если бы они приехали к этому холму верхом или в рессорной коляске, окруженные десятками корзин с яствами для веселого пикника, то они, вероятно, пришли бы в такой же энтузиазм, как и все мы перед открывающимся с этого холма как бы новым миром. Но то был критический час, как для всего Мадрасского президентства, как для них, так и для нас: погибни они тогда в горах, не было бы теперь ежегодно спасаемых сотен жизней, как и не был бы написан нами этот правдивый рассказ.

Так как эта местность тесно связана с последующими событиями, то я прошу позволения очертить ее и вместе с тем выразить, за отсутствием лучшего описания, свои собственные чувства. Трудно тому, кто побывал хоть раз на «Холме гробниц», забыть его в продолжение самой долгой жизни. А пишущая эти строки не раз совершала Геркулесовский подвиг

восхождения на холм по этому скользком пути... Впрочем, спешу оговориться и вместе покаяться: подвиг всегда был совершаем мною в покойном кресле-паланкине, на головах у дюжины алчных кули, всегда готовых в Индии рисковать селезенкой из-за пригоршни меди. В Англо-Индии мы легко привыкаем ко всему, даже обращаться в неменяемых убийц ближнего, злосчастного меньшого брата, пряникообразного и высохшего кули. Но в отношении к «Холму Могил», по крайней мере, мы желаем и требуем смягчающих обстоятельств в виду нашей тяжелой вины перед совестью. Всегда ожидающий на нем путника мир волшебства и чудес природы способен парализовать всякую предосторожность не только касательно чужой, но даже и своей селезенки.

Постарайтесь вообразить себе эту картину. Взойдите на этот холм, то есть почти на 9000 футов выше уровня моря, которое, к слову, синее тонкою ниткой в сорока милях оттуда, на горизонте Малабарских берегов, и взгляните: под ногами у вас миль на двести кругом расстилается пространство, как на ладони! Куда ни взглянешь: направо, налево ли, на юг или на север, перед глазами у вас волнуется безбрежное море зеленых, алых и синих холмов, остроконечных, зубчатых и закругленных вершин скал, самых фантастических и капризных форм: точно иссиня-зеленый, облитый сиянием тропического солнца, бурливый океан во время циклона, покрытый мачтами утопающих и утонувших кораблей. Таким мы видим иногда океан-призрак во время сна.

Взгляните теперь на север. Хребет Нильгирийской цепи, поднимаясь на 3500 футов выше нагорных плоскостей Майсура, перебрасывается гигантским мостом 15 миль в ширину и 49 в длину, как бы вырастая из пирамидообразного Иелламулая западных *гхат*, и стремится, сломя голову, отлогими уступами, с сияющими безднами по обеим сторонам, вплоть до утопающих в бархатистой сизой мгле округленных холмов Майсура. Там, наткнувшись на острые скалы Пайкара, чудовищный мост, кроме узенькой полоски, которая соединяет одну цепь с другою, вдруг обрывается перпендикулярно вниз, разбивается на мелкие скалы, превращается в булыжник и начинает шуметь, бурлить потоком, бешено прорываясь вперед, будто догоняя светлую реку, вырвавшуюся из мощных недр его горы.

А теперь бросьте взгляд на южную сторону «Холма Могил». Там, миль на сто в длину, во всю юго-западную область «Голубых гор» дремлют во всем величии своей недоступной, девственной красоты темные леса, непроходимые болота Куимбатурс, замыкаемые красными, как кирпич, холмами Кхунда. Еще далее, левее на восток, извиваясь каменным змеем, уходит вдаль средний хребет *Гхат*, между двумя рядами высоких, вулканических, почти отвесных скал. Увенчанные, словно растрепанными волосами на макушке, букетами изогнутого во все стороны ветром ельника, эти вереницы отдельных зубчатых вершин представляют самое любопытное зрелище. Можно подумать, будто выбросившая их вулканическая сила имела в виду приготовить каменную модель грядущего человека: до того эти утесы имеют человекообразную форму. Сквозь волнующийся, прозрачный, как дымка, туман, они будто сами волнуются, двигаясь одна за другою, и мнится, будто скачут и бегут они, эти старые, покрытые вековым мохом, скалы. Перепутываясь, толкая, опережая и разбиваясь друг о друга, спешат они, как мальчишки-школьники, скорее вырваться из узкого ущелья на простор и свободу... А кругом, высоко над ними, под самыми ногами стоящего на «Холме Могил» туриста, расстилается на первом плане картина совсем другого рода: тишь да гладь, да Божья благодать...

Поистине, весенняя идиллия Вергилия, обрамленная грозными картинами из «Ада» Данте. Изумрудные, испещренные цветами пригорки, рассыпанные, как бородавки, по светлому лику горной долины, с ее длинною шелковою муравой и ароматическими травами. Только вместо белоснежных барашков да пастушков с пастушками стада громадных черных, как смоль, буйволов, а вдали неподвижная, как бронзовая статуя, атлетическая фигура длиннокудрого

Тодды-Тералли, или «священнодействующего».

На этой выси царствует вечная весна. Даже декабрьская и январская морозные ночи не способны изгнать ее отсюда в полдень. Здесь все свежо и зелено, все цветет и благоухает круглый год, и «Голубые горы» являются здесь во всей прелести улыбающегося даже сквозь слезы младенца, прекраснее, быть может, во время сезона дождей нежели в другое время года.^[17] Да и все на этих высотах как будто только зарождается, появляется на свет божий впервые. Сердитый горный поток здесь еще в колыбели. Он бьет пока из-под родного камня тонкою струей, убегая далее журчащим ручейком, на прозрачном дне которого лежат атомы будущих грозных утесов. В своем двойном образе природа является здесь полным символом человеческой жизни: чистой и ясной, как само младенчество на этих высотах: суровой и истерзанной, как сама жизнь, в борьбе стихийной – ниже. Но все вверху, как и внизу, цветет во все времена года всеми радужными красками волшебной палитры Индии. В этих горах пришельцу из долин все кажется необычайным, чуждым, диким. На них поджарый, пряничного цвета кули превращается в бледнолицего рослого тодда, который, как привидение древнего римлянина или грека, с гордым профилем, важно драпируясь в белую льняную тогу, подобной которой нет ничего похожего в Индии, глядит на индуса с благосклонным презрением быка, взирающего задумчиво на черную жабу. Здесь желтоногий пестрый ястреб низменностей является могучим горным орлом; а иссохший ковыль и обгорелый репейник кактуса Мадрасских полей вырастает в гигантскую траву, в целые леса тростника, где слон может смело играть в прятки, не страшась людского взгляда. Здесь поет русский соловей, а кукушка кладет яйца в гнездо южной желтоносой майны, вместо гнезда своего северного друга, голубой вороны, которая превращается в этих лесах в свирепого, черного, как смоль, ворона. Здесь всюду контраст: куда ни глянешь, аномалия. Из густой листвы дикой яблони вылетают в светлый полдень мелодичные звуки, чириканье и песнь неизвестных в долинах Индии пернатых; а из темного бора несется подчас зловещий рев тигра и читты, да мычание дикого буйвола... Минутами торжественная тишина, царящая на высотах, прерывается тихими, таинственными звуками, шуршаньем, порою диким, сиплым криком. Затем все снова умолкает, замирает в благоуханных волнах чистого горного воздуха, и опять надолго воцаряется прерываемое ни одним звуком молчание. В такие минуты затишья одно внимательное, любящее природу ухо способно уловить биение ее мощного, здорового пульса, чутко угадывая его непрерываемое движение даже в этом немом заявлении радостной жизни мириадами ее творений, видимых и невидимых.

Нет, не легко забыть Голубых Нильгири тому, кто пожил в них! В этом чудесном климате мать-природа, собрав свои разбросанные силы, собрала их в одно для произведения всех образчиков своего великого творчества. Она как бы чередуется проявлениями то северных, то южных полос земного шара. Потому-то она то оживляется, просыпаясь к деятельности, то снова замирает, усталая и ленивая... То видишь ее полудремлющую во всем величии облитой ярким солнцем юга красоты, убаюкиваемую согласно мелодией всех ее царств; то встретишь ее гордую и дикую, напоминающую о своей мощи колоссальными растениями тропических лесов и ревом ее великанских зверей. Еще один шаг в другую сторону, и она снова падает, как бы изнеможенная после крайнего усилия, и сладко засыпает на ковре северных фиалок, незабудок и ландышей... И лежит наша великая, мощная мать, тихо и неподвижно, овеваемая прохладным ветерком да нежными крыльями целого роя невиданных, волшебного-красивых мотыльков и бабочек.

Теперь подножие этого холма обвито тройным поясом роц эвкалипта. Роцци обязаны своим существованием ранним европейцам-плантаторам.^[18] Кто не знаком с этим прекрасным *Eucalyptus globulus*, австралийским деревом, которое разрастается в три-четыре года, как другое

не разрастется и в двадцать, тот не знаком с главной прелестью садов. Служа замечательным средством, очищающим воздух от всяких миазмов, такие рощи делают климат Нильгири еще более здоровым. Все ошалевшие от чересчур монотонно-горячих ласк индийской природы туземцы, как и представители Европы в Мадрасском президентстве, рвутся искать выздоровления и отдыха в лоне ее на этих горах; и она никогда не обманывает этих ожиданий; соединив, как в один букет, все климаты, все флоры, зоологию как и орнитологию пяти частей света; гений гор подносит все это от имени своей владычицы каждому забравшемуся в Нильгири усталому путнику.

«Голубые горы» – это визитная карточка с полным исчислением заслуг и титулов, которую природа, злая мачеха европейца в Индии, оставляет в знак полного примирения своему, ею же замученному пасынку.

Час такого примирения пробил и для наших бедных героев. Совершенно разбитые, они еле могли держаться на ногах. Пострадавший менее Уиша и более сильный Киндерзлей, отдохнув, стал обходить пригорок. Он старался высмотреть с этого холма в расстилавшемся перед ним хаосе скал и лесов удобнейший для возвращения путь. Ему показалось, будто он видел недалеко оттуда дым и поспешно вернулся к товарищу, чтобы сообщить ему новость, как вдруг он был поражен будто громом... Пред ним стоял, повернувшись к нему в полуоборот спиной, бледный как смерть и как в лихорадке дрожащий Уиш. Вытянув руку, он конвульсивно тыкал указательным пальцем в даль. Тогда, взглянув по направлению пальца, всего в несколько сот футов от них, в ложбинке у самого подножия холма Киндерзлей заметил сперва жилье, а немного далее – людей. Вид этих предметов, который в другое время несказанно бы обрадовал их, поразил в то время почему-то обоих ужасом. Правда, дом был какой-то странный, невиданной ими прежде нигде архитектуры. В нем не было ни окон, ни дверей, и он был круглый, как башня, и с совершенно пирамидальной, хотя и закругленной сверху крышей. Что же касается людей, то на первый взгляд оба компанейца даже колебались принять их за людей. Оба инстинктивно бросились за стоящий невдалеке от них куст и, раздвинув ветви, глядели во все глаза на странныедвигающиеся перед ними фигуры. То, что они в них узрели, описано Киндерзлеем как «группа великанов, а возле них – несколько групп страшно уродливых карликов!» Забыв всю прошлую удаль и насмешки, они были готовы серьезно принять их за гениев и гномов этих гор; но вскоре оказалось – то были просто огромные тодды, их данники и обожатели баддаги и крошечные слуги этих данников, безобразнейшие в мире дикари муллу-курумбы.

Истратив весь заряд, потеряв одно из ружей и чувствуя себя в состоянии полного расслабления неспособными противиться нападению даже таких карликов, компанейцы собрались, незаметно скатившись кубарем с холма, улизнуть, как вдруг заметили подошедшего с тыла другого неприятеля. Подкрававшиеся к ним и усевшиеся выше их на дереве, обезьяны внезапно открыли по ним пальбу весьма неприятным для них снарядом – грязью. Их стрекотанье и воинственные крики очень скоро привлекли внимание пасшегося невдалеке оттуда стада огромных буйволов. Буйволы замычали в свою очередь, высоко подняв головы к вершине пригорка, а затем и тодды, как видно, заметили их. По крайней мере через несколько минут отвратительные карлы появились перед ними и овладели безо всякого сопротивления двумя полумертвыми героями. С Киндерзлеем сделался, по его показанию, «обморок от одного испускаемого чудовищами-дикарями зловония». К их великому удивлению, однако, карлики их не съели и даже не очень помяли: «Они только прыгали да плясали перед нами, хохоча во всю огромную глотку», – пишет Киндерзлей. Великаны, то есть тодды, оказались совсем *джентльменами* (sic!). Удовлетворив свое весьма понятное любопытство при виде, как оказалось, первых белых когда-либо виденных ими людей, тодды напоили их превосходным

буйволиным молоком, накормили похлебкой из грибов и сыром, а затем уложили отдыхать в замеченном ими пирамидальном домике, где оказалось «темно, но тепло и сухо и где они проспали, как убитые, до другого утра».

Всю ночь, как потом оказалось, тодды просидели в торжественном совете. Несколько лет спустя, когда мистер Сэлливан, которого они до сих пор называют «отцовским братом», ^[19] самое почтительное у них после «отца» название, приобрел их искреннюю любовь и доверенность. Рассказывая ему об этой памятной для них ночи, тодды ему говорили, что они уже давно поджидали к себе в горы «людей со стороны заходящего солнца». На вопрос Салливана, как они могли это знать, они отвечали неизменно одною и тою же фразой: *так нам доено объявили буйволы, а они всегда и все знают*. В эту ночь их старики решили участь англичан, а также и перевернули новую страницу в книге своей собственной истории.

На другое утро, видя, что англичане еле могли двигаться, тодды приказали своим данникам снарядить для больных нечто вроде носилок, на которых их и понесли баддаги. Англичане заметили, что тодды услали еще с утра куда-то карликов. «С тех пор и до самого дня возвращения в Нильгири, мы их не видели и даже нигде не встречали», – рассказывает Киндерзлей. Как узнано позднее, особенно из рассказов миссионера Метца, тодды не без причины боялись для своих гостей враждебного присутствия карликов муллу-курумбов; они их послали назад в их лесные тущобы, *строго запретив им глядеть на белых странников*. Такое, немного странное запрещение было ими мотивировано миссионеру тем, что «взгляд курумбы убивает непривыкшего к нему и боящегося его человека», а так как боязливое отвращение англичан к этим карликам было, конечно, подмечено тоддами в первую же минуту их появления, то вследствие этого явилось и запрещение курумбам *глядеть* на пришельцев.

Бедные, великодушные тодды! Кто знает, как часто впоследствии раскаивались их старики, что недоброму глазу муллу-курумбов они не предоставили этих людей, от возвращения которых в Мадрас и их доклада зависела дальнейшая участь Нильгири!.. Но «так давно порешили буйволы... а они знают!»

Тихо медленно несомые на носилках баддагами, удивляясь и, конечно, радуясь своему нежданному счастливому избавлению, англичане имели теперь случай лучше разглядеть дорогу и окружающие их окрестности. Они были поражены громадным разнообразием этой растительности, которая соединяет в себе почти все породы тропиков, а вместе с тем и северных климатов. Нередко им попадались гигантские старые сосны, шероховатые стволы которых совсем исчезали у корней среди алоэ и кактусов. Фиалки цвели у подножия пальм, и белоствольная береза и трепещущая осина отражались в темных тихих водах пруда, рядом с царским цветом Египта и Индии гордым лотосом. По дороге они находили фруктовые деревья всех стран, ягоды всех сортов от бананов до яблонь и от ананасов до малины и клубники. Страна изобилия, благословенная обитель! «Голубые горы» видимо избраны природой одним из пунктов ее всемирной выставки!

Во все время спуска вокруг путников журчали сотни ручьев; из трещин скал била здоровая ключевая вода, поднимались пары из минеральных источников и всюду веяло прохладой, о которой они давно позабыли в знойной Индии.

В их первую по дороге ночь, с ними приключилось очень смешное происшествие. Баддаги, после небольшого совещания, вдруг насильно завладев ими, раздели догола и, не обращая внимания на их отчаянное сопротивление, окунули в теплую минеральную воду лужи и обмыли им раны и царапины. После этого, держа их поочередно на скрещенных руках выше уровня воды и прямо над теплым паром, стали петь нечто вроде заклинаний с аккомпанементом таких ужасных кривляний и диких возгласов, – пишет Киндерзлей, – «что нам серьезно почудилось одну минуту, будто они собираются нас принести в жертву одному из лесных богов».

Но англичане ошиблись, хотя лишь к утру убедились в несправедливости своего подозрения. Натерев им больные ноги каким-то тестом из мягкой глины и сочных трав, баддаги тепло закутали их и «буквально усыпили над теплым паром источника». Проснувшись на другое утро, они почувствовали необычайное облегчение во всем теле и особенно крепость в мускулах. Всякий след боли в ногах и сочленениях, как бы по волшебству, исчез. Они стали совершенно здоровыми и окрепшими. «Нам сделалось положительно совестно перед этими, заподозренными нами так напрасно, дикарями», – рассказывает Уиш в письме к приятелю.

К полудню они спустились так низко, что им стало довольно жарко, и они заметили, что перешли черту туманов и находились уже на Куимбатурской стороне. Уиш пишет, что они не могли довольно надивиться одному: при восходе на гору они встречали ежечасно следы присутствия разных диких зверей; им приходилось глядеть в оба и окружать себя величайшими предосторожностями, чтобы не попасть в логовище тигра, не наткнуться на слона или стаю читт... «теперь же, на возвратном пути, *лес как бы вымер*: самые птицы щебетали, казалось, только издали, не подлетая к нам... нам не перебежал пути даже красный заяц». Баддаги вели их вниз узенькою, извилистою и еле заметною, но неправильною тропой, не пересекаемою, видимо, никакими препятствиями.

Как раз перед заходом солнечным они вышли из лесу и скоро стали встречать на пути куимбатурцев из подгорных сел. Но им не пришлось знакомить их с проводниками. Завидя еще издали толпу возвращавшихся с работы кулей, баддаги мгновенно исчезли, прыгая с одной скалы на другую, словно стая испуганных обезьян. Так чудесно спасенные англичане остались снова одни. Но теперь они находились на опушке леса, и всякая опасность миновала. Подозвав людей, они узнали от них, что находятся почти в Малабаре, в Уинди, то есть стране диаметрально противоположной Куимбатуру. Целая горная цепь отделяла их таким образом от водопада Калакамбе и деревни, из которой они отправлялись. Малабарцы вывезли их на большую дорогу и к ужину они были уже под гостеприимной кровлей *мунсифа*^[20] небольшой деревушки. На другое утро они запаслись лошадьми и к вечеру прибыли благополучно в знакомую им деревню, в ту самую, откуда пустились в путь в заколдованные горы ровно двенадцать дней назад.

Слух о благополучном возвращении богохульных *саабов* из обители богов разнесся по селу и его окрестностям с быстротой молнии.

«*Дивы* не наказали дерзновенных... они даже не тронули *ферингов*, которые так смело вторглись в их веками замкнутые от остального мира владения... Что это значит? Неужели они избранники *Садду*?» – Вот что шепталось, сообщалось и передавалось из одного села в другое, пока не сделалось необычайным событием дня. Брамины хранили зловещее молчание. «Такова на этот раз, – говорили старики, – воля благословенных *див*; но что скажет будущее? Это одним им (сиречь, богам) известно». Волнение распространилось далеко за границы уезда. Целые толпы суеверных дравидов приходили простираться перед англичанами и отдавать им все предписанные для «избранников богов» почести.

Межевщики торжествовали. «Британский престиж» пустил глубокие корни и утвердился на долгие годы у подножия «Голубых гор»...

Новое восхождение на Тоддабетский пик. – Англия объявляет «Голубые горы» британской территорией и кладет Нильгири в карман. – «Боги» разжалованы в смертные. – Различные гипотезы о тоддах.

*А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь...*

До этой страницы, невзирая на данные, почерпнутые мною из печатных рассказов Киндерзлея и Уиша, наша быль все-таки выглядит сказкой. Не желая быть заподозренной даже в преувеличении, продолжаю описание уже со слов самого правителя куимбатурского, «высокоблагородного» (High Honourable) Д. Сэлливана, из напечатанных в тот год его рапортов Ост-Индской Компании. Таким образом, наша быль примет чисто официальный характер. Она не будет уже, как то могло казаться доселе, извлечением из полуфантастического рассказа еле живых, голодных охотников, быть может, в припадке лихорадочного от лишений бреда и не одной ссылкой на сказки суеверных дравидов, а дословным пересказом донесений английского чиновника и изложением его последующих статистических работ касательно «Голубых гор». Мистер Д. Сэлливан жил на Нильгири и управлял его пятью племенами долгое время. Память об этом справедливом и добром человеке не исчезнет еще много лет. Она живет доселе на холмах,^[21] увековечена выстроенным им Уттакамандом с его прелестным озером и цветущими садами, а его книги, доступные каждому, служат свидетельством и подтверждением всего того, что читатель найдет далее. Интерес нашего рассказа может только возрасти от выписки подлинных слов покойного коллектора Куимбатурса.

Проверив во дни нашего личного пребывания на горах точность наблюдений над тоддами и курумбами целого роя чиновников и миссионеров и сравнив их показания и теории с данными из книг мистера Сэлливана и дословных показаний генерала и мистрис Морган, ручаюсь за достоверность сведений. Продолжаю летопись с того дня, как после чудного своего избавления землемеры вернулись в Мадрас.

Слухи о новооткрытой земле и ее жителях, о гостеприимстве и особенно об услуге, оказанной тоддами героям нашей второй главы, приняли под конец в стоустой молве такие размеры, что «отцы» проснулись и принялись наконец серьезно за дело.

Послали нарочного из Мадраса в Куимбатур. Теперь на путешествие туда требуется двенадцать часов, а тогда потребовалось двенадцать дней. Пришел приказ «правителю» уезда от главного начальства: «Поручается, де, г-ну коллектору, мистеру Джону Сэлливану, исследовать и проверить глупые басни о „Голубых горах“, а затем и донести о них по начальству».

Немедля коллектор снарядил экспедицию: уже не горсть людей, собранную кое-как межевщиками и тотчас же расстроенную, а такую экспедицию, словно он отправлялся с нею в полярные моря. С ним шла целая армия сипаев, несколько десятков боевых слонов, сотни охотничьих чинт,^[22] собак и пони, а в арьергарде следовали дюжины две опытных охотников-англичан. Везли подарки: тоддам оружие, которого они никогда не употребляют, а курумбам – праздничные тюрбаны, которых те отродясь не надевали. Все было как следует. Везли палатки и инструменты, врачей и лекарства, быков на убиение и туземных арестантов для удобрения земли там, где приходится рисковать жизнью и терять людей, взрывая скалы и проводя дороги. Не

везли только одного – туземцев-проводников, опять-таки потому что все люди этой профессии снова разбежались из деревень. Участь, постигшая двух малабарцев в первой экспедиции, была жива еще в памяти всех. То, что прошло даром «барасаабам», может взыскаться с туземцев, рассуждали запуганные браминами – с одной, а англичанами и их «престижем» – с другой стороны, уstraшенные дравиды.

Трое «больших раджей» прислали посольства из Майсура, Вадьяна и Малабара с инструкциями молить коллектора, чтобы он пощадил страну и ее многие народности. Гнев богов, – говорили они, – иногда бывает сдержан, но когда он разразится, то становится ужасным. Посвягательства на священные вершины Тоддабета и Муккертабета должно будет отозваться неслыханными бедствиями для всего края. Семьсот лет тому назад цари Чоллы и Пандии, желая завладеть горами, отправились было с двумя армиями воевать с дивами, но не успели они перейти за туманы, как все были задавлены с обеими армиями и всем обозом обрушившимися на них огромными скалами. В тот день пролилось столько крови, что скалы сделались от нее с тех пор ярко-багровыми на протяжении целых миль, и даже земля стала красною».^[23]

Но коллектор остался непоколебим. Англичанина умолигь всегда бывает трудно. Он не верит в могущество богов; зато все плохо лежащее всегда должно принадлежать ему – по божественному праву.

Итак, в январе 1819 года караван мистера Сэлливана тронулся в путь и стал восходить со стороны Денайгонкотты, то есть, оставив «смерть посылающий» водопад в стороне. Вот что затем читала недоумевающая публика в «Мадрасском курьере» от 30 января и 23 февраля в перепечатанных этой газетой донесениях коллектора. Сокращаю и даю резюме:

«Имею честь доложить высокопочтеннейшей (Most Honourable) Ост-Индской Компании и их превосходительствам, гг. директорам, что вследствие приказагния, полученного (такого-то числа и проч.), я отправился (следует повторение вышесказанного)...в горы. Заручиться проводниками я не успел; ибо под предлогом, что эти горы принадлежат их богам, аборигены объявили мне прямо, что предпочитают тюрьму и смерть путешествию за черту „тумана“. Вследствие сего, снарядив отряд из европейцев и наших сипаев, 2 января 1819 года мы стали подыматься из деревни Денайгонкотты, отстоящей от подножья Нильгирийского „лика“ на две мили... Для наглядного понятия о климате на этих горах, имею честь представить следующие сравнительные таблицы от первого до последнего дня восхождения».

Таблицы показывали, что тогда как со 2 до 15 января по всему Мадрасскому президентству термометр (по Фаренгейту) показывал во все время от 85° до 106° жары, – на Нильгирийских горах, начиная от 1000 футов над морской поверхностью ртуть стояла всего на 50°, спускаясь затем по мере восхождения и показывая на высоте 8076 футов всего 32° (то есть до нуля по Реомюру) в самые морозные часы ночи.

Забежав на минуту вперед, мы видим, что теперь, когда Нильгирийские холмы покрыты европейскими плантациями, город Уттакаманд имеет до 12000 постоянных жителей и все приведено в порядок и известность, климат этой прелестной страны есть уже сам по себе невиданное и чудесное явление: в 300 милях от Мадраса и в 11 градусах от экватора, от января до декабря температура, невзирая на юго-западный и северо-восточный муссон, вращается постоянно между 15 и 18 градусами разницы в продолжение самых холодных, как и самых жарких месяцев в году, от восхода до захода солнечного, в январе, как и в июле, на 1000, как и на 8000 футов высоты. Вот наглядное доказательство этому, взятое из первых наблюдений г.

Сэлливана.

Термометр, ^[24] января 2 на 1000 футов высоты:

«В 6 часов утра – 57°; в 8 – 61°; в 11–62°; в 2 часа пополудни – 68°; в 8 часов вечера – 44°».

На 8700 футов высоты тот же термометр показывает 15 января: «В 6 часов утра – 45°; в полдень до 2 часов – 48°; в 8 часов вечера – 30°; ночью, в 2 часа, вода слегка замерзала в кувшинах».

И это в январе, заметьте, почти на 9000 футах над морем!

Внизу, в долине, 23 января, термометр стоял уже в 8 часов утра на 85° жары; в полдень – на 99°; в 2 часа пополудни – на 108°, а в 8 часов вечера – на 97°; в 2 часа ночи он показывал – 98°!

Чтобы не затруднять читателя цифрами, заключаю сведения о Нильгирийском климате следующей сравнительной таблицей средней температуры между Уттакамандом, ныне столицей «Голубых гор», Лондоном, Бомбеем и Мадрасом.

Лондон 50°

Уттакаманд (7300 ф.) 57°

Бомбей 81°

Мадрас 85°

Каждый хиревший и прощавшийся с печенью в Мадрасе спешил на эти благотельные горы и почти всегда выздоравливал. В первые два года по основании Уттакаманда, то есть с 1827 до 1829 года, из 3000 постоянно поселившихся там жителей и 1313 приезжих временных гостей умерли только двое. В Уттакаманде год за годом смертность никогда не превышала $\frac{1}{4}$ %, и в замечаниях санитарного комитета говорится следующее: «Климат в Нильгири объявлен теперь с достоверностью самым здоровым в Индии. Губительное действие тропического климата не исчезает в нем только в тех случаях, когда у больного невооразратно разрушен один из главных внутренних органов» («Records of the Medical Baard of Madras»).

Говоря о вековом неведении окружающих Нильгири народов об этой чудной местности, мистер Салливан рассуждает о нем в своем донесении так:

«Нильгирийские холмы расстилаются между 76° и 77° восточной долготы и 11° и 12° северной широты. С северной стороны они неприступны вследствие почти перпендикулярных скал. На южной стороне, милях в сорока от Океана, они покрыты до сей поры неисследованными, ибо непроходимыми, лесами; с запада и востока они замкнуты остроконечными утесами и холмами Хунда. Неудивительно, стало быть, что в продолжение многих веков они оставались вполне неизвестными остальному миру, а в Индии были ограждены от вторжения своею необычайною во многих отношениях своеобразностью».

«Взятые вместе эти две цепи, то есть Нильгирийская и Хундская, обнимают географическое пространство в 268494 квадратных мили, покрытое сплошь вулканическими скалами, долинами, ущельями и утесами».

Вследствие всего этого, уже на высоте 1000 футов экспедиция мистера Сэлливана увидала себя вынужденною оставить слонов и бросить почти весь багаж, так как приходилось

продвигаться все выше и выше, перелезая через скалы посредством веревок и блоков. В первый день погибли три человека, на второй – семь человек арестантов. Сопровождавшие Сэлливана, Киндерзлей и Уиш не оказали ему ни малейшей помощи. Дорога, по которой их провели так легко на возвратном пути баддаги, исчезла навеки, как будто следы ее были замечены каким-то волшебством: ее не нашли еще и до сей поры, хотя искали ее долго и тщательно. На все вопросы баддаги притворялись непонимающими. Очевидно, аборигены не имеют намерения выдавать англичанам всех своих тайн.

По одолении главного препятствия, то есть отвесных утесов и скал, окружающих Нильгирийскую гору словно сплошною китайскою стеной, и после потери человек пятнадцати арестантов да двух сипаев, хотя партии предстояли еще большие затруднения, но она нашла себе скоро и награду. Подымаясь шаг за шагом, то вырубая выемки в скалах для ноги, то опускаясь снова на сотни футов на веревках в глубокие бездны, на шестой день путешествия англичане очутились наконец на довольно ровном месте. Здесь в лице коллектора Великобритании «объявила „Голубые горы“ королевскою территорией. По водружении на высокой скале английского флага», – «нильгирийские боги сделались подданными его великобританского величества».

С этого часа экспедиция стала встречать следы человеческого жилья. Она увидела себя в «стране волшебной, величественной красоты»; но через несколько часов «эта картина вдруг чудодейно исчезла: мы снова попали в туман. Незаметно подкравшись, облако окутало нас со всех сторон, хотя мы давно, – как думали Киндерзлей и Уиш, – перешли за черту вечного тумана».

В те годы Мадрасское метеорологическое отделение обсерватории не успело еще решить характера этого странного явления и приписать оное, как теперь, его настоящим причинам.^[25] Поэтому и мистер Сэлливан мог только, удивляясь, констатировать феномен, описав, как он тогда появился. «В продолжение целого часа, – пишет он, – мы чувствовали себя *осязательно* среди окружающего нас теплого, мягкого, как *пух*, тумана, что доказывали наши насквозь промокшие платья. На расстоянии полушага люди стали друг у друга пропадать на глазах: – до того облако было густо; а затем люди, как и части окружающей нас панорамы, начали быстро прыгать перед нами, то появляясь, то снова исчезая в этой мокрой и словно освещенной бенгальским огнем голубоватой атмосфере»...

Местами вследствие затруднительного медленного подъема «пар делался до того невыносимо горяч», что некоторые из европейцев «чуть было не задохлись».

К сожалению, ни натуралисты, ни физики высокопочтенной Компании, сопровождавшие мистера Сэлливана, не могли или не успели исследовать этого явления. Не далее как через год после того было уже поздно изучать его: как только большая часть утесов, которые когда-то опоясывали «холмы», стали исчезать один за другим, взрывающиеся для прокладки дорог в Нильгири, исчезло бесследно и само явление.^[26] Пропал голубой пояс Нильгири. Теперь туман является гораздо реже:– только во время муссонов. Зато сами горы сделались еще синее издали, еще более яркого, лазоревого цвета...

Первые донесения коллектора полны хвалений и удивления природному богатству и изобилию этой чудной страны. «Где только мы ни проходили, почва оказывалась всюду превосходною. Мы узнали от баддаг, что она дает по два урожая в год пшеницы, ячменя, гороха, опиума и других разных злаков. Невзирая на мороз январских ночей, мы нашли мак в полном цвету. По-видимому, мороз не оказывает в этом климате никакого действия на растительность... Во всех долинах и ущельях мы находили превосходную воду. На каждой четверти мили непременно встречался горный ручей, который нам приходилось, часто с опасностью, переходить вброд. Многие из источников сильно пропитаны железом, температура некоторых

Превышала намного температуру воздуха... Куры и домашняя птица, найденная у оседлых баддаг, вдвое больше самых крупных пород той же птицы в Англии; а наши охотники нашли, что нильгирийская дичь, особенно фазаны, куропатки и зайцы, последние совершенно красного цвета, тоже гораздо крупнее этой дичи в Европе. Волки и шакалы встречались нам целыми стаями... Также попадались тигры, очевидно, еще не знакомые с ружьем и несколько пар слонов. Последние, посмотрев на нашу компанию, отвертывались довольно равнодушно и уходили в лес, не торопясь и как бы в полном неведении о возможной опасности... Южная сторона гор, покрытая на 5000 футов своей высоты тропическими, вполне девственными лесами, изобилует слонами особенного, почти черного цвета и величиной выше цейлонских слонов. Змей много и весьма красивых; в местностях, превышающих 3000 футов, они совсем безвредны (как это теперь доказано). Обезьян тоже несчетное число и на всех высотах».

Да будет замечено к слову, что англичане безжалостно с тех пор их истребляют. ^[27] Бедные наши горемычные «прародители»! И каких только нет в Нильгири обезьян: от больших черных, с серыми пушистыми капюшонами «лангуров» – *Presbytis jubatus* – до «льва-обезьяны» *Jnuus eilenus*. Лангуры живут на вершинах самых высоких скал, в глубоких трещинах отдельными семействами, как настоящие «пещерные первобытные люди». Красота их меха служит предлогом к жестокому избиению европейцами этого кроткого и чрезвычайно умного животного. «Львы-обезьяны» счастливее. Они избежали такой горькой участи, выбрав себе местом жилья такие тущобы, куда еще не заходила нога человека. «Льва-обезьяну» можно встретить только на опушке леса на южной стороне «Голубых гор», куда они выходят иногда погреться на солнце. Завидя человека, они тотчас же спасаются в непроходимые чащи Малабарских лесов. Голова у этой обезьяны совершенно львиная, с бело-желтой гривой и пучком таких же волос на кончике хвоста, откуда и название их.

В этом описании флоры и фауны «холмов» я, конечно, придерживаюсь не одних показаний и исследований Сэлливана во время его первого восхождения. В те дни он знал еще очень мало и описывал лишь то, что встречал в дороге, вследствие чего я и дополняю его показания позднейшими открытиями.

Наконец, они напали на след настоящих обитателей и владельцев Нильгирийских гор, тоддов и курумбов. Чтобы не возвращаться опять к предмету, скажем тотчас же, что тогда как по позднейшим сведениям баддаги, живущие с тоддами уже около семисот лет, являлись иногда им одним известными дорогами в полянах Куимбатурса, где живут их сродники, другие баддаги – тодды и курумбы – оставались совершенно неизвестны туземцам. Они и теперь, когда давно уже установилось правильное и ежедневное сообщение между Уттакамандом и Мадрасом, никогда не сходят со своих гор. Долго не знали, чему приписать такое неестественное молчание баддаг о существовании двух живущих вместе рас. Теперь решили, и кажется весьма справедливо, что тайна объясняется лишь одним суеверием, начало и причина которого, впрочем, все еще остаются европейцу необъяснимыми, а для каждого туземца – весьма понятными. Не говорили баддаги о тоддах потому, что для них тодды – боги, неземные существа, которых они боготворят; а произносить имена своих *фамильных*, раз избранных божеств, ^[28] считается у индусов за величайшее им оскорбление, за кощунство, на которое не решится ни один туземец, даже под угрозой смерти. А курумбов они ненавидят, страшась их столько же, сколько обожают тоддов. Одно уже, хотя бы тихо произнесенное имя «Курумбы», навлекает, по их мнению, несчастье на того, кто его произносит.

Поднявшись на высоту 7000 футов и выйдя на волнообразную широкую поляну, партия изыскателей нашла группу зданий у подножья скалы, которые Киндерзлей и Уиш тотчас же признали за уже виденные ими дома тоддов. Каменные домики без окон и дверей, с их пирамидальными крышами, были им слишком памятны, чтобы они могли их забыть. Заглянув в

единственное отверстие, служащее в таких домах вместе окном и дверью, они нашли жилища пустыми, хотя видимо обитаемыми. Далее, мили за две от этой первой «деревни», они увидали:

«...Картину, достойную кисти художника и перед которою мы остановились в неопишемом изумлении, а сопровождавшие нас сипай-туземцы – в великом и суеверном страхе», – докладывает коллектор. – «Перед нашими глазами открывалась сцена из быта древних патриархов. На разных пунктах пространной, обрамленной кругом высокими утесами долины паслось несколько стад огромных буйволов с колокольчиками и серебрянными бубенчиками на рогах... а далее – группа длинноволосых, с седыми бородами почтенного вида старцев, укутанных в белые мантии»...

То были, как они узнали позднее, старшины поджидавших их тоддов и священные буйволы *Тоуэля* (ограды храма) этого племени. Вокруг них полулежали, сидели, ходили и стояли «в позах, живописнее коих ничего нельзя себе вообразить», человек семьдесят или восемьдесят мужчин с непокрытыми головами. При одном взгляде на таких «красивых, рослых Голиафов» первая мелькнувшая в голове почтенного англичанина и патриота мысль была о возможности «сформировать особенный полк из этих молодцев и, послав в Лондон, подарить его королю!»... Позже он сам увидел непрактичность такой мысли: но в первые дни тодды поразили его и «совершенно заполонили своею замечательною, совсем не индийского типа, красотой». Шагах в двухстах от мужчин сидели их женщины, с длинными, гладко причесанными и распущенными по спине волосами и в таких же мантиях. Он насчитал их около пятнадцати и с ними – с полдюжины ребятишек, совершенно нагих, невзирая на январский холод.

В другом описании гор^[29] товарищ Сэлливана, полковник Хеннессей, распространяется на десяти страницах о разнице между тоддами и другими индусами, с которыми в неведении их языка и обрядов долго их смешивали.

«Как англичанин разнится от китайца, так тодд отличен во всем от других туземцев», – пишет он. – «Теперь, когда я узнал их лучше, мне становится почти понятным, почему баддаги, сродников коих мы знавали и прежде в горах Майсура, взирают на этих людей как на высшую, почти божественную расу... Тодды положительно похожи на богов, как их представляли древние греки. Из нескольких сот молодцов (*fine men*) этого племени я еще не видал ни одного ниже 6 $\frac{1}{4}$ футов ростом. Они сложены великолепно и черты лица у них чисто классические... прибавьте верные, блестящие, густые волосы, обрезанные (в кружок) низко на лбу, над бровями, а за ушами падающие на спину тяжелыми массаами кудрей, и вы получите некоторое представление об их красоте. Усы и бороды их, которые они никогда не стригут, такого же цвета. Большие, карие, иногда темно-серые и даже синие глаза смотрят на вас глубоким, нежным, почти женским взглядом... улыбка кроткая и веселая, как бы младенческая в своем выражении. Рот, даже у дряхлых стариков, украшен крепкими, целыми, часто великолепными зубами. Цвет лица светлее северных канарезцев. Одеваются они все одинаково: род римской белой тоги из полотна, с одним концом, закинутым сперва под правую руку, а затем – назад, за левое плечо. В руках посох с фантастическими на нем вырезками... Когда я узнал его мистическое назначение и веру владельцев в его магическую силу, этот маленький, в два с половиной фута длины бамбук смутил меня не раз... Но я не смею, *не имею права*, выдав неоднократно *то, что я видел*, отрицать справедливость такого их заявления и веры. Несмотря на то, что в глазах христианина вера в магию должна всегда казаться греховною, не чувствую за собой права опровергать и смеяться над тем, что считаю, невзирая на отвращение, истинным фактом».^[30]

Но не станем забегать вперед. Эти слова написаны много лет назад. Как Салливан, так и Хеннесей, видели тогда тоддов впервые и упоминали о них официально. Но даже в этом чиновничьем изложении фактов звучит недоумение, проглядывает то же сдержанное удивление и любопытство касательно этого таинственного племени, как и у всех других.

«Кто они такие?...» – рассуждает Сэлливан в донесении. – «Хотя они видели белых людей во второй уже раз, но все-таки их величавое спокойствие и горделивая осанка смутили меня, так мало они походили на то, что мы привыкли видеть в подобострастных манерах туземцев Индии. Они как будто поджидали нашего прихода. Отделясь от толпы, высокий старик пошел нам навстречу, а за ним шли двое других, неся в руках чаши из древесной коры, наполненные молоком. Подойдя на несколько шагов, они остановились и заговорили с нами на совершенно незнакомом нам языке. Видя, что мы не поняли ни одного слова, они тотчас же переменили его на мало-ялимский, а потом на канарезский язык (на котором говорят баддаги), после чего мы разговорились свободнее».

«Для этих странных аборигенов мы были людьми как бы с другой планеты. „Вы не из наших гор. Наше солнце – не ваше солнце, и наши буйволы вам неизвестны“, – говорили мне старики. – «Вы родитесь, как *родятся баддаги*, а не мы (!?)», – заметил другой, несказанно удивив меня этим. Из этих слов нам делалось ясно, что для них мы были обитателями земли, о которой они кое-что знали, хотя до сей поры никогда не видели ни ее самой, ни ее жителей; но что самих себя они считали совсем особенною породой».

Когда они все уселись на густой траве, возле стариков, а прочие тодды стояли в отдалении, англичанам было объявлено, что их ожидали уже несколько дней. Баддаги, служившие до того времени тоддам единственным звеном сообщения между ними и остальным миром, то есть Индией, успели уже их предупредить, что белые раджи, проведая от двух спасенных ими охотников об «обители буйволов», идут к ним в горы. Они тогда же сообщили мистеру Сэлливану, что у них много уже поколений существовало пророчество о том, что к ним придут люди из-за морей и поселятся у них, как до того поселились баддаги. Что им придется уступить часть владений и «жить с ними как с братьями одной семьею». «Такова воля их», – добавил один из старцев, указывая на буйволов, – «они лучше знают, что для детей хорошо, и что дурно».

На это мистер Сэлливан замечает: «В то время мы не поняли этой загадочной фразы о буйволах и только впоследствии узнали ее смысл. А смысл хотя и странный, но далеко не новый нам – в Индии, где на корову взирают, как на существо священное и неприкосновенное».

В тоддах, невзирая на их собственные предания, которых они упорно держатся, английские этнологи желали бы признать остатки «некоего гордого племени», ни имя, ни другие приметы коего им, впрочем, неизвестны. На таком твердом основании они строят свою гипотезу, которая состоит в том, что это *гордое племя, вероятно*, занимало некогда (а именно когда – неизвестно) надречные низменности Даккана; пасло свои священные стада буйволов (которые, между прочим, никогда не считались священными в Индии), задолго до эпохи, в которую их последующие соперницы, коровы, монополизировали народное благоговение. Затем предполагается, что то же *гордое племя* «свирепо отражало и задерживало вторжение приходивших постоянно из-за северных гор (то есть Гималаев) арийских племен или максмюллеровских браминов „с Оксуса“».

Эта милая и на первый взгляд правдоподобная гипотеза опять-таки разлетается в куски перед известным фактом, что тодды, хотя и действительно «гордое племя», но не только сами никакого оружия не носят, а даже не сохранили о нем ни малейшего воспоминания. А если, как

сказано, они не держат при себе ни ножа в защиту от диких зверей, ни даже собаки для ночной охраны, то видно у них есть другие способы к отражению врага, кроме *вооруженной* силы.^[31]

По мнению мистера Сэлливана, тодды совершенно законно предъявляют права на «Голубые горы», как на свою вековую собственность. Они заявляют, а проживающие здесь столетиями соседи подтверждают это право давности собственным сознанием. Они показывают единодушно, что тодды владели уже горами, когда пришли самые ранние поселенцы других племен, именно, муллу-курумбы, за ними баддаги и за баддагами хотты и эруллары. Что все эти племена просили и получали от тоддов, которые прежде жили одни, позволение селиться на горах. За это дозволение все четыре племени всегда платили тоддам дань не деньгами, потому что до прихода англичан деньги были неизвестны на горах, но натурой: несколько горстей зерен с каждого обрабатываемого поля от баддаг, несколько штук железных изделий, необходимых для постройки домов и домашнего обихода от хоттов, коренья, ягоды и плоды от курумбов и т. д.

Все эти пять рас во всем весьма резко отличаются одна от другой, как мы это тотчас увидим ниже. Их языки, религии, обычаи, также, как и типы, не имеют ничего общего. По всей вероятности, эти племена – последние остатки доисторических рас аборигенов южной Индии; но если кое-что и было узнано о баддагах, хоттах, курумбах и эрулларах, то на тоддах история завязла, как на мели. Судя по древним могилам на «холме» да некоторым развалинам храмов и капищ, не только тодды, но и курумбы должно быть достигли в доисторические времена некоторой цивилизации: у тоддов есть положительно нечто вроде писем, какие-то знаки вроде гвоздеобразных записей у древних персов.

Но чем бы тодды ни были в далеком прошлом, теперь они совсем патриархальный народ, вся жизнь коего сосредоточена на его священных буйволах.

Из этого многие писавшие о тоддах заключили, что они поклоняются буйволам, как богам, то есть проповедуют золатрию. Но это не так. Сколько нам известно, их религия имеет характер гораздо более возвышенный, нежели простое и грубое поклонение животным.

Второе и последующие донесения мистера Сэлливана еще интереснее. Но так как я привожу слова почтенного английского чиновника только ради подтверждения собственных наблюдений и показаний, то здесь не место повторять эти донесения. Позволю себе только представить еще несколько дополнительных статистических замечаний, как его самого, так и других чиновников о пяти племенах Нильгири.

Вот сжатое показание из статистического сочинения о них полковника Торнтона.

«1. Первыми на скатах гор за чертой водопада встречаются *эруллары*. Они живут в настоящих земляных норах и питаются кореньями. Теперь, с приходом англичан, они стали менее дики. Они живут группами от трех до четырех семейств, и их насчитывают около тысячи душ.

2. Над ними живут *курумбы*. Эти разделяются на две ветви: а) просто курумбы, живущие в землянках, которые образуют деревушки и б) муллу-курумбы, отвратительного вида и необычайно малого роста люди, которые живут в настоящих гнездах на деревьях и похожи более на больших обезьян, нежели на человеческие существа».

Примечание. Хотя и в других городах Индии есть племена, схожие в общих чертах и даже носящие то же название, но они резко отличаются во всем от этих двух племен, особенно от курумбов, страшилищ и злых гениев, избегаемых всеми другими племенами, кроме тоддов – царей и властителей Голубых гор.

Как хорошо известно, *курумбан* – тамильское слово, означает «карлик»; но в то время, как курумбы низменностей – просто очень маленькие аборигены,

нильгирийские курумбы часто не превышают трех футов ростом. Оба эти племени не имеют и понятия о необходимых и самых элементарных потребностях жизни и почти не вышли из состояния самых грубых дикарей, *выказывая признаки самой первобытной расы человечества*. Они говорят на языке, более напоминающем щебетание птиц и горловые звуки обезьян, нежели людской говор, хотя у них изредка и встречаются слова из многих древних диалектов дравидской Индии. Численность эрулларов и курумбов не превышает тысячи в каждом племени.

3. *Кохтары*. Еще более странная раса. Они не имеют понятия о различии каст и отличаются столько же от других горных племен, как и от туземцев Индии. Столь же дикие и первобытные, как эруллары и курумбы, живя, как кроты, в земляных норах и на деревьях, они – странное дело – оказываются превосходными золотых и серебряных дел мастерами, кузнецами и горшечниками. Они обладают секретами выделки стали и железа, их ножи, как и другое оружие, крутостью, отточкой и своею почти несокрушимою крепостью превосходят все когда-либо фабрикованное в Азии или в Европе. Кохтар не употребляет другого, кроме остро отточенного с обеих сторон, длинного, как вертел, оружия. Но с ним он идет и на кабана и на тигра, и даже на слона, и всегда берет верх над зверем.^[32] Кохты не выдают своей тайны ни за какие деньги. Ни одно из племен в горах не занимается таким мастерством. Где они могли познакомиться с ним – это еще одна из загадок для наших этнологов. Религия их не имеет ничего общего с религиями других аборигенов. Кохты не имеют понятия о богах браминов и поклоняются каким-то фантастическим божествам, которые у них не изображаются. Число кохт, насколько мы могли привести в известность, не превышает 2500.

4. *Баддаги*, или «бюргеры». Самое многочисленное, богатое и цивилизованное из всех пяти горных племен Нильгири. Они – браминисты и разделяются на несколько кланов. Их около 10000, и почти все они занимаются земледелием. Баддаги почему-то поклоняются и оказывают божественные почести тоддам; последние стоят для баддаг несравненно выше их бога Шивы.

5. *Тодды*, называемые также тоддуvaraми. Эти разделяются на два большие класса. Первый из них, класс священнодействующих, известен под названием *тералли*; принадлежащие к нему тодды посвящены служению буйволам, приговорены к вечному безбрачию и совершают какие-то непонятные обряды, которые они весьма тщательно скрывают от европейцев и даже ото всех не принадлежащих к их племени туземцев. Второй класс – *кутты*, простые смертные. Насколько нам известно, первые составляют аристократию племени. В этом небольшом племени мы насчитали 700 человек, и, судя по их показанию, их численность никогда не превышала этой цифры».

Дабы показать, что сюжет этой были «вполне достоин внимания, добавим к показанию мистера Сэлливана мнение авторов книги, изданной в 1853 году по приказанию Ост-Индской компании. „The States in India“, статья о Нильгири. Там говорится о тоддах следующее:

«Это крошечное племя привлекло за последнее время весьма восторженное и серьезное внимание не только посетителей Нильгири, но и лондонских этнологов. Интерес, возбуждаемый тоддами, очень замечателен. Они заслужили необыкновенные (in no ordinary degree) симпатии мадрасских властей. Этих дикарей описывают как великолепно сложенную атлетическую расу великанов, найденных самым неожиданным образом в недрах Гхаты. Манеры их полны грации и достоинства, а

наружность можно характеризовать так...»

За этим следует уже известное описание наружности тоддов. Параграф о тоддах кончается фактом, на который я нарочно назираю, ввиду его многозначительности и прямого отношения к разъяснению события, коего мы были очевидцами, и опять-таки сознанием полного неведения их истории и происхождения.

«Тодды не употребляют никакого оружия, *кроме короткой тросточки из бамбука, которая никогда не покидает их правой руки*. Старания многих лет узнать что-нибудь об их прошлом, о языке и религии, остались вполне безуспешными. Это самое таинственное племя из всех народов Индии» (с. 692).

Мистер Салливан оказался весьма скоро *вполне поработленным* «Нильгирийскими Адонисами», как их прозвали ранние поселенцы и плантаторы на «Голубых горах». То был первый, может единственный а Англо-Индии пример, чтоб английский чиновник *бара-сааб* открыто *брался*, вступал бы в такие интимные дружеские сношения с подвластными ему аборигенами, как то делал куимбатурский коллектор. В награду за подарок Компании еще лишнего куска территории в Индии его также повысили в чин «главноуправляющего» «Голубыми горами». Там мистер Сэлливан прожил около тридцати лет; там он и умер.

Что же его привлекало к этим людям? Что могло быть на самом деле общего между цивилизованным европейцем и совершенно примитивными людьми, как тодды? На этот вопрос, как и на многие другие, нам никто еще не мог ответить. Не потому ли, что все неизвестное, таинственное, привлекает нас, как пустое пространство, и, производя головокружение, притягивает к себе, подобно бездне? С практической точки зрения, конечно, тодды не более как дикари, совершенно незнакомые с первыми основными правилами цивилизации, и даже на вид, невзирая на их физическую красоту, довольно грязные. Но дело не в наружной их оболочке, а во внутреннем, духовном мире этого народа. Во-первых, тодды *совершенно незнакомы с ложью*. На их языке даже не имеется таких слов, как «неправда» или «ложь». Воровство или даже простое присваивание не принадлежащего им – также им неизвестны. Достаточно прочесть то, что о них говорит капитан Гаркнесс в своей книге, озаглавленной «A Strange Aboriginal Race» («Странное племя аборигенов»), дабы убедиться в том, что такие редкие качества не суть продукт единственно нашей цивилизации. Вот что пишет о них этот известный путешественник: ^[33]

«... Прожив около двенадцати лет в Уттакаманде, говорю положительно, что никогда не встречал народа, как в цивилизованных, так и в первобытных странах, который выказывал бы такое религиозное уважение к праву *meum et tuum*, как тодды. Они внушают это чувство детям с самого нежного возраста. Мы (англичане) не нашли между ними ни одного вора! Обман и ложь им неизвестны, кажутся невозможными» (с. 18–36). А далее: «Как и у туземцев низменной страны южной Индии, ложь во мнении этого племени самый подлый, непростительный порок. Фактическим доказательством этому врожденному в них чувству является на высоте Додабетского пика их единственный храм: он посвящен ими отрешенному божеству, Истине (Temple of Truth). Тогда как среди жителей долин как самый символ, так и самое божество слишком часто забываются, тодды поклоняются обоим, питая к идее и символу, в теории, как и на практике, самое искреннее ненарушимое чувство уважения»... (с. 31). Вот именно такая нравственная чистота тоддов и их редкие душевные качества привлекли к себе не только мистера Сэлливана, но и многих миссионеров. Надо принять во внимание значение такой похвалы в устах людей, непривыкших отзываться с особенною похвалой о тех, на кого они сами не производят никакого впечатления. ^[34] А на тоддов прибытие миссионеров да и вообще

англичан с первого до последнего дня произвело не более впечатления, как если бы вместо живых людей эти дикари были каменными статуями. Мы знавали миссионеров и даже одного епископа, которые не уstraшилиcь ставить нравственность тоддов в пример своей «высокорожденной» пастве публично в церквax по воскресеньям.

Но в них действительно есть нечто еще более привлекательное, если не для публики – вообще, и для статистиков в частности, то для тех, которые посвятили себя всецело изучению более отвлеченной стороны человеческой природы: именно таинственность, чувствуемая всеми в соприкосновении с тоддами, и та психическая сила, о которой было упомянуто в первой главе. Об обеих мы имеем сказать многое.

Коллектор, проведя в горах дней десять, вернулся в Куимбатур, а оттуда отправился в Мадрас, дабы отдать лично полный отчет главной конторе Компании о своем путешествии на «Голубые горы». Исполнив эту обязанность, Сэлливан вернулся немедленно в привлекающие его горы и к сильно уже интересовавшим его тоддам. Там он первым построил себе европейский дом, *каждый камень которого был ему принесен тоддами.*

«Откуда они доставали *эти* большие, хорошо обтесанные камни, так и осталось до сей поры загадкой», – рассказывал генерал Морган.

С первого дня коллектор сделался другом, покровителем и защитником тоддов, и в продолжение тридцати лет он стоял за них горой, ограждая их самих и их интересы от алчности и несправедливых захватов Ост-Индской Компании. Он не говорил о них в официальных бумагах иначе, как «о законных владельцах почвы» (the legal lords of the soil) и заставил «почтенных отцов» считаться с тоддами. В продолжение многих лет Компания платила им аренду за уступленные ими леса и поляны. Все время, пока мистер Сэлливан был жив, никому не позволялось обижать и делать захватов на землях, которые тодды заранее указали англичанам, как на свои священные пастбища, оговорив их в контрактах.

Эффект донесения мистера Сэлливана в Мадрасе был громадный. Все, что только жаловалось на климат, все, что страдало печенью, лихорадкой и другими болезнями, так щедро расточаемыми европейцам тропиками, да имело средства на переезд, все это бросилось по направлению к Куимбатуру. Из несчастной деревушки Куимбатур сделался в несколько лет уездным городом. Установилось тотчас регулярное сообщение между Матополламом у подошвы Нильгири и Уттакамандом,^[35] городом, основанным в 1822 году на высоте 7500 футов. Вскоре стала переезжать туда, с марта до ноября, вся мадрасская бюрократия. Вилла за виллою, дома за домами стали вырастать на цветущих скатах гор, как грибы после весеннего дождика. По смерти мистера Сэлливана плантаторы завладели почти всею местностью между Котхагири и Утти. Пользуясь тем, что «владельцы гор» выговорили себе самые высокие места на Нильгири для пастбищ «священных» буйволов, англичане присвоили себе девять десятых «Голубых гор». Миссионеры воспользовались случаем, чтобы осмеять туземцев и их суеверие в богов и горных гениев. Все оказалось напрасным. Баддаги продолжали держаться своих особенных взглядов на тоддов, хотя скоро тем пришлось довольствоваться голыми верхушками скал, которые они теперь разделяют с лангурами. «Отцы» Компании, а после них и правительственные бюрократы, хотя и продолжали на бумаге величать тоддов «законными властителями почвы», на деле же под шумок стали заявлять себя, как и всегда, «лордами над баронами».^[36]

На курумбов пока не обращали внимания. С первого появления англичан курумбы, словно они были действительно тем, чем казались, отвратительного вида гномами, точно исчезли под землей. О них не слыхали и их не видали в первые годы по открытии. Потом они стали малопомалу показываться и селиться в болотах и под сырыми нависшими скалами. Однако вскоре они дали о себе знать... Каким образом, – это будет рассказано в дальнейших главах; теперь же мы займемся сперва тоддами и баддагами.

Когда стали приводить в известность и порядок новое *хозяйство* и собирать сведения для статистики новых племен, почтенные этнологи нашли отпор, какого никогда не ожидали. Им встретились по вопросу о происхождении тоддов непреодолимые затруднения и пришлось почти впервые сознаться, что после двадцатилетних усилий узнать что-либо о них верные так же невозможно, как и причислить их к какому-либо из других племен Индии. «Легче проникнуть на Северный полюс, нежели в душу тодда», – пишет миссионер Метц. На что полковник Хенессей отвечает: «Единственное сведение, которого мы могли после стольких лет добиться состоит в следующем: тодды утверждают, что с тех самых пор, как „царь Востока“ (?) даровал им эти горы, они живут на них и ни разу не отлучались и даже не сходили с вершин... Но к какому именно периоду мы должны причислить эпоху этого неизвестного *царя Востока*? Нам отвечают, что они живут на «Голубых горах» вот уже *сто девяносто седьмое* поколение! Считая по три поколения на каждое столетие (хотя мы видим, что тодды замечательно долговечны), окажется, если верить им, что они поселились здесь около 7000 лет тому назад. Они настаивают, что их праотцы пришли на остров Ланку (в этом, как и в прочих именах ошибки нет, это очевидно) с востока, со «стороны восходящего солнца», и служили *праотцам царя Раваны*, мифического царя-демона, побежденного не менее мифическим Рамой, около двадцати пяти поколений тому назад; значит, считая по принятому исчислению, около 1000 лет назад, что, если прибавить эту цифру к первой, составляет им родословную более 8000 лет! Оказывается, что мы или должны принять эту сказку, или же откровенно сознаться, что кроме этих не имеется никаких следов об их загадочном прошлом!...»^[37]

Так кто же такие, наконец, эти люди?

Задача, конечно, трудная, если вспомнить, что этот вопрос не подвинулся ни на шаг вперед с 1822 года. До сего дня старания многих наезжающих из Лондона и Парижа в разные времена филологов, этнологов, антропологов и всяких других логов, не увенчались ни малейшим успехом. Напротив, чем более о них старались разузнать, тем менее получаемые сведения оказывались подходящими к прямому вопросу. Все приобретенное сводилось под один и тот же итог: тодды не принадлежат к обыкновенному человечеству. Они рождаются и умирают только *для виду*, их миссия на земле охранять их верных слуг баддагов от козней муллу-курумбов, и т. д.

Понятно, что такие данные не могли находить себе места в «истории народов Индии». За недостатком более верных сведений, господа ученые утешились гипотезами собственного изобретения. Вот некоторые из них.

Первым теоретиком является натуралист Лешено де ла Тур (Leschenault de la Tour), ботаник короля французского. Его письма по этому вопросу чрезвычайно интересны своею оригинальностью.^[38] Почтенный ученый, вследствие каких-то, ему одному свойственных соображений, признал тоддов за выкинутых кораблекрушением на Малабарский берег не то бретонских, не то норманских крестоносцев. В горах кавказских нашлись же крестоносцы, признанные в хевсурах и тушинах; так почему же им не быть и в горах малабарских? В первое время эта мысль улыбнулась многим.

К сожалению, выяснилось очень скоро одно обстоятельство, которое уничтожило разом такое поэтическое предположение: у тоддов нет не только на их языке, но нет даже и в мыслях таких слов, как *Бог, крест, молитва, религия, грех* или какого-либо подобного выражения, напоминающего даже просто монотеизм и деизм, не говоря уже о христианстве. Тоддов нельзя даже назвать язычниками, потому что они не поклоняются никому и ничему, кроме собственных буйволов, именно только *собственных*, так как буйволы чужие, других племен, не пользуются никаким от них почетом. Одно молоко, с прибавлением ягод и плодов из *их* лесов составляет их единственную пищу. Но они скорее умрут с голоду, нежели дотронутся до молока, сыра или масла от *других* буйволиц, кроме их собственных, *священных* кормилиц. Они никогда не едят

мяса, как не сеют и не жнут, считая всякую работу, кроме доения буйволиц и ухода за стадами, чем-то вроде бесчестия.

Один такой образ жизни достаточно показывает, что между крестоносцами средних веков и тоддами очень мало общего. К тому же, как не раз сказано, они не умеют владеть оружием и никогда не проливают крови, чувствуя к ней нечто вроде священного ужаса. Кавказские горцы на северо-востоке от Тифлиса, как пшавы и хевсуры, так и тушины, сохранили у себя много средневекового оружия и утвари; у них немало и христианских обычаев.^[39] А у тоддов не найдется не только средневекового, но и простого современного ножа. Все это, в связи с главным вышеупомянутым фактом, что у тоддов нет ни малейшего представления о божестве, делают теорию Лешено де ла Тура уже совсем неподходящей...

Затем пошла в ход, хотя и давно избитая, но излюбленная и многоспасительная в таких случаях теория о кельто-скифах. Но и эта по своему обыкновенно скоро провалилась. Когда тодда умирает, его сжигают с разными любопытными обрядами, вместе с любимым буйволом, а в том случае, когда покойник был «священнодействующим», приносится в жертву от семи до семнадцати голов этих животных. Но буйволы все-таки не лошади; а тип лица тоддов – совершенно европейский, сильно напоминающий уроженца южной Италии или Франции, довольно трудно согласовать с типом скифа, насколько мы о нем знаем. Лешено де ла Тур сильно боролся с препятствиями, но как только его осмеяли, он тотчас же бросил свою теорию. Гипотеза же о скифах, невзирая на всю нелепость предположения, держится и до сей поры.

Потом явилась на сцену вечно побиваемая и вновь оживающая теория о десяти «потерянных племенах Израиля». Миссионер немец Метц с помощью некоторых своих собратьев из англичан, одаренных одинаковым с ним пламенным воображением, принялись разрабатывать эту теорию с восторгом. Но в опровержение этой фантазии достаточно повторить уже неоднократно сказанное выше, что у тоддов никогда не было и тени *никакого* Бога, тем менее – Бога Израиля.

Тридцать три года жил с тоддами и бился с ними бедный благочестивый немец. Он жил их каждодневной жизнью, перекочевывая с ними с места на место;^[40] мылся раз в год, питался одною молочною пищей, наконец растолстел и получил водянку. Он привязался к ним всеми силами своей любящей, честной души, и хотя не окрестил ни одного тодды, но хвалился, что научился превосходно их языку и познакомил три поколения тоддов с религией Христа. Но когда навели справки, то оказалось не совсем так.

Во-первых узнали, что Метц не знал ни полслова на их языке. Тодды выучили его канарезскому диалекту, на котором они сами говорят с баддагами и женщинами своего племени. Но из того таинственного языка, на коем рассуждают их старшины, когда держат совет, и который употребляется ими во время их неведомых обрядов в *тирьери*,^[41] Метц не понимал ни одного звука. Этого языка не понимают женщины тоддов, или им, может быть, запрещено говорить на нем. Что же касается христианского просвещения тоддов, то привезенный в Учти больным и почти умирающим бедный Метц признался очень откровенно, что в эти тридцать три года общего с ними сожительства ему не удалось окрестить ни одного тодды, ни взрослого, ни ребенка. Впрочем, он все-таки надеялся, что «посеял в них семена будущего образования».

Но и в этом ему предстояло разочарование. Прибывшие на холмы с западного малабарского берега отцы иезуиты, питавшие в свою очередь надежду признать в тоддах колонии древних сирийских христиан, или по крайней мере, манихейцев,^[42] очень долго наводили справки. С обычною им хитростью и ловкостью они успели войти в сношения с тоддами. Они вкрались, если не в доверие, то в хорошее знакомство с этими, обыкновенно молчаливыми, серьезными дикарями и успели узнать от них, к великой своей радости, – потому что они ненавидят протестантов еще более, нежели язычников, – что Метц мог бы прожить с ними целые века в теснейшей дружбе и все-таки не произвести на них ни малейшего впечатления.

«Слова белого человека то же, что говор *майны* (род говорящей птицы) или трещание языка обезьяны», – говорили старые тодды иезуитам; не замечавшим в припадке коварной радости обоюдострого комплимента. «Мы слушаем и смеемся. На что нам ваши *дивы*, когда у нас есть наши великие буйволы?» – добавляли они, рассказывая, как Метц предлагал им взамен веры в буйволов – веру в религию тех, которые отнимали у них их пастбища и обижали их ежедневно.^[43]

Несмотря на одинаковую с Метцем участь, последователи Лойолы подняли честного немца на смех, распустив про него анекдоты по всей южной Индии. Мы знаем и даже можем указать таких иезуитов, которые, скорее нежели допустить туземца перейти в протестантство, укрепляют его всеми силами в его вере в чертопоклонстве.

Это было лет десять тому назад. С тех пор миссионеры обеих религий оставили тоддов в покое. Теперь уже давно решено, что всякая попытка к их обращению оказалась бы только потерей времени. Невзирая на такое полное отсутствие в этом племени всякого религиозного чувства, по единодушному показанию писателей и всех жителей Утти, нет во всей Индии народа честнее, нравственнее, добрее тоддов. Эта горсть патриархальных дикарей, без роду и племени, без истории, как и без малейшего (по крайней мере, *видимого*) признака веры во что-либо священное, кроме грязных буйволов, пленяет каждого своею совершенно детскою невинностью. Вместе с тем, тодды не только далеко не глупый народ, что доказывает их удивительная способность говорить на многих языках и умение скрывать свой собственный, но и весьма понятливы. Сэлливан упоминает в своих «Записках», что он разговаривал с ними по целым часам, и что ему оставалось только разводить руками в глубоком удивлении, слыша, как они отзывались об англичанах, «как верно и разом они поняли наш национальный характер и подметили все наши недостатки».

Познакомив читателя с тоддами в общих чертах, рассказав о них все, или почти все, что известно о них в Индии, я могу приступить к рассказу о своих собственных приключениях и наблюдениях среди этого, так мало известного и загадочного племени.

Где я лично знакоюсь с тоддами

*La verité que je défends est empreinte sur tous les monuments du passé.
Pour comprendre l'histoire, il faut étudier les symboles anciens, les signes
sacrés du sacerdoce et l'art de guérir dans les temps primitifs, art oublié
aujourd'hui...*

Baron Du Potet.

Сцена в Мадрасе в первой половине июля 1883 года. Дует западный ветер, начиная с семи часов утра, т. е. вскоре после восхода солнца, и затихая только к пяти часам пополудни. Дует он уже шесть недель, а конец его деятельности наступит только в конце августа. Термометр показывает 128° в тени. Так как в России мало кто знает, что такое «западный» ветер в южной Индии, то постараюсь дать об этом неумолимом враге европейца хотя бы слабое представление. Все двери и окна, в направлении которых следует этот ровный, постоянный, бархатисто-мягкий ветерок, завешаны густыми *tatmi*, иначе, циновками из кузи, пахучей травы. Все щели законопачены, все отверстия наполнены ватой, почему-то считающейся лучшим препятствием западному ветру. Но это нисколько не мешает ему проникать всюду, даже через такие вещества, которые оказались бы достаточно непроницаемы для воды. Этот ветер пронизывает самые стены, и от его ровного, покойного дуновения происходит следующее замечательное явление. По дороге западного ветра книги, газеты, рукописи и всякая бумага шевелятся сами собою, словно живые. Лист за листом подымается как бы невидимой рукой, и под напором горячего, нестерпимо знойного дыхания каждый листок начинает скручиваться все более и более, пока не скрутится в тончайшую трубочку; после чего листья только колышутся, вздрагивая под каждым новым дуновением. На мебель и вещи ложится тонкая, сперва еле осязаемая, затем густейшая пыль. Если она покроет материю, ее уже не выколоти отсюда никакая щетка. А на мебели, если ее не вытирать ежечасно, к вечеру наберется такой пыли на полвершка.

На такое время одно спасение – панка: открыть широко рот, повернуться лицом к востоку и сидеть или лежать неподвижно, вдыхая в себя прохладу, искусственно производимую колыханием гигантского, протянутого поперек комнаты веера. Только когда зайдет солнце, можно бывает дышать свежим, чистым, хотя и сильно нагретым воздухом.

В марте мадрасское европейское общество, следуя за местным правительством, всегда перекочевывает на «Голубые горы» до ноября. Решилась эмигрировать на время и я, но не весной, а именно в половине июля, когда западный ветер успел уже иссушить меня до мозга костей. Получив приглашение от добрых друзей, семейства генерала Моргана, погостить у них, семнадцатого июля, полузадохнувшись от жары, я наскоро собралась и в шесть часов вечера садилась в вагон железной дороги. На другое утро до полудня я уже была в Матъялоламе, у подошвы Нильгири.

Здесь я столкнулась нос к носу с англо-индийскою эксплуатацией, которая у нас зовется цивилизацией; а в то же время и с мистером Сэлливаном, членом совета и сыном покойного коллектора куимбатурского. Эксплуатация явилась под видом мерзейшего ящика о двух колесах и с полотняною башней над ним, за который я заплатила вперед еще в Мадрасе под его псевдонимом «закрытой удобной на рессорах кареты». А мистер Сэлливан представился мне гением-хранителем гор, с большим влиянием, конечно, на воздымавшихся перед ним высотах, но беспомощный, как и я сама, перед эксплуатацией частных британских спекуляторов у

подножия Нильгири. Он мог только утешать меня. Представившись и рассказав, что возвращается в лоно требующего его правительства из собственной где-то плантации, он тут же показал мне пример смирения, усевшись без протеста и как мог в другой гнусной двуколке. Великие «высшей расы», столь гордые с браминами, умаляются и часто дрожат перед низшими своего народа в Индии. Это замечено мною не раз. Быть может, они страшатся их разоблачений, а пуще, вероятно, ядовитого языка и всемогущей клеветы.

Еще не замолкли вдали раскаты сердитого грома так называемой грозы вследствие Ильбертского Билля,^[44] Джон Буль низших сфер, схватив за шиворот Джона Булля англо-индийской аристократии, увлек его насильно за собой и разом оседлал вице-королевский совет с бабу Риноном во главе. Напрасно упирался либеральный маркиз. Поникнув добродушной главой, бабу Ринон смирился перед бакалейщиками и сапожниками своей верховной расы. Вздумав положить новую заплату на старую ризу Индии, новоиспеченный римский католик, очевидно, забыл о библейской мудрости своих праотцев. И стало последнее горше первого дня для бесталанных сирот туземной Индии!..

Так было истолковано мною поведение члена совета, не осмелившегося сказать ни слова грязному приказчику «агента для перевозки пассажиров и клади из Мадраса на Нильгири». Когда тот нахально объявил, что в горах идут дожди, и он не станет рисковать новой краской и лакировкой закрытых карет, потому что пассажиры могут ехать и в открытых одноколках, то ни мистер Сэлливан, ни другие ехавшие в Учти британцы, не нашли для него ни одного из тех англо-индийских жестов и взглядов, которые повергают во прах наивысшего чином туземца.

Нечего было делать, и сев бочком в таратайку, перед которой *тонга* на дороге в Симлу все равно, что королевский вагон перед ящиком, в котором запирают на поездах железной дороги собак, мы стали подыматься в гору. Одноколку влекли два печальные остова когда-то почтовых кляч. Не успели мы отъехать и полмили, как один из остовов, слабо подпрыгав задними косточками, свалился с ног, опрокинув на себя одноколку, а вместе с нею и меня. Все это произошло на три вершка от бездны, по счастью, не очень глубокой, да в которую я, впрочем, и не свалилась. Все кончилось неприятным изумлением и порванным платьем.

Весьма любезно подскочивший на помощь какой-то англичанин, у которого одноколка завязла в красной глине, обрушил свой гнев на ямщика, которому не принадлежала ни таратайка, ни тут же издохшая лошадь. Ямщик был туземец, и его было бы бесполезно задабривать. Пришлось дожидаться другой одноколки и двух других кляч со станции. Но я не сожалела о потерянном времени. Познакомясь с членом совета, в силу общего притеснения нас агентом, я разговорила и с другим англичанином. В этот час, проведенный в ожидании со станции помощи, я узнала много новых подробностей об открытии Нильгири, отце мистера Сэлливана и о тоддах. Впоследствии я часто виделась в Учти с обоими «сановниками».

Через час пошел дождь, и моя одноколка скоро превратилась в ванну с душем. Вдобавок ко всему, по мере того, как мы поднимались выше, холод все усиливался. По приезде в Хотагири, откуда нам оставался час езды, мне пришлось дрожать от стужи под шубой. Я въезжала в «Голубые горы» в самый сезон дождей. Густая, красная от размокшей земли вода потоками катилась нам навстречу, и великолепная панорама по обеим сторонам дороги заволочлась туманом. Но вид был очарователен, даже при такой печальной обстановке, а воздух, холодный и сырой, после душной атмосферы в Мадрасе был величайшим наслаждением. Он был весь пропитан запахом фиалок и здорового смолистого леса. А этот лес, покрывающий все скаты гор и холмов изумрудным покровом, скольких тайн он был свидетелем на своем долгом веку! Чего только не видали в «Голубых горах», глубокой могиле, скрывавшей так долго так ревниво сцены, напоминающие сцену ведьм в «Макбете», эти старые столетние стволы! Теперь легенды давно не в моде: их называют сказками, и это весьма естественно. «Легенда – цветок, распускающийся

только на почве веры». А вера давно уже стала исчезать в сердцах цивилизованного Запада; поэтому засыхают и цветы ее под убийственным дыханием современного материализма и общего безверия.

Эта быстрая перемена в климате, обстановке и во всей природе показалась мне волшебством. Я забыла холод, дождь, отвратительную одноколку с башней, под которой я восседала на своих перепачканных в грязи полуразломанных ящиках и чемоданах, — только спешила дышать, набираться этого чистого, чудесного воздуха, которым я не дышала уже много лет... Только к шести часам вечера мы подъехали к Утти.

Было воскресенье, и мы скоро стали встречать толпы, идущие домой после вечерней службы. То были большею частью евразияты, эти рассиропленные «черной» кровью *европейцы*, ходячие паспорта «с особыми приметами», которые они носят на себе от рождения до гроба в ногтях, в профиле, в волосах и в цвете лица. Я не знаю ничего в мире смешнее и отвратительнее евразия в модной жакетке и круглой шляпе на крошечном лбу, кроме разве евразياتки в шляпе с перьями, в которой она походит на лошадь под черною попоной, в страусовых перьях, над траурной колесницей. Ни один англичанин не способен чувствовать и особенно оказывать такого презрения к индусу, как евразият. Последний ненавидит аборигена ненавистью, пропорционально количеству заимствованной от туземца крови... Индусы платят евразиятам тою же монетой и еще с прибавкой большего процента. «Кроткий» язычник превращается в свирепого тигра при одном имени евразията.

Но я смотрела не на неуклюжих креолов, вязнувших в сапогах по колено в густой уттакамандской грязи, заливавшей кровавым морем все улицы небольшого городка. С приближением к Утти мой взгляд останавливался не на гладко выбритых миссионерах, которые проповедовали под дождевыми зонтиками и в пустом пространстве, патетически размахивая свободною рукой перед проливавшими слезы деревьями. Нет, тех, кого я искала, не находилось там: тодды не расхаживают по улицам и почти никогда не приближаются к городу. Мое любопытство было напрасно, как я скоро узнала. Оно удовлетворилось лишь через несколько дней.

Накануне я провела ночь в вагоне на железной дороге и задыхалась от нестерпимой жары и духоты. А теперь с непривычки я дрожала под перинами, и у меня всю ночь топился камин.

В продолжение почти трех месяцев, до конца октября, я работала над приобретением новых сведений о тоддах и курумбах. Я ездила на кочевки к первым и узнала почти всех старшин этих двух необычайных племен. Мистрис Морган и ее дочери, которые все родились на этих горах и говорят на языке баддагов, как и на тамильском, много мне помогали и старались обогащать ежедневно наш запас фактов. Все, что я узнала от них лично и от других, а также и почерпнутое из доставленных мне рукописей, собрано мною здесь. Отдаю эти факты на рассмотрение читателей.

Можно побиться об заклад, что не найдется на всем земном шаре другого племени подобного тоддам. Где же и когда, спрашивается, бывало племя, о котором самые близкие его соседи, например, баддаги, аборигены одной страны с тоддами и даже совместные с ними обитатели небольшого уголка земли в горах, так же мало знали бы и не могли бы ничего более о нем сказать, как и майсурцы или дравиды отдаленных берегов Индийского океана? Эти «соседи» никогда и не слыхали о существовании тоддов до дня их открытия, шестьдесят лет назад. Баддаги, ныне почему-то называемые *бюргерами*, не только не в состоянии дать каких бы то ни было сведений о прошлом тоддов до собственного прихода в горы, но даже не понимают и языка своих сюзеренов: тех, кого они почтительно величают «владельцами гор»^[45] (lords of the Hills)! Со дня своего переселения в горы баддаги, о которых еще много речи впереди, стали, как уже сказано, пасти многочисленные стада тоддских буйволов, работать на тоддов, взирая на них

как на высшие небесные существа. На все вопросы англичан они отвечали с убеждением: «тодды – дивы, посланные Брамой на землю боги», да так и стоят на этом заявлении.

Рассказ о неожиданном открытии этого и других, доселе совсем неизвестных в Индии племен, как и самой страны внутри «Голубых гор» над Куимбатуром, читается словно волшебная сказка. Эта находка была некогда для Мадраса тем же, чем открытие Америки было для Старого Света: она произвела не менее волнения в народах Англо-Индии. Ни европейцы, ни даже туземцы и не подозревали в начале нашего столетия, что над самыми, так сказать, головами их раскаленных городов и сел находится такая страна; что на несколько всего тысяч футов выше их пекла стоит истинная Швейцария с ровным прохладным климатом, с совершенно отличною от других стран природой и своеобразными флорой и фауной, с совершенно во всем отличным от других народов племенем! Из многих прочитанных нами, вышедших за последнее полувеков сочинений касательно Нильгири и тоддов, мы еще не встречали ни одного, которое не начиналось и не кончалось бы вопросом: «Кто такие могут быть эти тодды?»

Откуда взялись они в самом деле? Из каких стран пришли эти великаны, настоящие «бробдиньяги» Гулливерова царства гигантов? С которой из засохших, давно вымерших и испепелившихся ветвей человечества сорвался и упал в «Голубые горы» этот странный, никем не знаемый плод? Положим, что для туземцев вообще, а для суеверных подгорных малабарцев и майсурцев – в частности, тодды – суть прямые потомки див, богов этих прелестных гор, которым они, как древние критяне своим таинственным «Кабирам», поклоняются, не спрашивая об их происхождении. Но проживающим в южной Индии европейцам тодды решительно представляются необъяснимым явлением, вопросительным знаком, на который невозможно получить ответа. О них, как выше показано, совещались, спорили, составляли самые невозможные, дикие гипотезы, пока, наконец, несколько лет тому назад их не предали, как обыкновенно предают темные вопросы, воле Божией. А теперь, когда англичане прожили с ними бок-о-бок более сорока лет, разузнав о них все, что только было возможно узнать, то есть, нечто, равняющееся нулю, теперь мадрасские власти немного успокоились и переменили тактику. «Никакой тайны за тоддами не полагается, оттого и разрешить никто ее не мог», – заговорили они теперь. – «Ничего в них нет и не было загадочного... Люди как люди. Даже и на первый взгляд непонятное влияние на баддагов и курумбов объясняется весьма просто: суеверным страхом невежественных аборигенов и уродливых карликов перед физической красотой и ростом, перед нравственной мощью другого племени». Резюме: «Тодды – весьма красивые, хотя и грязные дикари, без религии, как и без сознательного прошлого. Они просто – не помнящее родства племя, полуживотные, как впрочем, и все туземцы Индии...» и т. д. и т. д.

Зато все служащие, землевладельцы, плантаторы, весь тот люд, словом, который поселился и живет уже годами в Уттакаманде, Коттагири и других поселках и городках на скатах Нильгири, относится к вопросу немного иначе. Оседлые жители выраставших, как по волшебству, в тридцатых годах *санитариумов*^[46] в «Голубых горах» знают многое, чего еще не снилось английским новоприезжим чиновникам, но благоразумно молчат. Кому охота служить посмешищем для других? Но есть и такие, что не боятся говорить открыто и громко известное за правду.

Между последними назову пригласившее меня семейство, не покидавшее Уттакаманда уже более сорока лет. Это семейство, начиная самым заслуженным генералом Родесом Е. Морганом и его милою и образованною женой и кончая восьмью замужними дочерьми и женатыми сыновьями, имеет свой особый, давно уже установившийся взгляд на тоддов, как и на курумбов, особенно на последних.

– Жена и я, – часто говаривал нам почтенный английский генерал, – состарились на этих холмах. Мы, также как и дети наши, говорим на языке баддагов и понимаем диалекты других

местных племен. Баддаги и курумбы у нас работают на плантации сотнями. Они привыкли к нам и любят нас, смотрят на нас как на своих, как на самых верных друзей и защитников их. Стало быть, если кто знает их самих, домашнюю жизнь, обычаи, обряды и верования их, то это мы: жена, я и старший сын, который, служа здесь коллектором, постоянно имеет с ними дело. Поэтому, основываясь на неоднократно доказанных на суде фактах, говорю прямо: тодды и курумбы действительно и бесспорно владеют какою-то силой, одарены могуществом, о котором наши мудрецы не имеют понятия... Если бы я был суеверным человеком,^[47] то разрешил эту задачу весьма просто. Я сказал бы, например, как говорят наши миссионеры: муллу-курумбы – исчадия ада и родились прямо от дьявола. Тодды же, хотя и язычники, но составляют им противоядие: они, видимо, посланные Богом орудия для ослабления власти и козней курумбов. Но, не веря в дьявола, я уже давно пришел к другого рода убеждению: не следует отрицать в человеке и в природе всех тех сил, которых мы не понимаем. Затем, если наша заносчивая наука неразумно отвергает их, то это лишь вследствие того, что не умеет объяснить их и классифицировать.^[48] «Слишком много доводилось мне видеть примеров, прямо доказывавших существование и присутствие такой неизвестной нам силы, чтобы не порицать скептицизма в этом отношении даже самой науки!»^[49]

То что видел и слышал среди тоддов и курумбов мой уважаемый друг и хозяин могло бы наполнить целые тома. Приведу пока один случай. За него ручаются как генерал, так и жена его и все семейство. Этот рассказ показывает, как глубоко эти образованные люди верят в колдовство и дьявольскую силу муллу-курумбов.

«Живя в продолжение долгих лет на Нильгири, – пишет мистрис Морган^[50] в своей книге *«Witchcraft on the Nilghiris»* («Колдовство на Нильгири») – окруженная сотнями разноплеменных туземцев, которых я нанимала работать на наших плантациях и хорошо знакомая с их языком, я имела случай наблюдать годами их быт и обычаи. Я знаю, как часто они прибегают к демонологии и колдовству между собою, особенно курумбы. Это племя разделяется на три ветви. Первая – просто курумбы, оседлые жители лесов, которые часто нанимаются в рабочие; вторая – тены-курумбы (от слова тейн – мед), живущие медом и кореньями, и третья – муллу-курумбы. Эти встречаются чаще тенов-курумбов в цивилизованных частях гор, то есть в евразийских поселках, и их очень много в лесах вдоль Виняда. Они употребляют лук и стрелы и любят охотиться на слонов и тигров. В народе существует поверье, часто доказанное на деле, что муллу-курумбы (как и тодды) имеют власть над всеми дикими зверями, особенно над слонами и тиграми, и могут даже принимать образы этих зверей при случае. Посредством ликантропии (оборотничества) они совершают безнаказанно много преступлений. Они очень мстительны и злы. Другие курумбы постоянно прибегают к их помощи... Если туземец желает отомстить врагу, он отправляется к муллу-курумбе...

Несколько времени тому назад между рабочими на моей Уттакамандской плантации находилась целая артель баддагов, человек тридцать молодых здоровых людей, которые все до одного выросли в нашем поместье, где работали до них и отцы их и матери. Вдруг, безо всякой видимой причины, началась убыль в их рядах. Я стала замечать почти ежедневно отсутствие то одного, то другого работника. По справкам всегда оказывалось, что отсутствующий внезапно занемог, а затем вскоре и умирал.

В один из базарных дней я встретила монегара (старосту) деревни, к которой принадлежала моя артель рабочих. Увидев меня, он остановился и подошел ко мне с поклонами.

– Мать, – сказал он мне, – я печален и попал в большую беду! – и тут же заплакал.

– Что такое случилось? Говори скорее...

– Все мои парни умирают один за другим, и я не в состоянии ни помочь им, ни остановить наваждения... Их убивают курумбы!..

Я поняла и спросила о причине такого с их стороны озлобления.

– Все денег более и более хотят... Мы отдаем почти все, что сами зарабатываем. Но они все недовольны. Прошлую зимой говорю им, что денег у нас более нет, не могу больше дать, а они нам в ответ: «Ладно... как знаете... а мы свое получим!..» Если они так отвечают, то мы знаем наперед, что это значит. Эти слова влекут за собою неминуемо смерть нескольких людей из нашей артели... Ночью, когда все кругом нас спит, мы вдруг все просыпаемся разом и видим, что между нами стоит курумба. Наша артель ведь спит вся вместе, в одном большом сарае...

– Так зачем же вы не запираете двери покрепче на засовы? – спросила я старосту.

– Запираем, да какая может быть польза в засовах? Запирайте сколько хотите, а курумба пройдет куда угодно, хоть через каменные стены... Смотришь, проснувшись в страхе, а уже он тут, среди наших: стоит и разглядывает каждого. Подымет так палец и уткнет его то в одного, то в другого, в *Маду*, в *Куриру*, в *Джогои*... (имена трех последних жертв)... сам не открывает рта, молчит, а только указывает, а затем вдруг и след его простыл! Через несколько дней те, в кого он потыкал пальцем, заболевают, начинают гореть, животы у них пухнут горой, а на *третий день*, а то на *тринадцатый*, они умирают. Так умерло у меня за последние несколько месяцев *восемнадцать* молодых людей из тридцати... Вот нас и осталась всего горсточка!.. И он горько заплакал.

– Но почему же вы не принесете жалобы правительству? – спросила я.

– Да разве *саабы* поверят? Кто же может поймать муллу-курумбу?

– Так дайте этим ужасным карликам то, что они требуют, двести рупий, и пусть они обещают оставить хоть остальных в покое...

– Да, надо будет так сделать, – сказал он со вздохом. И поклонившись, ушел»...

Этот пример есть один из многих, приводимых госпожою Морган, женщиною умной и вполне серьезной. Он показывает наглядно, что веру в колдовство разделяют с «суеверными» туземцами даже многие англичане.

– Я живу между этими народами более сорока лет, – говорила мне часто генеральша. – Я наблюдала за ними тщательно и долго. Было время, когда я не верила в эту силу, называя ее абсурдом... Но раз убедившись, я поверила, как и многие другие...

– Но вам известно, что над этою вашей верой в колдовство... смеются? – заметила как-то я.

– Знаю и давно убедилась в том. Но мнение публики, судящей поверхностно, не может изменить моего мнения, коль скоро оно основано на фактах.

– Мистер Беттен говорил мне вчера за обедом, смеясь, что месяца, два тому назад, у него была встреча с курумбами, но, что он, несмотря на их угрозы, до сих пор жив.

– Что именно рассказал он вам? – спросила она с оживлением, снимая очки и положив в сторону работу.

– Что он на охоте ранил как-то слона, но что тот ушел от него в чащу. Животное было великолепное, и он не захотел упустить его. С ним было человек восемь бюргеров-баддагов, и он приказал им следовать за собою в погоню за раненым слоном. Но зверь завел их очень далеко, так далеко, что если бы они не увидали, наконец, его мертвого тела, то баддаги-шикари не пошли бы далее под предлогом, что могут встретить курумбов. Но это не помогло бы, потому что они и без того встретились с ними лицом к лицу, подойдя к слону. Курумбы объявили, что слон их, и что они его только что убили, показывая в доказательство с дюжину своих стрел в его теле... Но Беттен отыскал между ними и рану от своей пули. Выходило так, что курумбы не убили, а только доконали сильно уже раненое животное... Но карлики стояли на своем праве. Тогда, по словам Беттена, невзирая на их проклятья, он прогнал их, и, отрезав ногу и клыки слона, уехал домой... «Ну вот, я до сего дня здоров и невредим», – смеялся он, – «а ведь индусы, чиновники в моем департаменте, уже было совсем похоронили меня, услышав о моей встрече с

курумбами!»...

Мистрис Морган, выслушав терпеливо мой рассказ, только спросила: – Он вам более ничего не говорил?

– Нет.

Обед кончался, и разговор сделался общим.

– Ну так я вам сама доскажу то, что он пропустил; а рассказав, призову свидетеля, единственного, кроме Беттена, пережившего неприятную встречу.

А говорил он вам, что при его первой попытке завладеть клыками слона, курумбы прокричали ему: «Тот, кто дотронется до *нашего* слона, увидит нас у себя перед своею смертью». Это обыкновенная формула их угрозы смертью. Если бы его баддаги были из здешних мест, то они скорее позволили бы ему убить себя на месте, нежели пренебрегли бы эту угрозу. Но он их привез с собой из Майсура. Беттен ранил слона, но он слишком гадлив, как он сам сознается, чтобы резать на куски мертвого зверя. Он только полуохотник, лондонский кокней (соскнеу), – прибавила она с презрением. – Отрезали ногу и вырезали клыки его майсурские шикари, и они же унесли их, повесив на жерди, домой. Их было восемь человек. Теперь желаете знать, сколько их осталось в живых?

И они захлопала в ладоши, призывая этим жестом слугу, которого она тотчас же послала за Пурной.

Пурна оказался стариком-шикари в весьма расслабленном состоянии. Его маленькие черные глаза с желтыми белками, как после разлития желчи, пугливо перебегали от его госпожи ко мне. Он, видимо, не понимал, зачем его призвали в гостиную саабов.

– Скажи мне, Пурна, – начала решительно генеральша, – сколько вас, шикарей, ходило два месяца тому назад с Беттен-саабом на слона?

– Восемь человек, мам-сааб, Джотти-мальчик – девятый, – прохрипел с трудом старик, откашливаясь.

– Сколько вас теперь осталось?

– Я один, мам-сааб, – вздохнул шикари.

– Как? – воскликнула я в непритворном ужасе, – разве все остальные, даже и мальчик, умерли?

– Мурче (умерли), все умерли! – простонал старый охотник.

– Расскажи мам-сааб, как и отчего они умерли, – приказала генеральша.

– Муллу-курумбы их убили, животы вспухли у одного за другим, все и перемерли, последний – пять недель тому назад...

– Ну а как же этот-то спасся?

– Его я послала тотчас же к тоддам на излечение, – объяснила мистрис Морган. – Других они не приняли... пьющих они не берутся лечить и всегда отсылают назад: от того и мои добрые работники умерли... один за другим, до двадцати человек, – добавила она со вздохом. – Ну а этот старик выздоровел, к тому же он не дотрагивался до слона и нес только одно ружье, как он рассказывает. Беттен, как я слышала от него самого и других, угрожал шикарям, что если они не унесут трофей, слона домой, то он заставит их переночевать в лесу с курумбами до утра. Испуганные такою перспективой, они и отрезали скорее ногу, вырезали клыки, а затем унесли их домой. Пурна, который долго служил у моего сына в Майсуре, прибежал ко мне, и я его тотчас отослала к тоддам вместе товарищами. Но они не приняли никого, – кроме Пурны, который никогда не пьет. Ну а другие стали с того самого дня хиреть. Они ходили на наших глазах точно привидения, зеленые, худые, с огромными животами, и не прошло месяца, как они все умерли один за другим *от лихорадки*, по показанию военного доктора.

– Но ведь бедный мальчик не мог еще быть пьяницей? – спросила я. – Почему же хоть его

не спасли ваши тодды?

– Здесь теперь пятилетние дети и те пьют, – ответила она с выражением отвращения на лице. – До нашего прихода в эти горы в Нильгири никогда не пахло спиртными напитками. Это одно из благодеяний внесенной нами цивилизации. А теперь...

– Что же теперь?...

– Теперь водянка у нас губит столько же людей, как и курумбы. Она их лучшая союзница... Иначе курумбы в таком близком соседстве с тоддами были бы безвредны.

На этом наш разговор кончился. Генеральша приказала запрячь двух огромных волов в такую же огромную карету и предложила мне поехать с ней на ее поселок за *травками*. Мы отправились.

Дорогой она мне рассказывала все время о тоддах и курумбах. Мистрис Морган – женщина с удивительной наблюдательностью и памятью, женщина энергичная, в высшей степени деятельная и храбрая. А надо иметь большой запас этого качества, чтобы ратовать, как то она делала, во имя правды и человеколюбия в продолжение сорока лет против англо-индийских понятий об общественных приличиях и установленных правилах жизни. Еще в то время как она была женою бедного капитана Ост-Индской Компании, которому, как и всем служащим, была воспрещена всякая частная спекуляция, она решилась, видя ежегодное приращение семейства, составить мужу и детям состояние. Она закупила огромное количество земли и лесов, продававшихся сорок лет тому назад за номинальную цену на вновь открытых горах, и стала хозяйничать. Она выписывала семена, засеяла первая несколько сот десятин пустыря эвкалиптом, чайными и кофейными деревьями; занялась разведением скота, и в продолжение нескольких лет молоко, масло и сыр ее двухсот превосходных коров наполняли все базары Нильгири. Она продолжала это, невзирая на нарекания гордого англо-индийского общества, даже когда ее муж из капитана сделался генералом. На замечание главнокомандующего она ему прямо отвечала, что так как ее муж не вор, а своего состояния не имеет, то правительство не имеет права пустить ее восьмерых детей по миру, запретив ей, частному лицу, заботиться об их благосостоянии. Она получила должное. Работая день и ночь, любимая туземцами, а поэтому находя и хороших помощников в своих рабочих, в двенадцать лет, говоря ее словами, она заработала своими руками пять леков.^[51] Она продавала, покупала, спекулировала и собрала огромные деньги. Ее дом, выстроенный ею самой, – самый большой и великолепный в Уттакаманде. В нем теперь поселился на три года главнокомандующий, сэр Фредерик Роберте с женой. «Это моя единственная и самая горькая ошибка!» – жаловалась она мне часто.

– Он воображает, что может со мною поступать как с афганцем. Он вырубает мои любимые деревья, переделывает на свой лад мой дом и портит плантации...

Во время моего пребывания с ними, у них шла ожесточенная война...

К счастью, ее муж давно в отставке. Если нет героя для его *valet de chambre*, то тем менее имеется таковой для хозяина дома. Мистрис Морган держит афганистанского героя в ежедневном страхе.

Добрая мистрис Морган очень любит свои горы и гордится ими. Она сроднилась с ними и считает всех тоддов и даже баддагов-рабочих как бы частью своего семейства. Она не может простить правительству непризнания «чар» и их ужасающих результатов.

– Наше правительство просто глупо, – говорила она, волнуясь, в карете. – Оно отказывается назначить комиссию для проведения следствия и не желает верить в то, во что веруют все туземцы всех каст, пользуясь этими ужасными средствами для совершения безнаказанных преступлений гораздо чаще, нежели это может кому-то прийти в голову! Страх колдовства так велик у нас в народе, что часто люди готовы убить целую дюжину невинных особ колдовством другого рода, лишь бы вылечить одного больного человека, заподозренного в немощи от *глаза*

курумбы... Раз я ехала верхом: вдруг моя лошадь, внезапно фыркнув и захрапев, неожиданно бросаясь в сторону, чуть не выбила меня из седла. Присмотревшись, я увидела среди дороги очень странную вещь. То была большая плоская корзина, в которой лежала, тараща на прохожих безжизненные глаза, отрезанная голова барана, затем кокосовый орех, десять рупий серебром, рис и цветы. Эта корзина была поставлена у верхнего угла треугольника, составленного из трех тонких ниток, привязанных к трем колышкам. Все это было расположено так, что кто бы ни шел с той или с другой стороны дороги, должен был непременно наткнуться на эти нитки, порвать их и, таким образом, получить удар во всей его силе от убийственного *сунниума*, как этот род колдовства называется у нас. Это средство самое обыкновенное у туземцев. К нему прибегают весьма часто в случае болезней, исход которых грозит смертью. Тогда готовят *сунниум*. Кто до него дотронется, хотя до одной их ниток, получит болезнь, тогда как больной выздоравливает. *Сунниум*, на который я чуть было не наткнулась, был поставлен под вечер по дороге к клубу, по которой более всего ходят в темноте. Меня спасла лошадь, но я потеряла ее: через два дня она издохла. Не верьте после этого в *сунниумы* и колдовство! И ведь что меня более всего сердит, – продолжала она, – это то, что смерть вследствие колдовства всегда приписывается нашими докторами какой-то неизвестного качества лихорадке. Удивительная должна быть эта лихорадка, которая так умно и безошибочно умеет выбирать свои жертвы. Она никогда не нападает на тех, у кого нет ничего общего с курумбами. Она является лишь вследствие неприятной встречи с ними, ссоры или их злобы на жертву. Да в Нильгири нет, как и никогда не было никаких лихорадок. Это самое здоровое на земном шаре место. Мои дети не болели от рождения ни одного часа. Посмотрите на Эдит и Клару. Взгляните на силу и цвет лица этих девочек, – говорила она, указывая на дочерей.

Действительно, всякая мать имела бы право гордиться таким цветущим здоровьем своих детей. Не найдя места в переполненной нами карете, обе молодые девушки, бежавшие более четырех миль без усталости возле ее дверей, переговаривались с нами также спокойно, как если бы они сидели на месте. Их огромные мальчишеские прыжки через рвы и канавы в продолжение часа с лишним только еще более развратили их и без того розовые щеки.

Но мистрис Морган не слушала моих искренних комплиментов их силе. Она продолжала бранить лекарей. Наконец, она прервала свои нарекания восклицанием:

– Взгляните! Вот один из прелестнейших муррти, тоддских поселков. Здесь живет их самый древний и святой *капиллол*.

Тодды, как уже сказано, народ полукочевой. От Рангасуами до Тоддабета вся поверхность горной цепи усеяна их *мурртами*, деревушками или поселками, если группа трех-четырех пирамидообразных жилищ может считаться поселком.

Такие жилища построены недалеко одно от другого и между ними, отличаясь от прочих величиной и более тщательной постройкой, всегда красуется *тирири*, «священный буйволятник». В нем за первую «комнатой», служащей ночным приютом для буйволов и особенно для буйволиц, комнатой огромных размеров, выстроена всегда другая комната. Эта комната, где царствует вечный мрак, потому что она не имеет ни окон, ни дверей, а единственный в нее вход – просто дыра в квадратный аршин, не более, – это и есть, по видимому, *храм* тоддов; их *Sancta Sanctorum*, где совершаются никому неизвестные таинственные обряды. Даже вышесказанная дыра строится в самом темном углу уже и без того темного хлева, там, где желающим забраться в святилище пришлось бы долго искать этого входа. Туда не может вступить ни одна женщина, как и никто из женатых тоддов – то есть никто из класса мирян, или *кутов*. Одни тералли, «священнодействующие» имеют свободный доступ во внутренний *тирири*.

Само здание всегда окружено довольно высокою каменною оградой, внутри которой двор,

или *туэль* тоже считается священным. Постройки, сгруппированные вокруг тирири, издали напоминают свою формой кибитки киргизов. Но они все каменные и смазаны крепчайшим цементом. Здания имеют обыкновенно от 1 до 15 футов в длину и от 8 до 10 в ширину, имея высоты от земли до края пирамидальной крыши не более 10 футов.

Тодды не живут днем в этих зданиях: они только ночуют в них. Невзирая ни на какую погоду, в самую выюгу муссонов и под проливным дождем, можно видеть их сидящих группами или же расхаживающих парами. Тотчас после солнечного заката они влезают в крошечные отверстия своих миниатюрных пирамид. Одна огромная фигура за другою начинает исчезать в них; после чего, задвинув изнутри отверстие толстейшею деревянною ставней, очень замысловато движущейся на стержне и запирающей посредством крепкого засова и двух выбоин в стене, тодда уже не показывается до утра. Его нельзя ни видеть, ни выманить из жилища после солнечного заката.

Тодды разделены на семь кланов или родов: в каждом клане считается сотня мужчин и дюжины две женщин. По собственному их уверению, эта численность не изменяется, да *и не может измениться*, существуя уже с первой эпохи их поселения в горах. Статистика подтверждает это за последние пятьдесят лет. По мнению англичан, этот странный факт неизменности в цифре их рождений и смертности, как бы замкнувший число тоддов в семь сотен на много веков, следует приписать полиандрии: у тоддов одна жена на всех братьев одной семьи, будь их дюжина.

Значительное меньшинство женского пола в ежегодных рождениях приписывалось сначала весьма распространенному между племенами Индии детоубийству. Но это никогда не было доказано. Несмотря на все принимаемые меры и неутомимое соглядатайство, несмотря даже на обещанную награду за донос со стороны англичан, почему-то сгорающих желанием поймать и уличить тоддов в противозаконном деянии, до сего дня невозможно было выследить ни одного такого случая. Тодды только презрительно улыбаются на все подозрения.

– Зачем нам убивать маленьких матерей? – говорят они. – Если бы они не были нам нужны, мы бы и не имели их. Мы знаем, сколько нам необходимо мужчин и сколько матерей, и лишнего мы не станем иметь.

Этот странный аргумент заставляет статистику и географа Торна в его книге о Нильгири писать с каким-то озлоблением: «Эти дикари, идиоты... Они смеются над нами!..» – заявляет он, сам не замечая, что приписывает идиотам способность так ловко мистифицировать высшую интеллектуальную расу.

Но люди давно знакомые с тоддами, изучавшие их самих и быт их годами, думают, что тодды дают свои показания серьезно и глубоко верят в заявленный факт. Они идут еще далее и открыто делают предположение, что тодды, как и многие другие племена, живущие, так сказать, в лоне природы, владеют гораздо большим числом тайн природы, а поэтому знакомы с практической физиологией лучше, нежели наши ученые врачи. Люди эти вполне уверены, что ссылаясь на бесполезность прибегать к преступлению детоубийства, когда число «матерей» их племени находится в их распоряжении, тодды говорят одну правду, хотя их *modus operandi* в этом темном физиологическом вопросе и составляет для всех необъяснимую тайну.

На языке тоддов слова «женщина», «девочка» или «девушка» не существуют. Понятие о нашем поле у них неразрывно связано с понятием о материнстве. Поэтому у них и нет для них другого названия, на каком бы языке они не выражались. Говорят ли они о старухе или о годовалой девочке, тодды ее всегда называют «матерью», употребляя лишь такие прилагательные для ясности изложения, как «старая», «молодая» или «маленькая».

– Наши буйволы, – иногда замечают они, – определили раз и навсегда число наших людей: от них зависит и число матерей.

Тодды никогда долго не заживаются на одном *муррте*, а переходят из одного в другой по мере истребления буйволами подножного корма. Благодаря почве и изобилию растительности на горах этот корм не имеет себе подобного в Индии. Поэтому, вероятно, их буйволы и превышают величиной и силой все встречаемые в других частях не только страны, но и всего мира породы. Но опять и в этом даже проявляется нечто загадочное. Есть у баддагов и у плантаторов буйволы, которые пользуются таким же хорошим кормом; почему же, спрашивается, эти буйволы гораздо менее ростом и слабее, чем тот же скот в «священных стадах» тоддов? Их животные буквально гигантской величины, словно это последние остатки допотопных прародителей. Всем известно, что, невзирая на все улучшения породы, старания собственников-плантаторов не увенчались успехом: их буйволам никогда не сравняться с буйволами тоддов, которые к тому же упорно отказываются одолжить свой скот для скрещивания пород. Впрочем, благодаря климату, отсутствию мух, оводов и мошек, все породы буйволов и быков, а также и баранов, великолепны в этих горах и составляют исключение в Индии.

Каждый клан, которых, как сказано, всего семь, разделяется на несколько больших семейств; каждое семейство, смотря по числу душ, имеет свой особенный домик, даже два или три домика в *муррте*, на нескольких пастбищах. Таким образом, каждая семья имеет готовый кров, на которое бы из пастбищ она не перешла, а иногда и несколько таких одной ей принадлежащих поселков с неизбежным *тирири*, храмом-буйволятником. До прихода англичан и прежде чем они рассеялись, как чужеродное растение по всей поверхности Нильгири, тодды, удаляясь из одного *муррта* в другой, оставляли *тирири* пустыми, как и прочие здания. Но, заметив любопытство и нескромность новых пришельцев, которые с первых дней своего насильственного вторжения старались проникнуть в их священные здания, тодды стали осторожнее. Они уже не доверяют, как доверяли прежде, и уходя, оставляют при *тирири* священнодействующего «*тералли*»,^[52] который ныне стал известен под именем поллола^[53] с его ассистентом *капиллолом* и двумя буйволицами.

«Целых сто девяносто семь поколений жили мы спокойно на наших горах, – жаловались тодды властям, – и ни один человек, кроме наших *тераллиев*, не осмеливался заносить ногу на трижды священный порог *тирири*. Буйволы гnevаются... запретите белым братьям подходить к *туаэлли* (священной ограде): не то беда будет, страшная беда!»

И власти благоразумно запретили поселенцам из долин, особенно любопытным и еще чаще нахальным англичанам и их миссионерам вторгаться в *туаэлли* и даже подходить к ним. Но они успокоились тогда только, когда двое из них были в разное время убиты буйволами: подняты на их острые, огромные рога и буквально раздавлены до смерти под тяжелыми ногами. Это животное презирает даже тигра, который редко смеет тягаться с ним.

Так никто до сих пор и не узнал, какая тайна скрывается в комнате за буйволятником. Даже миссионер Метц не успел разрешить загадки в тридцать лет общего сожительства. Описание и сведения по этой части майора Фрезера^[54] и других этнологов и писателей оказались теперь вполне фантастическими. Майор «залез в комнату за буйволятником и нашел в этом столь интересовавшем всех *храме* грязную и совершенно пустую комнату», по той простой причине, что участок вместе со зданием на нем был уступлен тоддами городу за другое, более отдаленное пастбище, но гораздо обширнее. Все, что было в домиках и храме, было вынесено, и здания предоставлены на слом.

Кроме своих буйволов тодды не занимаются никаким другим скотоводством или хозяйством. Они не держат ни коров, ни баранов, ни лошадей, ни коз, ни даже какой-либо птицы. Они не терпят кур, потому что «петухи беспокоят ночью и будят своим криком уставших буйволов», – объяснил мне один старик. У тоддов, как уже сказано, нет даже собак, хотя и можно найти у каждого баддага в доме это полезное и даже необходимое в таких лесных

труппах животное. Тодды не занимаются теперь, как не занимались до прихода англичан никакой работой: не сеют и не жнут, и однако имеют, по-видимому, всего вдоволь, хотя денежными делами не обременяются и в деньгах толка вовсе не знают за исключением немногих стариков. Женщины их очень красиво и оригинально вышивают края своих белых простынь, их единственный покров; но мужчины открыто презирают всякую ручную или телесную работу. Вся их любовь, помышления и религиозные чувства сосредоточены на великолепных буйволах. Но их женщины не допускаются к ним; доение буйволиц и уход за ними принадлежит исключительно мужчинам.

Через несколько дней после моего приезда в сопровождении только дам и детей мы отправились посетить муррти милях в пяти от города. В этом поселке теперь жило несколько семейств тоддов, и старик *тералли* с целою свитой «священнодействующих», как нам говорили. Я уже имела случай видеть нескольких тоддов, но не видала еще ни их женщин, ни обрядов с буйволами. Мы ехали с намерением посмотреть, если будет дозволено, церемонию загона буйволов в хлев, о которой мне так много рассказывали и которую мне очень хотелось видеть. Было уже около пяти часов вечера, и солнце близилось к закату, когда мы остановились у опушки леса и, выйдя из кареты, пошли пешком к большой поляне. Тодды возились с буйволами и не обратили на нас внимания, даже когда мы подошли к ним довольно близко. Но буйволы заревели. Один из них, очевидно главный, с серебряными колокольчиками на огромных закрученных рогах, отделясь от стада, подошел к самому краю дороги. Повернув к нашей группе высоко поднятую голову, он устремил на нас свои блестящие огненные глаза и громко замычал, словно спрашивая, кто мы такие...

Говорят, что буйволы ленивы и глупы, и что глаза их ничего не выражают. Я вполне разделяла это мнение, пока не познакомилась с буйволами тоддов, и особенно с этим, словно заговаривавшим с нами на своем языке животным. У этого глаза горели, словно два угля, и в его косвенном, беспокойном взгляде светилось положительно чувство как бы удивления и вместе с тем недоверия.

– Не подходите к нему, – закричали мне спутники, – Это их вожак и самый священный из всего стада! Он очень опасен.

Но я и не думала подходить, а напротив, стала было ретироваться быстрее, нежели подошла, когда юноша, высокий и стройный, словно Гермес среди быков Юпитера, очутился одним прыжком между буйволом и нами. Сложив руки и нагнувшись перед «священной» мордой, он быстро наклонился к уху животного и стал шептать вполголоса никому непонятные слова. Тогда произошло нечто весьма странное, до того странное, что если бы факт этого не был мне подтвержден другими, то я сочла бы его за галлюцинацию, вследствие множества слышанных мною в эти дни историй и анекдотов об этих священных животных.

Буйвол при первых словах юного *тералли* повернул к нему голову и точно слушал и понимал. Взглянув в нашу сторону, как бы желая осмотреть нас еще внимательнее, он стал кивать головой, выпуская короткие, отрывистые, будто осмысленные мычания и как бы отвечая на почтительные замечания *тералли*. Затем бросив на нашу компанию уже равнодушный взгляд, буйвол повернулся к дороге спиной и тихо пошел назад к своему стаду...

Вся эта сцена была до того комична и так сильно напоминала разговор русского мужика с медведем «Михайло Иванычем» на цепи, что я чуть было не рассмеялась.

Взглянув на серьезные и немного смущенные лица моих спутниц, я невольно удержалась. – Видите, что я говорю вам правду! – полуторжественно, полубоязливо шепнула мне на ухо девочка лет пятнадцати. – Буйволы и *тералли* понимают друг друга, они *разговаривают* между собою, как люди.

К моему изумлению, мать не остановила девочку, не сделала никакого замечания. На мой

вопросительный, удивленный взгляд она только ответила как бы тоже с маленьким смущением: «Тодды во всем странное племя... Они рождаются и живут среди буйволов. Они дрессируют их годами, и действительно можно подумать, будто они ведут между собою разговоры».

Узнав мистрис Т. и ее семейство, женщины вышли на дорогу и окружили нас. Их было пять: одна с ребенком совершенно голым, невзирая на холодный дождевой вихрь; три молодые и очень красивые и одна старуха, еще очень благообразная, но зато уж очень грязная. Эта подошла прямо ко мне и спросила, должно быть по-канарезки: кто я такая. Вопросы я, конечно, не поняла и поэтому за меня ответила одна из молодых девушек. Но когда мне были переведены как вопрос, так и ответ, то последний показался мне чрезвычайно оригинальным, хотя и не очень правдоподобным.

В этом ответе я была представлена публике «чужеземной матерью и любящей дочерью буйволов», по уверению переводчицы. По-видимому, это описание успокоило и даже обрадовало грязную старуху, потому что без такой рекомендации, как я узнала после, меня бы и не допустили присутствовать при вечерних обрядах с буйволами. Старуха тотчас же побежала и, вероятно, передала сведения другому, старшему тералли, который, будучи окружен группой молодых священнодействующих, стоял вдали в живописной позе, опершись локтем на блестящую черную спину уже знакомого нам буйвола «вожака». Он тотчас пошел к нам и заговорил с мистрис С., которая знала их язык не хуже туземца.

Какой представительный великолепный старик! Я невольно сравнивала этого аскета гор с такими же аскетами индусами и мусульманами. Сколько последние кажутся расслабленными, мумиеобразными, столько тералли-тодда поражал нас здоровьем и силою своего мощного, высокого и крепкого, как вековой дуб, тела. Седина еле серебрила его бороду и густые, падающие тяжелыми прядями на спину, волосы. Прямой как стрела, он подходил к нам не торопясь, и мне казалось, будто к нам приближается ожившая, вышедшая из своей рамы фигура Велизария. При виде этого чудно-живописного гордого старика, глядевшего царем, переодетым в рубище, и его шести замечательно мощных и красивых *капиллолей*, во мне проснулось с новою силой чувство жгучего любопытства, неутолимое желание узнать все, что только было возможно, о его племени и особенно о его тайнах.

Но то было напрасное и в ту минуту совсем неудовлетворимое желание. Я не говорила даже, как многие из моих европейских знакомых, на их языке. Мне оставалось ждать терпеливо и безропотно, наблюдать и принимать к сведению все, что мне будет дозволено увидеть.

В тот вечер я увидела только следующую любопытную церемонию, которая повторяется тоддами ежедневно.

Солнце почти совсем зашло за верхушкой деревьев, когда тодды стали готовиться к загону своей священной скотины. Рассыпанные по поляне штук сто буйволов мирно паслись вокруг «вожака», который никогда не оставляет своего наблюдательного поста в центре стада. У всех были привязаны колокольчики к рогам. Но тогда как у других они были медные бубенчики, «вожак» отличался чистым серебром своих колокольчиков и золотою серьгой в ухе.

Церемониал начался тем, что стали отделять буйволят от маток и запирали их в отдельные хлева, пристроенные к туэлю, до утра. Затем отворились широкие ворота очень низкой стены, до того низкой, что мы с дороги видели все происходившее в *туэле*. Звения колокольчиками и погремушками, буйволы стали входить один за другим и устраиваться рядами. То были самцы, а буйволицы ждали очереди, которая приходила для них после. Каждого буйвола подводили к устроенной во дворе цистерне или, попросту, луже; обмыв, его вытирали сухой травой, поили, а затем запирали в *тирири*.

Но в чем же состоит интерес обрядов? По мере того, как буйволы подходят к воротам, миряне обоих полов (то есть, около восьмидесяти мужчин и две-три дюжины женщин разных

возрастов) становятся в два ряда по обе стороны ворот, мужчины по одну, а «матери» по другую, а затем все отвешивают по низкому поклону буйволам, каждому поочередно. При этом все делают какие-то непонятные жесты, означающие у них глубокое уважение. То же самое делается для буйволиц. Только кроме этого «матерям» приходится класть перед каждой маткой по земному поклону и протягивать ко всякой руку с клочком травы. Счастлива та «мать», от которой главная буйволица удостоит принять лакомый корм! Это считается лучшей приметой.

Убрав и заперев буйволов, мужчины принимаются доить буйволиц; женщину животное к себе и не подпустит. Эта священная церемония длится часа два, так как сосуды из древесной коры, наполненные молоком, обносят семь раз вокруг выдоенной самки, и только затем уже они относятся в молочную, особенный домик, который содержится в необыкновенной чистоте. Доят одни «посвященные», то есть «капиллолы» под присмотром главного тиралли, или первосвященника.

Когда все молоко выдоено и готово, ворота *туэля* запираются, и посвященные входят в буйволятник. Тогда, по уверению баддагов, комната за буйволятником освещается многими лампочками, которые горят до утра. Это жилище одних посвященных. Что совершается в этом тайнике до утра, никто не знает, да и нет надежды, чтобы кто когда узнал. Тодды презируют деньги; подкупить их, не нуждающихся решительно ни в чем и смотрящих на все чужое, не свое, с полнейшим равнодушием, фактически невозможно. Как весьма верно указано капитаном Гаркнессом и другими, прожившими с ними целые годы свидетелями, тодды – *бессребреники*, в полном смысле этого слова.

Фальшивое положение беспристрастного летописца. – Страница из темного прошлого тоддов, баддагов и муллу-курумбов. – Их предания. – Сопоставления с «Рамаяной» – Где кончается фантазия и начинается правда? – Заключение, к которому описанные факты приводят беспристрастного наблюдателя.

«Объяснения (индуктивных наук) необходимо приводят нас со временем к необъяснимому. Поэтому самые глубокие истины должны оставаться для нас неразъясненными».

Герберт Спенсер

Вынужденная в этом рассказе опираться касательно феноменальных способностей тоддов и курумбов на свидетельство мистрис Морган и ее семейства, я чувствую, что глазах неверующей публики это очень ненадежная опора. Нам скажут, вероятно: «Теософы, психисты, спириты, – все это одно и то же, все вы верите в то, во что наука не только не поверит, но что она всегда отвергала с должным презрением... Ваши факты – галлюцинация, которую вы разделяете, но которой не поверит ни один благоразумный человек».

К этому мы давно приготовлены. Если мир науки, а за ним и толпы, которые желают рисоваться в ее сиянии, бесцеремонно отвергли показание в этом вопросе некоторых из своих великих ученых, то не нам надеяться убедить публику: если свидетельство профессора Геера (Hare), Уоллеса, Цёльнера, Крукса и стольких других светил науки пошло за ничто; когда мы знаем, как эти толпы, которые еще накануне поизносили подобострастно имена своих великих изобретателей, сделавших важные открытия в науке, говорят о них теперь чуть ли не с улыбкой презрительного сожаления, как о свихнувшихся с ума людях, то наше дело должно считаться заранее проигранным. Смешно надеяться заинтересовать скептиков, заставить их взглянуть серьезно на «колдовство» других – полудиких племен, когда свидетельство и научные опыты в спиритических явлениях вышесказанных ученых были осмеяны. Радиометры да разные неизвестные до того химические комбинации у них достало ума открыть; а вот наряженные материализованными духами куклы медиумов, то есть надувательство грубое и очевидное, как нос на лице, как слона в кунсткамере, они и не заметили! Бедные, простодушные, легковверные ученые! Но, быть может, нам еще удастся показать, что те из их собратьев, которые так сурово отвергают их свидетельство, а особенно образованный класс общества (настоящее Панургово стадо), гораздо легковвернее тех, кто склонился перед неопровержимыми фактами.

Кто из заинтересованных психологическими вопросами дня не помнит как серьезно и добросовестно изучал все эти вопросы в продолжение нескольких лет химик Крукс? Доказав совершенно неопровержимыми *опытами с помощью научных аппаратов*, что феномены самого необъяснимого характера происходят иногда в присутствии так называемых медиумов, он доказал тем самым и существование таких неисследованных сил и способностей в человеке, о которых еще и не снилось Королевскому обществу. За это открытие, взволновавшее в те дни всю верующую, а особенно неверующую Европу и Америку, сказанное общество, как французская академия в отношении Шарко, чуть не изгнало честного мистера Крукса^[55] из своей среды, слепоглохой ко всему духовному и психическому. Не помог и *радиометр*, не помогло и открытие «лучистой материи».

Дойдя до этого пункта, нам придется, однако оговориться.

Мы просим читателя помнить, что этот рассказ далеко не пропаганда спиритизма. Мы просто заявляем факты; делаем попытку открыть глаза публике на счет реальности многих ненормальных, странных, еще необъясненных, но никак не сверхъестественных явлений. Веря в феномены медиумов, то есть в их настоящие, а не подставные явления, из которых последние, к сожалению, составляют более 70 %, большинство теософов отвергает теорию «духов». Лично пишущая эти строки не верит ни в материализующиеся *души умерших*, ни в объяснения спиритов: менее же всего, в их так называемую *философию*. Почти все феномены, о которых столько говорили за последнее двадцатипятилетие, также реальны и неопровержимы, как и существование самих медиумов. Но характер этих явлений настолько же имеет в себе то, что называется *spiritualite*, как те честные кузнецы и столяры, которые начинают на юге Франции и Германии представлять апостолов в деревенских мистериях и которых церковные старосты выбирают за жилистые руки и здоровенный рост.

Такую веру в одно и неверие в другое со мною разделяет, как сказано, большинство современных так называемых *спиритуалистов* и членов теософического общества: брамины Индии, с одной стороны, и несколько сотен весьма опытных (по части спиритизма) и ученых лиц в Европе, с другой, к каким ученым принадлежит и великий химик Крукс – *n'en deplaise aux sirites*, которые рассказывают совсем другое, указывая на него во всех своих публикациях, как на убежденного спирита.

Спириты крепко ошибаются. Одно время, когда мы еще не знали лично мистера Крукса, эти легенды о нем нас весьма смущали. Но в апреле 1884 года, в его доме, в Лондоне мы ему поставили при многих свидетелях, а затем и когда мы были одни, этот прямой вопрос. Крукс отвечал прямо и не колеблясь, что в описанные им явления с медиумами он верит так же твердо, как и в свою «лучистую материю», которую он нам тогда показывал и объяснял; но что в посредничество духов *он давно не верит*, хотя одно время и был склонен к этому.

– Так кто же была «Katie King»? – спросили мы.

– Не знаю, вероятнее всего, *двойник* мисс Ф. Кук (медиума), – отвечал он добавляя, что есть серьезная надежда, что физиология и биология скоро убедятся в существовании такого полуматериального *двойника* в человеке.

На это нам опять весьма вероятно возразят, что существование таких ученых, которые верят в *двойников* и даже в спиритизм, еще не доказывает реальности ни двойников, ни феноменов медиумов. Нам скажут, что в семье не без урода; что такие ученые составляют, наконец, меньшинство, а такие, что отрицают наповал все еще не доказанное современною наукой, находятся в громадном большинстве. Не станем спорить. Заметим только, что у нас пока и умные люди имеются в виде весьма малого процента от общей суммы не только человечества, но даже образованных классов. Меньшинство также ничего еще не доказывает. Большинство имеет лишь одно видимое преимущество над меньшинством: преимущество грубой животной силы. Оно садится на меньшинство и старается раздавить его, или, по крайней мере, заглушить его голос. Это мы видим всюду. Массы поклонников общественного мнения производят давление на тех, кто предпочитает ему истину. Королевское общество и академии давят ученых, которые осмеливаются переступить – опять-таки во имя этой попоранной истины – резко начертанный ими рубеж вокруг их узкой материалистической программы. Спириты силятся побить и даже уничтожить теософов... Все это в порядке вещей. Есть, конечно, много и умных людей, твердо верующих в личное присутствие душ умерших на спиритических сеансах; в облеченных материей «духов»; в их откровения; в философию Аллана Кардека и даже в непогрешимость профессиональных, публичных медиумов. Оказывая должное уважение всякому личному верованию, все-таки мы не разделяем верований спиритов. Мы позволяем себе держаться, до

поры до времени, собственных убеждений. Только время да помощь науки, когда она переменит тактику, могут нам показать, кто из нас прав и кто ошибается.

Убедясь окончательно, что такие авторитетные учреждения, как Королевское общество и европейская академия наук, никогда (по крайней мере, еще не скоро, не при нашей жизни) не окажут нам помощи: что большинство ученых решилось, кажется, изгнать навеки из своей среды все подобные психологические явления: что обо всем поверхностно судящая публика клеймит печатью грубого суеверия все то, чего она не понимает (многие, вероятно, *страшась понять*); что, наконец, все они согласятся называть *истиной* и *фактом* лишь собственные, почему-то ими принятые, заключения, хотя большинство научных теорий при каждом шаге вперед науки испокон века лопались одна за другой; видя все это и убедясь, как тщетны наши усилия изменить дух времени, мы и решились действовать и искать объяснений сами.

Два года мы собирали сведения и изучали «колдовство» курумбов и более пяти лет подобные проявления той же силы в различных племенах Индии. Главным советом общества был назначен комитет, и всякие меры были приняты против могущего иметь место обмана. Наши сочлены, выбранные из среды самых ярких скептиков, пришли единодушно к одному заключению: «Все, что рассказывают об этих племенах, основано на истинных фактах. За исключением, конечно, огромных преувеличений суеверной массы народа: – эти факты неоднократно были доказаны. Как, в силу какой способности, тодды, курумбы, яннади и другие племена производят известное действие на людей, – мы не знаем, как и не беремся объяснять. Мы только заявляем то, что сами видели».

Так говорили наши сочлены, индусы, воспитанные в современном духе английской цивилизации, то есть *материалисты*, в полном смысле слова, и не верующие ни в собственных богов, ни в духов спиритов. Так говорили и мы, хотя имеем сильное подозрение, равняющееся убеждению, что эта сила в нильгирийских колдунах есть наш старый знакомый: «психическая сила» докторов Карпентера и Крукса. Мы долго приглядывались к этому столікому Протею, овладевавшему, бывало, и нами. Мы делали опыты столь же тщательные, серьезные, беспристрастные над собою, как и над другими. Мы пришли к заключению, что как перед докторами Шарко, Круксом, Цёльнером, так и перед нашими глазами – в отношении к «колдунам» действовала одна и та же сила; но что разнообразие ее проявлений зависит преимущественно от такого же разнообразия человеческих организмов; затем, от среды и обстановки, среди которой она проявляется; много от климатических условий и, наконец, от умственного направления так называемых «медиумов».

Продолжая говорить о «колдовстве» и опираться на свидетельства множества лиц, не одного семейства Морганов, конечно, я употребляю термин в его переносном смысле. Понятно также, что призывая других свидетелей, я хочу оградить тем самым собственные показания от незаслуженного подозрения, даже в преувеличении. Говоря другими словами, я скорее страшусь нарекания: *a beau mentr qui vient de loin*, нежели ищу оправданий перед скептиками. Во мне нет ни уважения, ни страха ко всеотрицающему духу современной науки. Избирая основным грунтом, *канвою*, так сказать, своего рассказа, столько же плоды исследований и гипотезы других лиц, сколько и результаты собственных наблюдений, я имею в виду скорее истину, нежели *le gu, en dira-t-on* отрицателей. Поэтому я и продолжаю зашивать эту канву фактами, предпочитая им вечные гипотезы, вечно лопающиеся, как мыльные пузыри.

О тоддах и курумбах писали и до меня. О них рассуждали несколько серьезных писателей и статистиков. Но то были в каждом случае предубежденные, хотя, вероятно, и ученые специалисты, или же лица уж чересчур подчеркивающие по-своему каждый такой ненормальный факт, а именно: английские и американские миссионеры. Большинство этого класса, в силу давно усвоенных ими взглядов и предвзятой системы, всегда проповедовали в

Индии более страх перед дьяволом, нежели любовь ко Христу. Оттого и такой их неуспех. Эти господа, понятно, обязаны видеть козни лукавого во всем туземном, и этим они только еще более затемняют истину и мешают публике констатировать факты.

Отвергая с примерным беспристрастием предания нильгирийских, как и других, племён, как и все показания о себе туземцев, продолжая фантазировать о них на все лады, англо-индийцы, с помощью миссионеров, только еще более запутали возможные сведения о тоддах и их вассалах курумбах. Их происхождение в доисторические времена, конечно, должно остаться в непроницаемом мраке. Все же можно было бы воспользоваться проблесками в исторической эпохе для лучшего с ними знакомства. Но в описаниях англичан о них ровно ничего нельзя ни понять, ни найти, кроме уже выше цитированных гипотез, которые одна невозможнее другой.

Отчаиваясь когда-либо выйти из этого лабиринта на свет Божий, мы стали расспрашивать туземных пандитов, пользующихся репутацией ходячих летописей и легенд. Пандиты нас отослали к одному аскету из баддаг. Этот неумывающийся анахорет оказался очень любезным и гостеприимным собеседником. За несколько мешков рису он рассказывал одному из наших туземных членов свои племенные легенды без перерыва три дня и три ночи. Все сказанное им собрано в этой главе. Нечего и говорить, что о приводимой далее легенде англо-индийцы никогда не слыхали.

Слово «баддага» канарезское и, как тамильское «вадуган», означает *северянин*, и теперь доказано, что все баддаги пришли с севера. Когда, лет 600 тому назад, они прибыли в «Голубые горы», то уже застали там тоддов и даже курумбов. Они вполне убеждены, что тодды там проживали целые десятилетия.

Карлики показывают, в свою очередь, что их праотцы закабалили себя на службу или в рабство праотцам тоддов еще в Ланке (Цейлоне) «за право существовать на земле», с тем условием, чтобы «их потомки были всегда на глазах у тоддов».

Иначе, замечают баддаги, «эти демоны очень скоро не оставили бы никого живым, кроме самих себя, на земле». Этого курумбы в минуты дьявольской злобы и не отвергают, а напротив, очень гордятся такою властью. В подобные минуты они скрежещут зубами и, в бессильной злобе на тоддов, готовы, как скорпион, ужалить себя и убить собственным же ядом. Генерал Морган, видевший их иногда в припадках бешенства, замечает, что в такие минуты он, позитивист, «боялся быть вынужденным *поверить против вали в черта*».

С другой стороны, баддаги также изъявляют претензию на древнее сожительство их племени с тоддами.

– Наши отцы служили им еще при царе Раме, – говорят они, – поэтому служим и мы.

– Но ведь тодды не верят в див (дев) ваших отцов? – однажды спросила я одного из них.

– Нет, они верят в их существование, – получила я в ответ, – но только не оказывают им никаких почестей, *потому что они сами дивы*.

Баддаги рассказывают, что когда бог Рама шел на Ланку, то кроме великой армии обезьян, многие народы южной и центральной Индии добивались сделаться союзниками великого «аватара». Между прочими были и канарцы, праотцы баддаг, от которых эти ведут свой род. Действительно, баддаги разделяют свое племя на восемнадцать каст, между коими есть очень высокорожденные брамины, как например, – «водеи», ветвь ныне царствующей в Майсуре фамилии. Англичане вполне убедились в основательности этой претензии. В древних хрониках майсурского дома до сего дня хранятся документы, которые доказывают: во-первых, что водеи одного с баддагами племени, то есть уроженцы Карнатика, а во-вторых, что аборигены этой страны принимали участие в великой священной войне царя Аудьи, Рамы, против ракшасов, великанов-демонов острова Ланки.

Эти-то вот самые, гордые своим древним и знатным происхождением, брамины и

поддерживают в баддагах чувство почти боготворения, только не к себе самим, как это делают брамины во всех остальных частях Индии, а к тоддам, которые отвергают их богов. Доискаться настоящей причины такого неестественного почитания – весьма трудно, и эта тайна продолжает разжигать любопытство англичан. Почти невозможно, зная законы браминов, разрешить ее. Действительно, эта гордая каста, не соглашающаяся ни за какие деньги работать для англичан, эти брамины, которые отказываются, видя в том унижение, перенести для себя же простой узел из дома в дом, они-то и есть между баддагами самые ревностные поклонники тоддов. На тоддов они работают не только безвозмездно, но и не откажутся от самой низкой по их понятиям работы, если только она совершается по желанию или скорее по приказанию добровольно выбранных властелинов. Они готовы служить им каменщиками, судомойками, столярами, даже *париями*! В то самое время, как эти высокомерные индусы держат себя со всеми другими народами, даже с англичанами, гордо, носят тройной священный шнурок браминов и имеют одни право священнодействий на церемониях посева и жатвы (хотя со страха часто уступают его курумбам), при первом появлении тоддов повергаются перед ними во прах... а между тем и сами они, баддагские брамины, не лишены замечательной силы в ее магических проявлениях.

Каждый год, например, на праздниках «последней в году жатвы» они обязаны представить вещественные и очевидные доказательства того, что они прямые потомки *посвященных, дважды рожденных, браминов*. Для этого они медленно ходят взад и вперед босыми ногами и без малейшего для себя вреда по широким полосам ярко горящих угольев или раскаленного до бела железа. Эта полоса проходит во всю длину фасада их храма, то есть ярдов на десять или двенадцать, и на ней они стоят и ходят как бы на паркете. Каждый баддага-водей обязан, ради чести касты, пройти по такой полосе по крайней мере семь раз...

Англичане уверяют, будто они обладают секретом какого-то растительного сока, от действия которого, если потереть им ноги или руки, кожа делается на время несгораемой. Но миссионер Метц клянется, что этого не может быть и что это чистое чародейство.

«Что могло впервые заставить эту гордую браминскую касту, – рассуждает капитан Гаркнесс, ^[56] – унизиться до боготворения племени, стоящего ниже их породой, цивилизацией и умственными способностями, это неразрешимая для меня загадка!.. Конечно, баддаги от природы робкого характера; к тому же они одичали в продолжение стольких веков уединения в горах, однако, эту тайну можно, пожалуй, разрешить тем, что они люди, полные суеверия, как все горцы Индии... Но все-таки подобная их черта чрезвычайно любопытна для психолога».

Без сомнения, так. Но быть может, первоначальная причина этого почитания еще более «любопытна», хотя ни англичанам, тем менее – скептикам, ее не отыскать. Начнем с того, что тодды ни сколько не ниже баддаг ни умом, ни породой, а напротив, несравненно выше. Затем – настоящую причину внушаемого ими баддагам почитания следует искать не в настоящем, но во времена самой глубокой древности, в таких периодах браминской истории, в которые наши современные ученые отказываются не только серьезно заглянуть, но даже и верить в них. Однако же, хотя оно и трудно, но далеко не невозможно. Из разбросанных отрывков легенд баддаг и их документов, из рассказов их браминов, падших со времен мусульманского вторжения, но все же с проблесками тайн их праотцев, браминов эпохи ришей и чудодейных адептов «белой магии», можно сшить нечто целое и последовательное. Следует только взяться за это дело умеючи, заручиться их доверием и не быть *англичанином* и «бара-саабом», которого баддаги часто страшатся пуще курумба. Муллу-курумба, с его злыми чарами и *глазом*, он еще может умиротворить подарками; а на британца он взирает как на своего заклятого врага и злодея. Поэтому баддаги, как и прочие брамины Индии, считают своим священным долгом оставлять англичанина возможно более долго в неведении истинных фактов касательно не только своего прошлого, но и настоящего, заменяя их как можно чаще вымыслами.

Одни нильгирийские баддаги сохранили воспоминания, хотя и слабые, этого прошлого. Тодды молчат и ни разу еще не проронили и полслова; быть может, кроме их старшин «священнодействующих», мало кто из них и знает о нем. Баддаги уверяют, что перед кончиною каждый тералли обязан передать все, что знает, одному из молодых кандидатов на должность.

Что же касается курумбов, то, хотя они и помнят легенду своего порабощения, но о тоддах, кроме этого, не знают ничего. А эруллары и хоты, настоящие животные, более, нежели полудикие люди.

Выходит, таким образом, что из всех нильгирийских пяти племен одни баддаги помнят и доставили доказательства о своем прошлом. Вследствие этого есть надежда, что сохранные ими о тоддах предания не совсем основаны на вымысле. Все их показания о себе касательно того, что они пришельцы с севера, потомки канарезских колонистов, которые пришли около десяти столетий тому назад из Карнатика, страны, ныне известной под названием Южного Майсура и составлявшей в глубокой древности (исторической) часть царства Конгу, оказались верными. Так почему же им бы и не сохранить лоскутков из далекого прошлого тоддов?

Начало странных отношений между этими тремя, совершенно различными расами остается, конечно, все еще неопределимым (официально) и до сего дня. Англичане уверяют, что отношения эти установились вследствие долгого сожительства в этих пустынных горах. Отрезанные от остального человечества, тодды, баддаги и курумбы выработали себе постепенно свой особый, полный суеверных идей мир. Но сами эти племена говорят совсем другое. И то, что они рассказывают, как нечто установившееся еще в глубокой древности и не без прямого отношения к древнейшим легендам и писаниям индусов, – чрезвычайно многозначительно.

Предание этих трех столь тесно связанных судьбой племен тем более интересно, что слушая и разбирая его, как бы читаешь вырванную страницу из «мифической» поэмы Индии «Рамаяны». Ориенталисты отвергают его ради собственных, еще более невероятных, умозаключений. Но тогда как их гипотезы доказательно лишены смысла, претензия тоддов и курумбов имеет все-таки еще возможность оказаться основанною на *исторических* фактах. Все зависит от будущего положения «Рамаяны» в истории.

Признаюсь, я никогда не могла понять причины, заставляющей историков делать такую разницу между двумя поэмами, почти одинакового характера. Конечно, нам скажут, что все сверхъестественное выбрасывается одинаково из «Илиады» и «Одиссеи», как и из «Рамаяны». Но почему же наши ученые, принимающие почти бесприкословно за *исторические* лица всех этих Ахиллесов, Гекторов, Улиссов да Елен с их Парисами, – почему, спрашивается, они отвергают как пустые мифы Раму, Лакшману, Ситту, Равану, Ханумана и даже царя Айюды? Или все поименованные лица не более как сказочные герои, или же – всем им следует воздать должное. Шлиман нашел в Троаде ощутительные доказательства существования Трои и ее действующих лиц. Нашлась бы и древняя Ланка и другие местности, помянутые в «Рамаяне», если бы только поискать их. А главное, не следовало бы отвергать с таким незаслуженным презрением и так огульно показания и легенды браминов и пандитов...

Тому, кто хоть раз читал «Рамаяну», не трудно убедиться в том, что отбросив неизбежные в эпической поэме такого религиозного характера аллегории и символы, все-таки найдем в ней неопровержимый и очевидный исторический грунт.

Сверхъестественный элемент в рассказе не исключает элемента исторического. Так и в «Рамаяне». Присутствие в ней великанов и демонов, говорящих обезьян и мудроречивых пернатых не дает нам еще права отвергать существование в глубокой древности ни одного из ее главных героев, ни даже самих «обезьян», этой великой несметной армии четвероруких, собравшихся «со всех четырех концов земного шара». Как знать, пока мы в том не удостоверимся бесповоротно, кого именно авторы Рамаяны имели в виду под этим

аллегорическим названием «обезьян» и «великанов»?^[57] В главе VI книги Бытия тоже говорится о сынах Божиих, которые, увидев дочерей земных и полюбив, женились на них, от какового смешения произошла на земле раса «великанов». Гордость Нимрода, вавилонское столпотворение и «смешение языков» имеют свою параллель в гордости и деяниях Раваны, в смешении народов во время войны в «Махабхарате», в бунте даитьев (великанов) против Браммы и т. д. Но главная суть в «великанах».

Что в Ветхом Завете выражено в нескольких стихах, что рассказано так подробно в книге Еноха, то самое касательно великанов раскрыто в «Рамаяне», в продолжение все этой громадной эпической поэмы. В ней под другими именами и в больших подробностях мы находим всех падших ангелов, упоминаемых в видениях Еноха. Наги, апсары, гандхарвы, ракшасы учат смертных всему тому, чему падшие ангелы Еноха учили дочерей человеческих. Самьяса, вождь сынов неба, призывающий своих двести воинов ко взаимной клятве союза на Ардисе (верхушка горы Армон) и затем поучающий род человеческий греховным таинствам колдовства, имеет своего двойника в царе нагов, или *богов-змиев*. Азазель, научая мужчин ковать оружие, а Мазарака – *знахарей* тайным силам разных трав и корней, делает то же, что ансары и азуры на реке Ришхабе, а гандривы «Хахá и Хуху́» – на вершине Гандхамаданы. Где предания того народа, в котором мы не находим богов, наставников людей, одаряющих их плодами познания добра и зла, демонов и великанов? Народный эпос есть лишь *пролог* в исторической драме каждого народа, имеющего свое законное место во всемирной истории; а поэтому и его эпические поэмы следует считать рассадниками последующих событий и самыми верными указаниями в этой истории. Семя дерева, искаженного, как в китайском садоводстве, искусственными прививками, которые превращают его в неестественное чудовищное растение, и семя того же дерева, выросшего на свободе, – одно и то же. Искусный ботаник узнает его под всякой внешностью. Таким точно образом долг каждого добросовестного историка докапываться до корней аллегорий такого глубоко философского рассказа, как например, «Рамаяна» Вальмики. Не останавливаясь перед ее внешнею, быть может неприятною западному реализму формой, он должен копать все глубже и глубже, до самых корней...

Этот упрек заслуживают многие ориенталисты, особенно германские. Казалось бы, прямая обязанность таких авторитетов (?) как например, профессор Бебер, беспристрастно заготавливать, очищая сырой материал для истории; а вместо этого, внося в работу сильнейший элемент лицеприятия и предвзятых идей и придвигая все ближе и ближе к нашему времени эпоху, когда были написаны «Махабхарата», «Рамаяна» и «Бхагавадгита», он только сбивает с толку будущих историков Индии,^[58] древняя история которой играет такую огромную роль во всемирной истории человечества.

В книге Еноха повествуется о «великанах» в 300 локтей роста, которые, «пожрав все удобосъедаемое на земле, принялись пожирать наконец самих людей». В «Рамаяне» повествуется о «ракшасах», очевидно о тех же великанах, о которых мы знаем из историй греческих и скандинавских народов и находим их даже в легендах Южной и Северной Америки. Титаны «сыны Бура», первобытные великаны и гиганты *Пополь-Вух*, *Икстликсохитля* – родные братья, первобытные расы человечества. Очищая зерно исторических фактов от плевел фантазии и вымысла в одном случае, не обязаны ли мы делать то же и в других, не следуя нашему личному предпочтению? Говорят; «Глас народа – глас Божий». Предание, находимое на всех пунктах земного шара, должно же иметь какое-нибудь себе основание. Пусть отвергают ориенталисты «великанов» как вымысел и сказки. Мы же находим *необходимость* их в самих законах природы.

Вся суть заключается в разрешении вопроса: могли ли быть и были ли когда действительно такие великаны на нашей земле? Думаем, что были; и наше мнение разделяется многими из самых ученых людей, Франсуа Ленорманом, например. Антропологи пока еще не одолели и

первой буквы азбуки, дающей ключ к тайне происхождения человека на земле. С одной стороны мы находим громадные скелеты людей, кольчуги и шлемы с голов настоящих великанов. С другой стороны мы не можем не видеть, как почти на наших глазах род человеческий с каждым годом мельчает и почти *вырождается*.

Нам кажется, что антропология никогда не обращала достаточного внимания на закон аналогии. Это тем более странно, что уже давно доказано, что природа действует всегда, во всем и всюду однообразно, и что ее законы в своих проявлениях постоянно представляют такую аналогию. Поэтому мы и смеем думать, что руководись наши ученые *построже* этим принципом (дающим в естествознании такие великолепные результаты и бывшим причиной стольких великих открытий), мы, быть может, имели бы возможность пополнить пробелы и в антропологии. Разве мы не видим, например, что со времен отдаленнейших геологических периодов в царствах растительном и животном, по мере приближения своего к четверичному периоду, *все* уменьшается, слабеет и вырождается; что гигантский папоротник каменноугольного периода превратился в зеленую травку наших лесов, а юрский плезиозавр обратился в ящерицу? Почему же, основываясь на этом, вполне логичном принципе аналогии в природе, нам нельзя верить, что, следуя в этом однородным законам, случилось то же и с человеком, то есть, что из первобытных великанов, с которыми нас знакомят *откровения* всех народов, мы сделались слабосильными, золотушными карликами нашего века? Кто из современных гвардейских силачей способен идти на врага, одетый в любой панцирь, шлем и доспехи, даже недавних средневековых рыцарей? А кто из рыцарей-крестоносцев был в десять футов роста – средняя величина найденных недавно в Америке человеческих скелетов?

Тодды говорят, – а говорят они вообще нехотя и очень мало, – о *кернах* на Холме: «Мы не знаем, чьи это могилы; мы их нашли уже здесь. Но они легко вместили бы полдюжины таких, как мы, а наши отцы были вдвое больше нас». Вследствие этого и многого другого, мы верим, что рассказываемая ими легенда не есть простой вымысел уже потому одному, что тодды не могли бы *ее* выдумать. Они не имеют никакого понятия ни о браминах и их религии, ни о ведах или других священных книгах индусов. А хотя при европейцах они молчат об этой легенде, но зато баддагам, по их уверению, то есть, отцам нынешних баддагов, *ее* рассказывали так, как теперь баддага-анакхорет передал *ее*.

Во всяком случае, она очевидно взята из «Рамаяны». К тому же, не одни тодды сохранили *ее* в памяти. Это предание есть общее достояние, наследственная собственность не только тоддов, но и баддагов и курумбов, как уже сказано.

Для уяснения дела даем вкратце, вместе с преданием, как его рассказывал «старик» на Нильгири, выписки из «Рамаяны» и настоящие имена, которые тодды дают в искаженном, хотя и легко признаваемом виде. В этом предании ясно одно: дело идет о Гаване, царе Ланки, то есть о монархе так называемых *ракшасов*, народе, очевидно, богатырского сложения, злом и порочном; о брате Раваны Вибхешане и его четырех министрах, о которых в «Рамаяне» этот принц выражается, представляясь Раме «Дасаратиду, сыну царя айодского и аватару бога Вишну» так:

«Я позже рожденный брат Раваны *десятиголового*. Я был оскорблен им за то, что давал ему добрый совет отдать тебе лотосооку Ситу, твою супругу... С моими четырьмя товарищами, людьми силы безмерной, коих имена: Анала, Хара, Сампати и Прагхаша, я покинул Ланку, мои богатства, друзей, я пришел к тебе, величие сердца коего не отвергает ни одного создания. Я желаю быть обязанным одному тебе за все... Я предлагаю себя тебе в союзники, о, герой превеликой мудрости, и поведу твои храбрые армии на покорение Ланки и на смерть злых *ракшасов*»...

А теперь сравним эту цитату с преданием тоддов.
Вот что они говорят:

«Это было в те времена, когда царь востока, без людей-обезьян (очевидно армий Сугривы и Ханумана), шел убивать Равану, великого, но злого демона, царя Ланки. Его народ состоял весь из демонов (ракшасов), великанов и могучих чародеев. Тодды были в своем двадцать третьем поколении в то время на Ланке.^[59] Ланка – земля, окруженная всюду водой. Царь Равана был сердцем *курумба* (то есть злой колдун); он сделал большую часть своих подданных ракшасов *злыми* демонами. У Раваны было два брата: Кумба – великан из великанов, который, проспав сотни лет, был убит Царем Востока, и Вибья – добрый и любимый всеми ракшас».

Разве не очевидно, что Кумба и Вибья тоддского предания суть Кумбхакарна и Вибхешана «Рамаяны»? Кумбхакарна, проклятый Брамой и уснувший под этим проклятием до самого падения Ланки великан, когда его убил Рама, после ожесточенного поединка магической стрелой Браммы, «стрелой непобедимую, богов устрашающую», на которую взирал сам Индра, как на *скипетр* Смерти.

«Вибья, – говорят тодды, – добрый ракшас, вынужденный отказаться от Раваны вследствие его преступления против Востока (Рамы^[60]), у которого он украл жену, Вибья перешел с четырьмя верными слугами за море и помог ему отнять царицу его, за что Царь Востока поставил Вибью царем на Ланкой».

Это слово в слово история Вибьешаны, союзника Рамы и его четырех министров, ракшасов. Далее тодды рассказывают, что эта слуги были четыре *тералли*, анахореты и *добрые* демоны. Они отказались драться с братьями-демонами, даже злыми. Поэтому по окончании войны, во все продолжение которой они занимались заклинаниями за успех оружия Вибьи, они отпросились у него на покой. Забрав с собой семь других анахоретов и сто человек ракшасов-мирян с их детьми и женами, они удалились навеки из Ланки. Желая вознаградить их, Царь Востока сотворил на бесплодной плоскости «Голубые горы», подарил их ракшасам и их потомкам на вечное владение. Тогда семь добрых анахоретов, желая проводить жизнь, *кормя тоддуваров* и делая безвредными чары злых демонов, превратились в буйволов, четыре слуги Вибьи остались под видом людей и живут невидимые для всех, кроме *посвященных* тераллей в лесах Нильгири и в священных тайниках «тирири». Заняв Нильгири, чародеи-буйволы, анахореты-демоны и старшины тоддуваров-мирян составили законы, определили число будущих тоддов и буйволов, священных, как и *светских*. Затем они отправили одного из братьев обратно в Ланку с тем, чтобы пригласить еще несколько добрых демонов с семействами. Там они нашли своего господина, царя Вибью, уже на престоле брата, убитого Раваны.

Такова легенда тоддов. Что «Царь Востока» – Рама, в этом, хотя тодды сами так и не называют его, не может быть и сомнения. У Рамы, как это известно, сотни названий. В «Рамаяне» его зовут «Царем Четырех Морей», «Царем Востока», «Царем Запада, Юга, Севера», как и «сыном Рагу», «Дасаратидом», «Тигром царей» и пр. Для жителей Ланки или Цейлона он, конечно, был бы «Царем Севера». Но если тодды, как мы думаем, пришельцы с запада, то это название «Царя Востока», или Индии, становится понятным.

Но вернемся к легенде и посмотрим, что она может нам сказать о муллу-курумбах. Какое отношение имели в древности к тоддам карлики-колдуны и какая судьба привела их на «Голубые горы» под строгий надзор тоддов, это мы узнаем из продолжения рассказа о

посланном в Ланку «демоне».

Когда он прибыл на свою завоеванную, побитую родину, он нашел все изменившимся со дня их ухода с острова. Новый царь Ланки, преданный друг и союзник царя Рамы «Лотосоокого», старался в то время всеми силами искоренить в стране злое колдовство ракшасов, заменяя его благодетельною наукой магов-анахоретов. Но дар Брахмавидьи «получается лишь вследствие личных качеств, чистоты нравов, любви ко всему живому, то есть как к людям, так и к немой твари и, наконец, посредством сообщения с невидимыми добрыми чародеями, которые, покинув землю, живут в стране под облаками, где садится солнце». [61] Вибья сумел смягчить сердце старых ракшасов, и они раскаялись. Но в Ланке зародилось новое зло. Большая часть воинов из армии Востока, воины-обезьяны, воины-медведи и воины-тигры с радости, что покорили царицу Морей и ее жителей-демонов, крепко перепились, так крепко, что не могли отрезвиться в продолжение многих лет. В этом туманном состоянии они взяли себе в жены *Ракшази*, демонов женского пола. От такого неравного брака родились на свет карлики, злейшие и глупейшие в целом мире существа. То были праотцы настоящих нильгирийских муллу-курумбов. Они соединяли в себе все дары темной науки колдовства их матерей с хитростью, жестокостью и тупостью отцов, то есть обезьян, тигров и медведей. Царь Вибья решил их было разом умертвить и уже собирался привести задуманное в исполнение, когда главный чародей, оставивший на время свою буйволю наружность, испросил им у царя помилование, обещая их увести с собою за море, на «Голубые горы». Словом, он спас карликам жизнь, под условием, что они и их потомки будут вечно служить тоддам, признавая в них своих властелинов и повелителей, имеющих над ними права жизни и смерти.

Избавив таким образом Ланку от страшного зла, чародей, сопровождаемый сотней добрых ракшасов из *чужеземного племени*, отправился домой на «Голубые горы». Оставив неисправимых и злейших из маленьких демонов-карликов на умерщвление царю Вибье, он выбрал три сотни из менее злых этого нового племени и, завернув их в полу своего плаща, перенес их в Нильгири.

С тех пор курумбы, выбрав жилищем самые непроходимые *джунгли* гор, стали плодиться, пока не сделались целым племенем, ныне известным под названием муллу-курумбов. Пока они были с тоддами и буйволами в то время единственными обитателями «Голубых гор», их злые наклонности и врожденный дар колдовства не могли делать вреда никому, кроме таких же злых зверей, которых они очаровывали и затем пожирали. Но вот поколений пятнадцать тому назад пришли баддаги, и между ними и карликами началась вражда. Отцы баддагов, то есть древние народы из Малабара и Карнатика, стали тоже служить после войны «добрым» великанам Ланки. Поэтому, когда колонии этих северян вследствие ссоры с браминами Индии и их притеснений, появились на «Голубых горах», тодды, как повелевали им честь и буйволы, взяли баддаг под свое покровительство, и те стали служить им, как их праотцы служили их отцам в Ланке...

Такова легенда этих народцев на «Голубых горах». Мы ее собрали, так сказать, по кусочкам и с величайшими затруднениями. Кто же из читавших «Рамаяну» не признает в этом предании событий из нее? Но каким образом могли баддаги, тем менее – тодды, сочинить ее? Их брамины – одна тень браминов прежних времен и не имеют ничего общего с этою кастой в долинах. Не зная санскритского языка, они «Рамаяны» не читали, а некоторые, вероятно, и не слышали о ней.

Затем, вероятно, нам скажут, что как «Махабхарата», так и «Рамаяна», если и основаны на смутных воспоминаниях давно минувших событий, то, во всяком случае, элемент фантастический так преобладает в них над историческим, что невозможно признать за достоверное ни одно из описываемых в этих эпосах событий? Это опять та же старая история торжества железного над глиняным горшком. Это говорят те, кто утверждает, что до времен Панини, величайшего во всем мире грамматика, в Индии не имели понятия о письменах, и что

сам Панини не умел писать и никогда не слыхивал про письмена, даже, наконец, что «Бхагавадгита» и «Рамаяна» написаны, вероятно, по Р. Х. и т. д.^[62]

Неужели же никогда не взойдет заря того дня, когда арийские индусы, этот теперь политически глубоко павший, но все же великий своим прошлым и замечательными добродетелями народ и священная литература браминов получают столь заслуженное ими место в истории? Когда же лицеприятие и несправедливость, основанные на племенной гордости, дадут место полному беспристрастию, а ориенталисты перестанут, наконец, представлять читающей публике праотцев браминов суеверными невеждами, а их самих лгунами и хвастунами? Возможно ли поверить, чтобы эта, по своей громадности единственная в мире литература, обнимающая все известные и (это заключение всех, кто изучал ее философию беспристрастно) неизвестные, давно утраченные познания и науки, была вся основана на вымысле и пустых метафизических бреднях?...

Но ориенталисты пусть верят по-своему. Мы же, изучающие эту литературу с браминами, не останавливаемся на мертвой букве ее. Мы знаем, что «Рамаяна» не есть волшебная сказка, как ее представляют в Европе: что она имеет двоякий смысл – религиозный и чисто исторический, и что, наконец, одни посвященные брамины способны верно истолковать ее запутанные аллегии. Тому, кто читает священные книги Востока с ключом к их тайным символам в руках, становится ясным следующее:

1. Космогония всех главных древних религий одна и та же. Они разнятся одна от другой только своею внешней формой. Исходят же все эти, по-видимому, противоположные учения из одного источника, всемирной истины, которая всегда являлась под видом откровения всем первобытным расам. Позднее, и по мере того, как человечество крепчало органами мышления в ущерб духовному умозрению, первобытные взгляды менялись и, развиваясь, пускали ростки по тому или другому направлению. Все это происходило вследствие климатических, бытовых и других условий. Как дерево, ветви которого, разрастаясь под переменчивым ветром во все стороны, принимая самые неправильные, безобразные, изогнутые формы, все же выросли из одного родного ствола, так и в вопросе разных религий: все они пустили ростки из одного семени ИСТИНЫ. И это понятно. Истина одна. Как ни бесчисленны в своем разнохарактерном разнообразии представления о ней в людском воображении, ибо нет ему преграды, это нисколько не мешает им быть основанными на ней, опираться на ее краеугольном камне! Так белый луч света, разлагаясь сквозь призму на многие цвета, переливается и постоянно переходит из одного цвета в другой, чтобы затем потонуть и исчезнуть в первобытном едином луче. Для грубого материализма нашего века вселенная представляется только комбинацией тысячи разных элементов.

2. Истории всех этих религий основаны не только на геологических, антропологических и этнографических фактах тех далеко доисторических периодов, но и переданы в своей аллегорической форме весьма верно. Все эти «сказки» чисто исторические были и факты. Но разоблачить их без помощи вышесказанного ключа, отыскать который возможно лишь в *Гупта-Видье* или «тайной науке» древних арийцев, халдеев и египтян, дело совершенно немыслимое. Невзирая на такое затруднение, многие из нас совершенно убеждены, что когда-нибудь, в далеком ли, близком ли будущем, а должны же будут события, описанные в «Махабхарате», в силу последующих открытий в науке, перейти в действительность и сделаться историческими событиями в глазах всех народов. Сбросится маска аллегии и явятся живые люди: события прошлого разъяснят все загадки, сгладят затруднения современного знания.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что прочтя вышесказанное, если такая честь когда-нибудь предстоит нашему рассказу, всякий ориенталист и псевдо-ориенталист тем более пожмет плечами и рассмеется. Но это ничего не докажет, менее всего то, что прав он, а что мы

ошибаемся. Наши ученые, следующие, конечно, лишь индуктивному методу, перенесли его из области естествознания, в которой он приносит пользу, во все другие отрасли науки, даже в такие, где этот метод недостаточен, как например, в биологии, даже в психологии. Порицая древний метод Платона, идущий от общего к частному, они называют его антинаучным, забывая, что в единственной положительной и *непогрешимой* науке, известной миру, то есть в математике, этот метод один только и возможен. Беконовские правила индукции, заимствованные, впрочем, почтенным философом-канцлером всецело от Аристотеля безо всяких кавычек, одни в чести у них, и наши ориенталисты наивно воображают, что, применяя этот научный метод к фактам истории и даже религии, он когда-нибудь доведет их до чего-либо, кроме их обыкновенных, редко выдерживающих критику, гипотез.

Такие ученые без сомнения не обратят никакого внимания на наши исследования по части истории браминов вообще и этнологии – в частности. Тем хуже... для них. «Воздержись в сомнении» – золотое правило всемирной премудрости написано не для них. Они воздерживаются лишь от того, что может затруднить их собственные, заранее принятые выводы. Мы добиваемся признания и помощи не от этого класса и громко заявляем право смеяться над усилиями применить индуктивный метод к наукам, которые по своей отвлеченности никогда ему не поддадутся. К чему может, в самом деле, этот метод привести санскритологов и ориенталистов, пока они станут отвергать истолкования браминских древних книг самими браминами? Разве только к таким очевидным и грубым ошибкам, в какие впали ученые этнологи относительно тоддов. Не имея никаких данных, на которые могли бы опереться в своих изысканиях, кроме событий, находимых ими в так называемой *Всемирной Истории*, этнологи эти не находят ничего другого, что могли бы применить к этому совершенно своеобразному племени. Они забывают иногда очень кстати, что эта история, хотя она и величается «всемирною», все-таки составлена сама и почти всецело из далеко еще не доказанных гипотез, и к тому же составлена ими самими, то есть одними западными учеными, а кто же не знает, что наши европейские историки и этнологи еще полвека назад ничего не знали ни о браминах, ни об их громадной литературе? Несмотря на этот известный пробел во «Всемирной Истории», легенды и священные книги браминов отбрасываются, как всем известно, а факты, взятые из них, ломаются, и обезображенные, втискиваются в тесную рамку прежде сделанных умозаключений. Разве не давно объявлено одним из их великих авторитетов, что, по его мнению, факты в том виде, в каком они находятся в книгах браминов, – «вымыслы суеверного невежественного народа?» (см. “Histoire de la Litterature sanscrite”, par Weber).

Оно и понятно. Факты западных ориенталистов расходятся почти во всем с *фактами* браминов. Всем нет места во «Всемирной Истории», и те или другие должны уступить. А кому же уступать, как не ученым пандитам, обязанным изучать собственную историю сквозь цветные очки гг. англо-саксонских санскритологов? Вот почему эпоха сочинения «Махабхараты» подводится чуть ли не ко времени мусульманского вторжения; а «Рамаяна» и «Бхагавадгита» оказываются современницами римско-католической *Золотой Легенды*.

Будь по сему. Мы же в ожидании будущего прозрения гг. ориенталистов и этнологов полагаем пока, что из наших трех нильгийских рас, две – неоспоримо останки если не первобытных рас, то доисторических, о которых наша «Всемирная История» никогда и во сне не слыхивала.

О тоддах вообще, а о муллу-курумбах и баддагах – в частности. – Вырванная страничка из деяний доктора Шарко. – Факты – опасный и нелегко побеждаемый враг. – Альфред Россепь-Уоллес.

Сколько мы успели дознаться, тодды не имеют представления о божестве и даже отвергают дэв (див), коим поклоняются их соседи баддаги. Поэтому, когда ничего подобного тому, что мы привыкли называть религией, не существует у этого странного племени, то говорить о его религии довольно трудно. Применять к ним в нашем случае пример буддистов, которые также не признают идеи о Боге, немыслимо: у буддистов есть, во всяком случае, весьма сложная философия, тогда как у тоддов, если какая и имеется, то о ней никто ничего не знает.

Так откуда же у них явились такие высокие понятия о нравственности, редкое и почти неизвестное у других более цивилизованных народов, строгое применение в жизненной практике всех отвлеченных добродетелей, каковы, например, любовь к правде, к справедливости, уважение права собственности и соблюдение раз данного слова? Неужели же мы должны отнестись серьезно к гипотезе одного миссионера-унитарианца, что тодды – допотопный остаток семейства Еноха, «безгрешных смертных»? Тодды, сколько мы успели открыть, имеют самые странные понятия и о загробном существовании. На вопрос, что ждет тодда, когда его тело превратится на костре в пепел, один из *тералли* отвечал:

– Его тело вырастет травой на этих горах и будет кормить буйволов. А любовь к детям и брату превратится в огонь, вознесется на солнце и будет вечно гореть в нем пламенем, грея буйволов и других тоддов.

Приглашенный объяснить яснее, он добавил:

– Огонь этого, – указывая на солнце, – весь состоит из огней любви.

– Но разве там горит любовь единственно только одних тоддов? – заметил его собеседник.

– Да, – ответил *тералли*, – одних тоддов, потому что всякий добрый человек, белый или черный, есть тодд; а злые не любят, поэтому там их не может быть.

И материализм, и трансцендентальный мистицизм розенкрейцеров, кусочек, вырванных из миросозерцания древних египетских иерофантов... *Où la philosophie va-t-elle se nicher!..*

Раз в год, весной, в продолжение трех дней один клан тоддов за другим совершают рад паломничеств и восходят на Тоддабетский пик, где теперь лежат развалины храма Истины. В этом святилище они совершают нечто вроде публичного покаяния и взаимной исповеди. Там держат совет и признаются друг другу в грехах, вольных и невольных. Говорят, будто в первые годы прихода англичан там приносились жертвы за *сокрытие истины* (прямая ложь им неизвестна) – согрешивший отдавал буйволенка; за чувство гнева на брата – целого буйвола, который иногда окроплялся кровью из левой руки кающегося тодды.^[63]

Все эти обряды и лоскутки видимо скрываемой ими философии, если нечто подобное у них существует, заставляют людей, сведущих в древней халдейской, египетской и даже средневековой магии, подозревать их в обладании если не полною системой, то частью так называемых тайных наук, или *окультизма*. Одна эта система, которую разделяют с незапамятных времен на белую и черную магию, способна дать логическое объяснение такого завидного чувства уважения к истине и нравственности почти в первобытном полудиком племени без религии, как и безо всякого примера чего-либо подобного в других известных ему народах и племенах. По нашему мнению – а оно перешло теперь в полное, непоколебимое убеждение, – тодды – последователи вырожденные и, быть может, полубессознательные древней

науки белой магии, а муллу-курумбы – отвратительные последователи черной магии, или колдовства. Вот доказательства этому.

Легко привести свидетельство целого ряда известных в истории и литературе людей, от Пифагора и Платона до Парацельса и Элифаса Леви, которые, посвятив себя исключительно изучению этой древней науки, учат, что белая, или божественная, магия не может быть доступна тем, кто отдается или даже склонен к пороку, под каким бы видом он ни проявлялся. Правдивость, чистота нравов, отсутствие эгоизма и любовь к ближнему – вот первые необходимые качества мага. Одни чистые душой «видят Бога», – говорит аксиома розенкрейцеров. Вместе с тем магия никогда не была чем-либо сверхъестественным.

Этот наукой тодды обладают вполне. К их *тералли* приносят больных, и они их вылечивают. Часто они даже не скрывают своего способа врачевания. Больного кладут спиной вверх *на солнце* и оставляют так на несколько часов, в течение коих тодд-целитель водит по больному руками, чертит разные непонятные фигуры своею палочкой по разным частям тела, особенно на больном месте, и дует на него. Потом берет чашку молока, читает заговоры над ней, то есть проходит совершенно через те же церемонии и обряды, как и наши знахари и знахарки, дует на нее и затем поит молоком своего пациента. Почти нет примера, чтобы тодд, раз согласившись лечить, не вылечил больного. А соглашаются они редко. До пьяницы и развратного человека они ни за что не дотронутся. «Мы лечим *любовью*, которая льется из солнца, – говорят они, – а на такого злого человека она не подействует».

Дабы распознать дурного или, как они говорят, *злого* от доброго человека среди принесенных больных, их кладут перед буйволом-вожаком: если больного следует лечить, то буйвол станет его обнюхивать; если же тот не годится, то буйвол приходит в ярость, и больного скорее уносят...

Другое доказательство: маги, как и их последователи теургисты, строго восставали против вызывания душ умерших. «Не тревожь и не вызывай ее (душу), дабы уходя она не унесла с собой чего земного», – говорит Пселл в «Халдейских оракулах». Тодды верят во что-то переживающее тело, потому что, по сознанию баддагов, запрещают им иметь дело с *бхутами* (привидениями) и велют избегать их, как и курумбов, которые слывут великими некромантами.

Справедливо профессор Молитор^[64] (в своей «Философии истории и преданий») замечает, что «только добросовестное изучение преданий всех народов и племен может привести современную науку к должной оценке древних наук». В эти науки и тайны, – говорит он, – входила и древняя магия, которую изучал сам пророк Даниил и которая была двоякая: *божественная* магия и *зловредная* магия, или колдовство. Посредством первой человек ищет войти в сношение с миром духовным и невидимым; изучая второй род магии, он старается получить власть над живыми и мертвыми. Адепт *белой* магии стремится к совершению благотворных – добрых деяний; адепт *черной* науки – старается лишь о том, чтобы совершать невозможные дьявольские, зверские поступки...»

Тут почтенный епископ очень ясно проводит разницу между тоддами и курумбами. Как и между оккультистами всех веков и современными медиумами, которые, когда они не шарлатаны и обманщики, делаются бессознательными некромантами и колдунами.

Отбросив в сторону, в угождение материалистам, *гипотезу* о белой и черной магии, чем и как объяснить те тысячи неуловимых в своей отвлеченности, но совершенно ясных и неопровержимых на деле действий и обоюдных сношений между тоддами и муллу-курумбами, – спросим, почему, например, тодды производят свои исцеления днем и на солнце, а муллу-курумбы свои вредные заклинания только при луне и ночью? Почему одни вылечивают, а другие убивают и насылают болезни? Почему, наконец, курумб так страшно боится тодда, что при виде одного из этих людей, которые не тронут и не сделают вреда даже укусившей их собаке (если бы

какое-либо животное или зверь мог укусить тодда), этот отвратительный карлик, собирая свои зелья, падает наземь, словно в падучей болезни? Это заметила не я одна, а многие, неверующие ни в черную, ни в белую магию, скептики. Об этом писали многие авторы. Вот что говорит, между прочим, миссионер Метц:

«Между тоддами и курумбами существует какая-то враждебная сила, заставляющая курумбов повиноваться против воли тоддам. Встречаясь с ними, карлик падает на землю в припадке, похожем на эпилепсию. Он извивается на земле, как червь, дрожит от ужаса и выказывает все признаки скорее нравственного нежели физического страха... Чем бы он ни был занят в то время, как к нему приближается тодд, – а курумб редко когда бывает занят чем-либо хорошим, – достаточно, чтобы тодд не только дотронулся, но даже помахал в его сторону своим бамбуковым жезлом (bamboorod), чтобы заставить муллу-курумба...^[65] бежать без оглядки. Но чаще всего он спотыкается и тут же падает, иногда замертво, пребывая до удаления тодды в мертвенном трансе (dead trance), чему я был неоднократно свидетелем».^[66]

Эванс в своем дневнике, «Ветеринарный врач на Нильгири», говоря о том же самом, доканчивает начатую Метцем картину и добавляет: «...Очнувшись от припадка (?), курумб начал ползти на животе, как змея, и есть, срывая зубами выбираемые им на земле травы, а затем тереть и собственное лицо о землю, процесс, который мало способствовал увеличению его природной прелести. Крепко пропитанная железом и охрой земля смывается весьма трудно с тела. Вследствие этого, когда мой новый знакомый (курумб, желавший его обокрасть) встал на ноги, пошатываясь, словно пьяный, после нежеланной встречи, то он и явился перед нами, как клоун в цирке, весь испещренный желто-красными, кровавыми полосами и пятнами...»

Вот еще факт. Как уже сказано, у тоддов нет ни оружия, чтобы защищаться против зверей, ни даже собаки, чтобы давать знать о приближающейся опасности. Несмотря на это, вы не найдете в воспоминаниях самых старых из старожилов Утти ни одного случая убийства или даже поранения тодды тигром или слоном. Зарезанный дикими зверями буйволенок – о буйволе нет и речи – из стада тоддов есть величайшая редкость; унесенный тигром ребенок их или женщина – неслыханное дело. А это, прошу заметить, происходит в местах, где еще и теперь, в 1883 году, когда «Голубые горы» усеяны жилищами, заселены народом, редко проходит неделя без несчастного случая с людьми, а одна треть табунов и стад наперед считается пропавшею от диких зверей. Кули, пастухи, дети туземцев, да и отцы их более или менее подвержены лютой смерти от кровожадного тигра или блуждающего, взбесившегося дикого слона. Один тодд способен сидеть целые дни у опушки леса и спокойно дремать, равнодушный и уверенный в своей полной безопасности.

Так как же нам объяснить этот, всем известный, всеми замеченный факт? Случайностью, как у нас объясняется все необъяснимое? Странная случайность, однако; такие совпадения совершаются на глазах у англичан вот уже более шестидесяти лет; и во всяком случае, если их трудно проверить, а еще менее доказать до прихода европейцев, то они теперь проверены вполне. Даже присяжные статистики приняли во внимание и записали этот факт, хотя и тут дело не обошлось без *наивности*.

«Тодды *почти* (?) никогда не подвергаются нападению зверей, – читаем мы в «Заметках статистических таблиц» за 1881 год, – вероятно, вследствие какого-нибудь присущего им одним *специфического запаха, отталкивающего зверя!*» Боже, какая наивность!..

Эта «вероятность» *специфического запаха* достойна быть напечатанною золотыми буквами!.. Но даже такая *специфическая* глупость приятнее присяжным скептикам, нежели

колющий им глаза неопровержимый *факт*.

В этой неопровержимости, перед которой европеец закрывает, как страус, глаза и, пряча голову, льстит себя надеждой, что ее не увидят другие, и лежит разгадка глубокого благоговения, с одной стороны, и страха, с другой, возбуждаемых тоддами почти во всех прочих племенах этих гор. Баддаги их боготворят, а муллу-курумбы дрожат перед ними. Если при встрече лицом к лицу со спокойно идущим тоддом, в руке которого одна безвредная и невинная на вид тросточка – страх повергает курумба на землю, то чувство благоговейной любви и преданности заставляет баддаг делать то же самое – только добровольно. Баддаг, завидя тодда еще издали, простирается перед ним не землю и молча ждет привета и благословения; и баддаг совершенно счастлив, если его *див*, слегка дотронувшись босою ногой до головы своего поклонника, начертит по воздуху одному ему понятный знак и затем спокойно удалится «с лицом гордым и беспристрастным, как у греческого бога», по выражению капитана О'Греди.

Но как же смотрят на это фанатическое чувство благоговения баддагов к тоддам англичане и как они объясняют его? Совершенно естественно и просто. Они отвергают, как глупую сказку, предания баддагов о том, как и почему такие отношения зародились в их праотцах, и объясняют эту легенду по-своему. Так, полковник Маршалл пишет в своем сочинении:

«Это чувство тем более странно, что по статистике баддагов оказалось с самого начала в одиннадцать раз более, нежели тоддов. Эта пропорция десяти тысяч к семи сотням. Но никто и ничто не разубедит суеверного баддага в том, что тодд есть сверхъестественное существо. Тодды – великаны в физическом отношении, а баддаги – не очень большого роста, хотя чрезвычайно мускулистые и сильные люди. Вот и весь секрет».

Далеко не весь. Почему, например, ни хоты (кхоты), ни эруллары – оба племени чрезвычайно малого роста и очень слабого сложения в сравнении с баддагами – хотя и уважают тоддов и всегда с ними в сношениях и дружбе, но не выказывают, однако, никакого подобострастного чувства? Чтобы проникнуть в загадку, следует знать историю баддагов и верить им, если не безусловно, то и не отвергая их добровольного показания. Вся суть, по-нашему, в том, что баддаги – *брамины*, хотя и очень полинялые и выродившиеся, а эруллары и хоты – просто *парии*. Как браминам домусульманских времен в Индии, баддагам известно многое, что для других является мертвою буквой. Что именно, это объяснится в следующей главе; а пока поговорим немного о баддагах и их религии. Как и все прочее на «Голубых горах», она отличается оригинальностью и неожиданностью.

На голой высоте Рангасуамийского пика стоит их единственный покинутый храм. Их религия вся состоит из обрядностей, смысл которых они давно утратили. Этот пик – их Мекка, куда они отправляются раза два-три в год читать заклинания против большей части браминских же богов. Во мнении полковника Охторлея, главноуправляющего горами, баддаги – одна из самых робких и суеверных рас Индии... «Они живут в непрерывном страхе злых духов, которые витают вокруг них постоянно в их воображении, и в таком же бесконечном ужасе при одной мысли о курумбах. Ужас, внушаемый карликам тоддами, они внушают в свою очередь баддагам».

Послушаем, что говорит в своем ученом сочинении опытный полковник о *суеверии* бедных баддагов.

«Людская ли болезнь, мор ли скота, каждая, словом, неприятность или случайность в их семействах, особенно разоряющих их неурожай, тотчас

приписываются баддагами чарам злых колдунов курумбов; и они бегут искать помощи в противодействующих заклинаниях *доброго* тодда... До такой степени вкоренилось во всех племенах Нильгири это глупое суеверие, что нам уже приходилось очень часто судить баддагов за повальное избиение целых семейств курумбов, как и за сожжение их деревушек. В таких случаях нет ничего труднее, как добывать против баддагов показания других племен. Как скоро жертвою оказывается курумб, а преступником – баддаг, почти невозможно развязать язык свидетеля. Убийцу всегда приходится вешать с величайшими предосторожностями, дабы напрасно не возбуждать народа. Негодование и удивление нильгирийских племен, как и баддагов, еще понятно. Внушаемые им религией принципы учат их, что единственное средство укротить гнев их богов, гнев, возбужденный смертоносными чарами против людей, скота или посева курумбами и другими заподозреваемыми суеверием колдунами, состоит в том, чтобы принести виновного в жертву богу «мщения». Но как понять или объяснить страх перед тоддами других туземцев Индии, уроженцев долин, страх, внушаемый им суеверным поклонением».

«Баддаги вместе с этим нередко прибегают и сами к помощи и содействию курумбов, особенно, когда дело идет о каком-нибудь нечестивом или незаконном приобретении. Тогда они обращаются посредством карликов к *воображаемым* и подвластным карликам злым духам...» («Statistical Records of Nilgherry»).

Так пишет главноуправляющий, и пишет верно, хотя и не входит в подробности, в которые (старается не верить. В одном, впрочем, даже англичанам пришлось убедиться: в таких «нечистых» делах никогда еще не был замешан ни один тодд. Помощь, которую баддаги нередко ищут и всегда находят у курумбов, они не могли бы надеяться получить от рыцарски-честных тоддов, и в этих случаях они всегда подкупают колдунов...

Такие, совершенно ненормальные и находящиеся в полном антагонизме одно с другим чувства баддагов и курумбов чрезвычайно интересны с психической точки зрения. Баддаги ненавидят курумба, они трепещут перед ним в ужасе и, несмотря на это, постоянно нуждаются в нем. Алчность и любовь к наживе преодолевают в них и врожденный страх, и запрещения тоддов употреблять колдунов на темные дела. Ни один посев, никакое дело у баддагов не обходится без помощи «черного заклинателя», как они называют это отвратительное существо, именуемое муллу-курумбом...

«Весною, во время посева, ни одна работа не начинается прежде, нежели курумб не *освятит* ее приношением на поле козленка или петуха (*всегда черных*), или пока он не бросит первой горсти семян и не произнесет известных заклинаний. Дабы получить хороший урожай, баддаги обращаются к курумбу, чтобы тот провел первый бороною, а во время жатвы скосил бы или сорвал первый сноп или плод».^[67]

Далее в виде ученого объяснения, автор старается показать причину такого замечательного суеверия. На страницах 65 и 66 мы читаем следующее:

«Курумб смешно (*ridiculously*) мал ростом. Его чахлая мертвенная наружность с целым лесом нечесаных и связанных в огромный пучок или узел на макушке волос; его вообще омерзение внушающая фигурка *вполне объясняют глупый* перед ними *страх робкого баддага*. Встретясь с ними нечаянно на дороге, баддаг бежит от него, как от

дикого зверя.^[68] И если он не успел уйти вовремя от так называемого «змеиного взгляда» (viper's glance) колдуна, то баддаг тотчас же возвращается домой и с беспомощностью осужденной наверняка жертвы предается, по его мнению, *неизбежной* участи. Он совершает над собой все предписанные *Шастрами* обряды и предсмертные церемонии; разделяет, если владеет каким-либо имуществом, свои вещи, деньги, поля между родными; ложится и готовится к смерти, которая (нелепо даже подумать об этом) наступает *между третьим и тринадцатым* днем после встречи! *Такова сила суеверного воображения*», – объясняет наивно автор, – «*что она почти неизбежно убивает в назначенное время глупого бедняка...* Упоминаю также о сильно укоренившемся в народе таком же суеверии насчет тоддов. Эти, по их понятиям, обладают еще более замечательною силою по части магии: только тодды считаются честными, *добрыми* колдунами (*джадду*). Между этими двумя племенами баддагам приходится так же плохо, как ослу в стойле между двух коней. Они должны платить дань тоддам в знак своего к ним уважения, а вместе с тем и курумбу, чтобы тот не испортил посева. Впрочем курумбы, насколько правительство успело исследовать их внутренний быт, живя столько столетий в лесах, успели приобрести значительные познания в свойствах разных трав и корней. Они вылечивают даже таких больных, от которых тодды отказываются,^[69] но при этом, конечно, часто и убивают *не колдовством и заговорами, а просто растительным ядом и по ошибке*».

Этим ученым объяснением убивается наповал всякое «суеверие». Прошу заметить выделенные выше строки. Мы видели показание госпожи Морган в предыдущей главе и читали случай с Беттенем. Вот другой, весьма похожий на первый, только с совершенно другим результатом. Если *сила суеверного воображения одна убивает или способна убить в назначенное время испуганного бедняка*, то как почтенный автор объяснит следующий случай? Этот случай был очень недавно, и его все помнят в Нильгири.

Англо-индийским «бара-саабам» негде встречаться с полудикими грязными курумбами, как только в лесу, то есть, из десяти раз девять во время охоты. Поэтому и второе столкновение между английским чиновником и курумбами случилось также из-за слона.

Героем этого происшествия был человек в довольно высоком официальном положении. Его все знали как одну из тузов общества, и семейство его, кажется, еще до сей поры не оставило Калькутты, где его молодая вдова живет у его старшего брата. Она была очень любима генеральшей Морган, и это единственная причина, почему я не могу, как в первом случае, дать его полное имя. Я обещала не называть его, хотя в описании этих происшествий его узнают все, бывавшие в Мадрасе!..

Мистер К., как мы его назовем, поехал на охоту с несколькими приятелями, несколькими *шикарями* и многочисленною прислугой. Слона убили и только тогда заметили, что забыли взять с собой особенный для вырезывания клыков нож. Решили оставить животное под присмотром четырех баддаг-охотников, чтобы охранять его от диких зверей, самим отправиться завтракать в соседнюю плантацию. Оттуда К. должен был вернуться часа через два за клыками...

Программа нетрудная и, казалось, совершенно удобоисполнимая. Несмотря на это, не успел К. вернуться, как нашел одно маленькое затруднение. На слоне сидело человек десять курумбов, которые усердно работали над клыками. Не обращая внимания на сановника, они ему хладнокровно объявили, что так как слон убит на их земле, то они и считают как его самого, так и его клыки своею собственностью. Действительно, их землянки оказались в нескольких шагах оттуда.

Понятно, как должен был быть взбешен такую наглостью высокомерный англичанин. Он приказал им убираться, пока они целы; иначе он прикажет людям разогнать их нагайками. Курумбы нагло рассмеялись и продолжали работу, даже не взглянув на *бара-сааба*.

Тогда К. закричал слугам, чтобы они прогнали карликов силой.

С ним было человек двадцать охотников в полном вооружении; сам К. был рослый красивый мужчина, лет тридцати пяти, известный своим цветущим здоровьем и богатырскою силой столько же, как и своею вспыльчивостью. Курумбов было еле десяток, почти голых и безо всякого оружия. Четыре баддага, оставленные при слоне, конечно, разбежались в отсутствие прочих при первом требовании курумбов. Казалось, было более чем достаточно трех человек, чтобы разогнать хищников-карликов. Однако же приказание К. осталось без последствий: ни один человек не пошевелился...

Все стояли, дрожа от страха, позеленевшие, с понуренными головами. Несколько человек, и в том числе прятавшиеся в кустах баддаги, бросились бежать и исчезли в лесной чаще.

Муллу-курумбы, покрывавшие, словно букашки, труп слона, глядели на англичанина смело, оскалив зубы и как бы вызывая его на действие.

Мистер К. окончательно вышел из себя.

– Прогоните ли вы, наконец, этих бродяг, подлые трусы? – зарычал он.

– Нельзя, сааб, – заметил седой *шикари*, – нельзя... Это нам верная смерть... Они на своей земле...

На сердитое восклицание поспешно слезавшего с лошади К. вождь курумбов, безобразный, как воплощенный грех, вдруг вскочив на ноги на голове слона, стал, кривляясь, прыгать на ней, скаля зубы и щелкая ими, как шакал. Потрясая уродливою головой и кулаками и выпрямившись во весь карликовый рост, муллу-курумб обвел злыми, сияющими, как у змеи, впалыми глазками присутствующих и прокричал:

– Кто первый дотронется до *нашего* слона, *скоро вспомнит нас в день своей смерти*. Ему не видать новой луны... – Угроза была впрочем напрасная. Слуги чиновника словно превратились в каменные изваяния.

Тогда взбешенный К., перехлестав на пути толстою нагайкой правых и виновных, бросился с проклятием на курумба и, схватив его за волосы, швырнул далеко от себя на землю. Остальных, которые цеплялись, как вампиры, за уши и клыки мертвого слона и было воспротивились, он переколотил нагайкой и разогнал их в одну минуту. Уходя, они остановились шагах в десяти от К., который затем принялся сам вырезать клыки. По словам его слуг, во все время операции *они не спускали с него глаз*.

Окончив работу, К. отдал клыки людям отнести домой, а сам уже было собрался занести ногу в стремя, когда его взгляд снова встретился со взглядом побежденного им старшины курумбов.

– Глаза этой гадины произвели на меня впечатление взгляда отвратительной жабы... Я почувствовал буквально тошноту... – рассказывал он в тот же вечер за обедом собравшимся у него гостям. – Я не мог удержаться, – добавил он с дрожью отвращения в голосе, – и ударил его еще несколько раз нагайкой... Карлик, лежавший до этого времени неподвижно в траве, на месте, куда я его бросил, быстро вскочил на ноги, но, к моему удивлению, не убежал, а только отошел немного далее и продолжал смотреть на меня, не спуская глаз...

– Напрасно вы не удержались, К., – заметил кто-то. – Эти уроды редко прощают.

К. расхохотался.

– В этом меня уверяли и *шикари*. Они ехали домой, точно приговоренные к смерти... *Глаза* бояться!.. Глупый, суеверный народ. Им давно следовало открыть глаза на счет этого *глаза*. Знаменитый «змеиный взгляд» возбудил во мне только более аппетита...

И он продолжал смеяться над суеверием индусов весь остальной вечер. На другое утро, под предлогом, что он очень устал накануне. К., встававший, как и все в Индии, очень рано, проспал далеко за полдень. Вечером у него сильно разболелась правая рука.

– Старый ревматизм, – заметил он, – через несколько дней пройдет.

Но на второе утро он почувствовал такую слабость, что еле мог ходить, а на третий – совсем слег. Врачи не находили у него никакой болезни. Не было даже лихорадки, а одна непонятная слабость и какое-то странное утомление во всех членах.

– Словно в меня влит свинец вместо крови, – говорил он знакомым.

Аппетит, возбужденный в его мнении «змеиным взглядом», разом пропал; больного стала мучить бессонница. Не помогали никакие усыпительные средства. Здоровый, как бык, румяный и атлетический К. превратился в четыре дня в скелет. На пятую ночь, которую он проводил по обыкновению со дня охоты с открытыми глазами, он разбудил домашних и спящего в соседней комнате врача громким криком:

– Прогоните эту грязную гадину!.. – кричал он. – Кто смел впустить ко мне это животное?... Что ему нужно?... Зачем он так смотрит?...

Собрав последние силы, он швырнул по направлению ему одному видимого предмета тяжелый подсвечник и, попав в зеркало, разбил его вдребезги.

Врач решил, что у больного начался бред. К. кричал и стонал до самого утра, уверяя, что видит перед кроватью у ног побитого им курумба. К утру видение исчезло, но мистер К. стоял на своем:

– То был не бред, – еле лепетал он. – Карлик как-нибудь прокрался... Я его *видел во плоти*, а не в воображении.

На следующую ночь, хотя ему было еще хуже, и с ним сделался действительно бред, он не видел более никого. Врачи ничего не понимали, и решили, что то был один из многочисленных неуловимых видов «болотистой лихорадки» (Jungle fever) Индии.

На девятый день у К. отнялся язык, а на *тринадцатый день он умер*.

Если «сила суеверного воображения убивает в назначенное время *глупого бедняка*», то какая же это сила убила *не верившего ни во что* богатого и образованного джентльмена? Странное совпадение, ответят нам, – «простая случайность». Все возможно. Только уж слишком много таких *случайностей* в летописях Нильгири, чтобы они сами собой не представляли странного более самой истины явления. Пусть неверующие прежде порасспросят серьезно таких старожилов на этих горах, как генерал Морган и другие очевидцы, и только затем делают свои заключения.

Наивная теория, что одна грязная отвратительная наружность курумбов, внушая этот общий, разделяемый всеми племенами туземцев страх, отворяет широко двери суеверию, очень неудовлетворительна. Многие из кхотов и эрулларов, и даже баддагов, столь же грязны и часто отвратительнее тех, кого они так страшатся. Если бывали случаи, когда люди умирали вследствие одного воображения и страха, то ведь нельзя и не следует превращать исключение в непреложное правило. А в том-то и главная задача, что, по сознанию многих англичан, не было еще случая, чтобы попавший под «змеиный взгляд» рассерженного курумба туземец, а особенно баддаг, остался цел и невредим. Одно в таких случаях, по их словам, спасение: «Отправиться в *первые три часа* после *встречи* к тоддам и молить о помощи. Тогда, если *тералли* даст на то согласие, всякому тодду легко *выманить* (sic) яд из отравленного *глазом* человека». Но горе тому, кто находится после *глаза* далее, нежели на трехчасовом расстоянии от тодда, или если последний, посмотрев на *сглаженного*, почему-то откажется «выманивать яд». В таком случае больному грозит верная смерть.

Тот факт, что тодды всегда вылечивают, если возьмутся за это, и что *сглаженные*, от

которых они отказываются, всегда умирают, доказывает, что это не пустое поверье.

Как объяснить такую странность?

Само собой разумеется, что господа ученые и скептики всегда легко выйдут из этого затруднения. Они, например, скажут, что самый заявляемый нами факт не только еще не доказан, но что его совсем нет. Так они поступали в отношении ко всякому заявляемому не ими открытию; так они поступают и теперь касательно гипнотических и месмерических феноменов. Для них самая неправдоподобная, но истекающая из *научного* якобы источника гипотеза, всегда будет милее всякой истины, если она не освящена их одобрением. Это ничего, что их гипотезы почти всегда только в теории бывают весьма научны и красивы, но что на практике и в применении к голым фактам они натыкаются на них, как на рог дилеммы, и обыкновенно разбиваются об него вдребезги. «*Это de l'histoire ancienne*, – скажут нам, – а ваши басни о колдовстве и чарах муллу-курумбов все-таки – чушь».

– Но мы имеем возможность доказать, что это не басни, а факты...

– А мы все-таки не поверим, потому что за науку стоит большинство, а официальная наука не хочет верить...

Бедный факт! Несчастливая голая истина!.. Подлинно, в наш век она выглядит непристойною. Ей приходится либо умереть на дне своего колодца, либо умолять великих «воротов» науки одеть себя по последней физиологической моде. А на это они хотя и долго не соглашались, но теперь, кажется, решились: – как и с каким успехом, мы покажем после, а пока одной истине приходится страдать. Действительно, каждый раз, когда простому голому факту приходится заявлять о себе, он встречается сперва и борется с мнением влиятельного большинства, заносчивого пропорционально своему самомнению и глупости. Но когда дело доходит до борьбы с официальной наукой, то лучше ему разом откланяться и до поры до времени исчезнуть. Иначе все жрецы ее, все нахватавшиеся вершков, все консерваторы, рутинеры, «обезьяны» науки и светской интеллигенции, – все это поднялось бы горой за поправленные права академий, и факт был бы прогнан в область «бабьего суеверия», галлюцинаций да «гистеро-эпилепсии» (style Charcot).

Невзирая на такой прием, в продолжение многих лет изгнанные было факты снова всплыли, как потопленный труп, на поверхность житейского моря и заявили о себе громче прежнего, так громко, что даже многие из серьезных людей науки увидели себя вынужденными признать ими... Но не станем забегать вперед.

Было на свете много таких необъяснимых или скорее – необъясняемых нашими учеными истин и фактов,^[70] от которых только пресса еще – следуя в этом раболепно тому классу ханжей науки, о которых доктор Шарко говорит с таким заслуженным презрением в книге доктора П. Ришера,^[71] – отворачивается с трепетом напускной брезгливости и бежит от них, как нечистая сила от ладана. Бывают, однако, случаи, когда нашей саркастической прессе приходится quand même взглянуть неприятному факту в лицо, и даже серьезно признать им. Это случается каждый раз, когда вследствие так называемого *суеверного* страха перед колдовством и чарами какой-нибудь одной личности, целая деревня сжигает ее как ведьму или колдуна. Тогда законности ради и для удовлетворения общего любопытства газеты начинают распространяться о грустном проявлении «столь печального и непонятного суеверия в нашем народе».

Такой случай был года три-четыре тому назад в России, когда судили и *оправдали* целую деревню (человек шестьдесят, если не ошибаюсь) за сожжение старой полоумной бабы, возведенной мужиками-соседями в достоинство ведьмы. Таким же неприятным вопросом пришлось признать недавно и мадрасской печати. Только наши гуманные приятели-островитяне оказались менее снисходительными, чем русские присяжные: человек сорок курумбов и баддагов были в прошлом году повешены sans bruit ni trompette.

Всем памятна ужасная трагедия на Нильгирийских высотах, происходившая в деревне Эбанауде, всего в нескольких милях от Уттакаманда. Заболел у старосты ребенок и стал медленно умирать. Так как уже было несколько таинственных смертных случаев в течение прошедшего месяца, то и болезнь ребенка была тотчас же приписана баддагами «змеиному взгляду» курумба. Староста в отчаянии упал в ноги суду, то есть – подал жалобу. Над нею англо-индийцы хохотали три дня, а *монегара* прогнали из суда в шею. Тогда бюргеры-баддаги решились на самосуд: сжечь всю деревню курумбов до последнего человека. Они умоляли одного тодда идти с ними поджигать: без тодда-де ни один курумб ни в огне не сгорит, ни в воде не потонет. Такое уж у них поверье, и их в противном не уверишь. Собрав совет, тодды согласились: вероятно, их «буйволы так решили». Сопровождаемые одним из тоддов, баддаги отправились, и вот в одну темную ветреную ночь они зажгли разом лачуги карликов. Ни один не спасся. По мере того, как курумба выскакивал, баддаги бросали его назад в пламя вилами, убивали топорами. Спаслась только старая старуха, спрятавшаяся во время смятения в кусты: она и донесла. Арестовали много баддагов и с ними тодда, первого преступника с основания Утти из этого племени. Но им не довелось повесить его. Накануне смертной казни он неизвестно куда пропал, а человек двадцать баддагов успели умереть *от распухания животов* в тюрьме...

Это было несколько месяцев тому назад; а точно такая же драма разыгралась три года назад в Катагири. Напрасно защитники и даже правительственный адвокат настаивали на смягчающих обстоятельствах, глубокой вере всех туземцев в колдовство и совершаемое над ними безнаказанно курумбами зло. Они требовали если не помилования, то хоть отмены смертной казни. Все оказалось тщетным. Английские ученые могут еще поверить под более ученым термином в существование «глаза» и порчи: английские суды – никогда. И однако же закон, который всего двести лет тому назад приговаривал ежегодно столько тысяч колдунов и колдуний к костру и пытке, до сих пор здравствует в Англии. Он остается без употребления, но до сего дня еще не отменен. Когда является необходимость вроде желания удовлетворить самодурную публику в лице ханжей и таких атеистов, как профессор Ланкастер, наказав американца медиума (Слееда), то этот древний закон вызывается из пыли забвения и применяется к невиновному ни в чем, кроме непопулярности, «преступнику». Но в Индии этот закон бесполезен. Он мог бы даже сделаться вредным, напротив, показав туземцам, что было время, когда и их владыки разделяли «суеверие». Такова сила общественного мнения в Англии, что перед ним пасует даже закон!..

Это не диверсии, как то можно подумать, а события и замечания на оные, относящиеся прямо к нашему рассказу. История сожжения целой деревни курумбов, то есть, не одинокой злополучной ведьмы, как в России, а уже *ста шестидесяти семи* человек колдунов с их колдуньями и колдунятами, невзирая на то, что в Индии много разыгрывается подобных этой ужасных драм, памятна каждому жителю в Уттакаманде.

Но не к этому мы теперь ведем речь. Наша задача в этом правдивом рассказе несколько более философского характера, смеем думать. Она не ограничивается описанием простого, весьма естественного преступления, совершенного в припадке безумного страха и злобы, нагнанных верой в роковую силу чар и колдовства. Равно она не останавливается на изжаренных ведьмах и колдунах, да несправедливо повешенных вольно практикующих торквемадах, «вольно практикующих» именно в силу того, что не закон, а судьи не хотят признать чар и колдовства. Каша задача, как мы то сейчас покажем, стремится гораздо далее.

Во-первых, как секретарь общества, задавшегося целью изучать сколько возможно глубже все такие сложные психологические вопросы,^[72] я желаю доказать, что нет в мире «суеверия», которое не было бы основано на твердом грунте истины. Затем, проникнув, как я думаю, до

корня вопроса о «колдовстве», я намерена показать на основании свидетельства самой науки, что это народное чародейство разрабатывается под покровом ее и закона самими господами учеными; что колдовство, месмеризм, гипнотизм – просто синонимы; что все это проявления одной и той же месмерической силы или *гипнотизма*, ныне не только допускаемого, но даже преподаваемого, как в клинике доктора Шарко, так и в разных других центрах науки.

Понятно, что я не могу надеяться разработать даже в его общем виде такой многосложный, трудный вопрос в простом рассказе. Надеюсь, однако, показать достаточно ясно, конечно, только тем, кто убедился в существовании так называемой месмерической силы, насколько заблуждались в течение стольких веков люди, глядевшие на этот вопрос с двух противоположных полюсов мнения. Говорю о тех, кто видел в этой внутренней, хотя и ненормальной силе человека козни одного дьявола, как и о других, прямо и слепо отрицавших и отрицающих существование такой силы. Заблуждение первых повело к избиению сотен тысяч невинных людей; заблуждение последних ведет в наш век образованное человечество прямо к общественному мракобесию. По этому поводу и в прямом отношении с занимающим нас вопросом прошу позволения сделать маленькое отступление.

Нашему Теософическому Обществу следовало бы, истины ради, наименоваться «Обществом недовольных современною *материальною* наукой». Мы – живой протест против грубого материализма дня, столько же как и против неразумного, слишком сжатого в узкие рамки сентиментальности, верования в «духов» умерших и прямого сообщения между двумя мирами. Состоя в большинстве из людей не только лучшего общества Европы, но насчитывая между нашими членами много имен известных в современной науке и литературе, мы дерзаем поэтому обходиться без прямой санкции *официальных* ученых обществ. Мы *ничего не заявляем и ничего не отвергаем*. Мы предпочитаем, так сказать, тактику выжидательную, не упуская, однако, случая пользоваться каждым выдающимся из рамки физических условий фактом, дабы затем выставить его на соображение публики. Пусть являются такие факты живым упреком бездействию науки естествознания и ее двигателям, не желающим рутины ради пальцем пошевелить для разъяснения тайных сил природы. А от этого разъяснения зависит нравственное и физическое благосостояние, быть может, сотен тысяч людей. За неимением этого разъяснения гибнут умы отцов и матерей семейств, ходят на воле миллионы спиритов, безвредная, но тем не менее, угрожающая в будущем мономания которых, право, не уступит галлюцинациям пациентов любого *желтого дома*.

Словом, мы ищем не одних только материальных, неопровержимых доказательств сути того, что в народе ходит под названием «колдовства», «знахарства» и «глаза»; а в мистических кружках образованных людей зовется спиритическими явлениями, месмеризмом, наконец, просто *магией*; но желаем доискаться до зародивших все эти поверья причин, до самого начала той психической силы, которую физическая наука продолжает с таким странным упорством осмеивать и отрицать, вместо того, чтобы серьезно признать ее и объяснить ее хотя бы поверхностно. Не добравшись же сначала до источника этой силы, не изучив и даже прямо отвергая ее существование, трудно, если не невозможно отождествлять, как то думает Шарко, бесчисленные разветвления этой тайной силы. Другими словами: вырыв общую яму под ярлыком «склад больших и малых истерий», свалив в нее безразлично все проявления какого-то «неведомого», как его теперь величают в невропатологических клиниках, психического агента (*agent psichique*), не значит объяснить что-либо профанам, а тем менее оказать услугу науке. «Агент» этот не объясняет ровно *ничего*.

Положим, что профаны науки из уважения к авторитету ее представителей, и поверят, например, следующему: эпилептическая истерика (возбуждаемая чисто физиологическими беспорядками в отправлениях человеческого организма), есть *то же самое*, что самопляшущий

карандаш в руке медиума; а пророческие, оправданные событиями изречения «вдохновенных» всех веков подходят под одну категорию с галлюцинациями чрево вещательницы M-lle Amanda, «вследствие истерического раздувания газами ее большой кишки...» (sic); а все эти четыре рода констатированных явлений, как нас важно поучают жрецы науки, происходят под совокупным действием «психического агента» и великой истерии, la grande hystérie.

Неужели мы должны думать, что эта неискоренимая вера народных масс в существование колдовства, что эта, почти достоверно доказанная особенность смертных приобретать умение (вследствие ли науки или врожденных способностей) управлять организмом других, как мы то видим в месмерических и гипнотических явлениях, употребляя способности особ под таким влиянием на добро или зло, – неужели, повторяю, мы должны думать, что все это выходит из одного источника, подводится под один и тот же итог «большой истерии»? Мы вполне верим (потому что знаем, изучав такие силы годами), что в них нет *трансцендентных* проявлений. Но мы также знаем и то, что если они проявляются в совокупности с физиологическими и даже климатическими особенностями,^[73] которые всегда влияют на психическую сторону человека, вызывая и зарождая разные ненормальные в нем явления, то эти *силы* все-таки *не то*, чем их нам представляют материалисты и физики. Поэтому достаточно ли убедительна для серьезных, развитых и даже иногда очень ученых людей эта презрительная манера «авторитетов» бросать в лицо им насмешку или обвинение в невежественной (якобы) вере в магию, при каждой попытке разъяснения таких странных явлений, а затем повернуться к ним спиной, ничего не объясняя? Не следует ли прежде всего доказать научно: 1) Каким это образом «великая истерия» и ее «консорт» «психический агент» так могли повлиять на человечество в *массе*, что у него одновременно и с самой его колыбели развилась дикая идея о колдовстве и вера в магию? 2) Вследствие каких симпатических, однохарактерных эволюций этой таинственной *пары* зародилась в людях с доисторических времен^[74] на всем земном шаре между народами, не сообщавшимися между собой никогда и совершенно друг другу неизвестными, такое общее понятие, такая единоподушная вера в вещи, совершенно одинаковые в сути и подробностях?

Чем объяснить такую веру? Чему приписать, например, тот странный факт, что между дикими племенами «Голубых гор», которые никогда не слыхивали про наших русских ведьм, существуют во всех подробностях, от заклинаний в устах русских знахарей до особенной фармацевтики, составов зелий и пр., совершенно те же поверья, какие находим и в русских деревнях? Те же, как по духу, так и по букве «суеверия», мы открываем в английской, французской, немецкой, итальянской и испанской, как и в славянских народностях. Латинские расы подают руку славянским, а арийские и туранские семитам в их общей вере в магию и чары, в ясновидение и предвидение, в злых и добрых духов, в древних, средневековых и современных *ведьм*.^[75] Называя эти поверья «тождественными», употребляю слово в его буквальном, а не в относительном смысле. Это уже не просто вера или суеверие в колдовство в его общем, отвлеченном смысле; а экземпляры одного и того же издания международной науки с ее неизменными законами, формулами и т. д. в их применении на практике.

Благодетельная болотная лихорадка. – Современный случай колдовства «Хука-мелла». – Колдовство официальной науки. – Какая разница между гипнотизером и колдуном? – Случай в Париже и случай в Уттакаманде.

*Nam tuares agilur paries
dum proximus ardet.*

Само собою разумеется, что чиновная или официальная Англо-Индия, равно как и все европейцы-скептики, не обращают внимания на трансцендентальные качества «психизма», – как выразился бы доктор Карпентер, – тоддов и курумбов. Для них эти качества не существуют. Скептики или обходят всякий такой случай осторожным молчанием, или же в самых поразительных случаях относят загадочную смерть того, кто навлек на себя мщение колдунов, если это был европеец,^[76] к болотной лихорадке,^[77] а когда жертвой является туземец, то непременно приписывают кончину *случайно лопнувшей селезенке*.

Мы уже имели случай упоминать об этом столь оригинальном в Индии органе. Если наука в Европе не успела еще определить достаточно ясно функций селезенки, то англо-индийские чиновники изучили ее в совершенстве. Селезенка играет у нас во всех подозрительных случаях скоропостижной смерти, особенно вследствие драк и когда победителем остается англичанин, такую же универсальную роль, какую во Франции играет в явлениях ясновидения *le grand boyau hysterique*. Разрешая легко и быстро самые загадочные дилеммы в умах ученых Франции и судей в Индии, оба эти органа оказывают таким образом замечательные услуги человечеству. Недаром нильгирийские врачи, с их вечною болотною лихорадкой, так сердят почтенную мистрис Морган!

До какой степени доходит у судей презрение к истине и как легко человеку быть посаженным в Индии в тюрьму, если он туземец, видно из следующего случая, только что совершившегося в Галагхате (Ассам). Речь идет конечно опять о *колдовстве*.^[78]

Какого-то брамина обокрали. Невзирая на все его усилия, он не мог найти ни вора, ни вещей. Тогда он решился прибегнуть к ворожбе, известной в Ассаме под названием *Хука-мелла* или «самодвижущаяся палка». Он послал за известным в городе колдуном по имени Махидхар, который пришел к нему в дом и, вырезав на месте бамбуковую палку, стал на пороге дома и стал поджидать прохожих. В то самое время проходил по улице писарь комиссионера, некто Рохнар. Он его подозвал и, объявив в чем дело, спросил, желает ли он помочь брамину отыскать его украденные вещи. Рохнар согласился и тут же взял в руки палку, над которою Махидхар только что произнес целый ряд заклинаний и мантр...

Не успел Рохнар дотронуться до бамбука, как им словно овладела какая-то сила. Он пустился бежать, крича, что палка приросла к его руке и что она тащит его. За ним, конечно, побежала большая толпа и обворованный брамин. Прибежав к небольшому *танку* (стоячая вода в большой цистерне), Рохнар прямо ткнул тростью в неглубокую воду и сказал: «Ройте здесь». Спустив воду, стали рыть и нашли часть украденных серебряных вещей. Ободренный успехом брамин пожелал найти остальное. Махидхар прочел снова свои заклинания над тростью и опять вложил ее в руку Рохнара. Та же сцена, то же неудержимое влечение вперед. На этот раз писарь побежал по другому направлению, к дереву неподалеку от дома брамина.

– Копайте здесь! – закричал он людям.

Стали копать и, разрыв землю, нашли остальное. За сим полиция, вероятно, недовольная таким легким способом отыскания украденной собственности, при котором ей ничего не перепало, арестовала Рохнара и препроводила в полицию, обвиняя его самого в краже вещей. Его посадили в тюрьму по одному подозрению и, продержав предварительно несколько дней, повели в суд, пред грозное лицо судьи, мистера Трайборна. Обвиняемый, конечно, не признавался. В присутствии публики и всего суда он рассказал, как было дело: он говорил, что проходил мимо дома брамина, которого он не знал, и что согласился на опыт, даже не веря в него. Во всяком случае, говорил он (и очень рассудительно), будь он похитителем украденных вещей, он, конечно, никогда бы не пошел тою улицей и не согласился бы сделаться сыщиком. Затем он рассказал, что, взяв волшебную палку в руку, он терял оба раза сознание; что не он нес палку, но сама палка увлекала его... и пр. Невзирая на то, что никто кроме полиции не являлся его обвинителем, а напротив, огромная толпа людей, присутствовавших при «Хукка-мелле», показывали за него, да и сам его начальник ручался за него, судья, ярый материалист, приговорил несчастного юношу-брамина к тюремному заключению на *год и три недели!*

Он подал апелляцию в высший суд. Но мистер Летманн Джонсон, ^[79] новый судья, только утвердил приговор на том мудром основании, что, если он нашел вещи не колеблясь, то стало быть, знал наперед, где они находятся; а если знал, то нет ни малейшего сомнения, что «он или сам вор или же укрыватель».

Таким образом карьера бедного юноши испорчена навсегда, а материалист торжествует.

Само собой разумеется, что мы не верим ни в волшебные палки, ни в ворожбу в той форме, в какой она нам является в Индии вообще, а на «Голубых горах» – особенно. Но мы верим в магическую силу, в ясновидение и сомнамбулизм. А веря в них, имеем право осуждать судью, который, отрицая все, не допускает возможности того мгновенно овладевающего человеком состояния, которое называется магнетизерами *etat lucide*. ^[80] Во всяком случае, людей сажают на год в тюрьму за недоказанное преступление только в Индии.

Не думаю, чтоб я очень ошибалась, заявляя мнение, что полудикие курумбы владеют полным арсеналом той силы, которой только часть пока открыта учеными гипнотизерами сальпетриевского госпиталя, и которая находится более или менее в распоряжении у магнетизеров. То же и касательно тоддов, сохранивших эту науку, которую, вероятно, их праотцы приобрели во времена глубочайшей древности.

Дело впрочем не в том, обладают ли или нет оба племени такою силой. Отрицать поголовно показание стольких незаинтересованных лиц, что как тодды, так и курумбы одарены «странною психическою силой», по выражению генерала Моргана, становится трудным, если не невозможным. Для нас, живущих в Индии, это вопрос давно решенный. Но теперь остается узнать: какая разница существует (кроме очевидных, с одной стороны благодетельных, с другой убийственных результатов ее) между этою силой, как она проявляется у тоддов, и как она заявляет себя у карликов. Затем, решив этот вопрос, сколько то будет возможно, придется выбирать между двумя родами дилеммы: отнести эту силу либо к одному, или к другому. Нам остается или верить в колдовство, или в возможность того, во что сама наука начинает верить.

В сведениях, собранных нами о тоддах и курумбах, есть много отдельных случаев, где выказывается открыто то, что мы называем месмеризмом, а теперь гипнотизмом. Если тодды лечат, как лечил иногда Гиппократ и древние иерофанты египетских храмов, действием солнца, пользуясь электрическим действием его лучей, при помощи магнетических пасс руками или животного магнетизма, то муллу-курумбы, во время своих заклинаний и чар употребляют положительно все приемы фессалийских колдуний, сколько мы о них знаем из классиков. Они пользуются луною и ее вредными в известные времена года лучами, собирают травы и варят из

них зелья, употребляют кровь, обладают, наконец, секретом, но вероятнее всего, врожденною у них, как у змей, способностью *очаровывать выбранную жертву взглядом*. Магнетизер делает то же. Разница между ученым гипнотизером, который передает приказание субъекту мысленно и заставляет бедную, честную девушку совершать бессознательно непристойности словом и действием при публике,^[81] и курумбом, который, завладев хитростью доверчивым баддагом, заставляет его красть и учинять всякие другие преступления, «как бы в припадке полного бессознания или опьянения»,^[82] – разница, говорим мы, небольшая. Между образованным гипнотизером-парижанином и колдуном муллу-курумбом мы ее находим только в степени.

Французу потребуется еще двести лет, прежде чем он дойдет до знания муллу-курумба, до его искусства управлять по-своему мышлением и действиями слабейшего в сравнении с ним человеческого организма. Искусство архитектуры развивалось среди человечества тысячелетиями. Крот не учился в университетах, а подводные постройки бобра послужили людям моделью. Природа часто бывает самым мудрым из профессоров. Многие из произведений средневекового зодчества валяются зарытыми в пыли итальянских мостовых; стены циклопов стоят доселе не расшатанными...

Чтобы показать наглядно, до чего приемы европейца-«гипнотизера» и курумба-колдуна схожи между собой, и что в явлениях обоих действует *одна и та же сила*, приведу два примера: один – из научных опытов французского врача, другой – из наблюдаемых нами случаев на Нильгири. «Но то в Индии!» – нам скажут, – «в стране невежества и суеверия!» Так вот мы и начнем с примера, случившегося во Франции, почти на наших глазах, только прошлой весной и при многих свидетелях.

Во французских журналах, а затем и в шведских, в переводе, появилась чрезвычайно замечательная статья, за которой последовало несколько других; а затем присылавший их в газету (кажется «Temps») врач – замолк. Этот врач – магнетизер в Лилле, уже несколько лет делает замечательные опыты под руководством Шарко и других парижских светил. В своих опытах он дошел до того, что управлял усыпленным субъектом мысленно, то есть, не выражая приказания громко, а просто задумав его или написав желание на бумаге и отдавая его на сохранение третьему лицу. По его уверению, он, таким образом, был в состоянии произвести следующее, еще невиданное явление, которое Шарко назвал бы *acte par suggestion*, даже иногда не сейчас, а в какое угодно назначенное время, иногда, через месяц, даже через несколько месяцев.

Он делал, например, следующее: стоя перед усыпленным субъектом, он или говорил ему тихо, почти неслышно, на ухо, или же просто повторял мысленно или же, наконец, ради удовлетворения скептицизма приятелей, записывал такую фразу:

«Через месяц (или через столько-то дней), такого-то числа и в такой-то час, я приказываю ему (субъекту) сделать то или другое». Следовало приказание и подробности его исполнения. Субъект просыпался ничего не помня. Через месяц, такого-то числа и в означенный магнетизером час и минуту, чем бы субъект ни был в то время занят, он исполнял приказание, буквально, с необычайною точностью и невзирая ни на какие препятствия. Он это делал машинально, сам не зная для чего, и хотя не знал за минуту до того, что он совершит то или другое, по свершении акта он смутно помнил все, хотя и не мог объяснить, почему именно он это сделал.

Эти интересные, но и опасные опыты разыгрались драмой, затем прекращены, и кажется, надолго.

В С. жил, да и теперь еще живет, потому что все это случилось весной 1884 года, полицейский агент, *un agent de sûreté*, как их зовут, знакомый врачу. То был здоровенный толстый человек, 35 лет, чрезвычайно набожный и вне служебных дел очень мягкого характера.

Врач нашел в нем превосходного субъекта. Захватив бедного агента в свою власть, он совершал над ним всевозможные опыты. Вот что, согласясь наперед с приятелями, он наконец сделал.

Агент спал. Ни зажженные пробки, ни глубокие уколы булавками под ногтями, ни пистолетный выстрел над самым ухом не могли разбудить его. Словом, он находился в каталептическом состоянии. Тогда врач ушел с тремя приятелями в другую комнату, и один из них, написав на бумажке приказание, отдал его магнетизеру. Тот, вернувшись к субъекту, прочитал *про себя* написанное и мысленно приказал агенту совершить ровно через три недели, в два часа пополудни, следующее преступление.

«Вот малайский острый нож, – сказал он ему *мысленно*, подавая ему небольшую деревянную линейку, – я его прячу в этот шкаф. Такого-то числа, в два часа пополудни, вы возьмете его, невзирая на замки и засовы. Вы отправитесь с этим ножом в публичный сад и увидите в такой-то аллее, у седьмого дерева, садовника, наклонившегося над цветником и поливающего растения. Вы подкрадетесь к нему незаметно и убьете его, вонзив этот нож три раза в спину жертвы. Затем вы возьмете лопату и, вырыв у корня дерева яму, зароете тело и отправитесь в полицию, где и расскажете своему начальнику о преступлении, но не выдавая себя, а, взвалив его на немца-мясника, который, пока вы будете зарывать тело, будет стоять возле вас и смеяться».

Агент проснулся, разбуженный врачом, конечно, ничего не помня. В какой бы ужас и негодование пришел добродетельный агент, если бы знал о данном ему поручении. В назначенный день магнетизер с хохотавшими заранее приятелями приготовился к ожидаемой сцене и поместился в комнате, где была спрятана в шкафу линейка. В назначенный день, ровно в два часа бедный блюститель порядка находился на своей службе. Оставив свой наблюдательный пункт на улице, он *дезертировал*, по выражению его сурового начальника. Он, лучший из полицейских агентов, которого ставили в пример всем другим, учинил в тот же день преступление № 1. Ровно за пять минут до двух часов на улице произошла драка. Когда прогудел второй удар на ближайших городских часах, он записывал в своем *cahier de police* имена буянов. К удивлению собравшейся толпы и двух буянов, которые уже приготовились, вследствие *procès verbal*, провести ночь в кутузке, агент мгновенно уронил свой *корне*, вытаращил глаза и быстро, словно автомат, в котором завели ход, повернувшись на каблуках, пошел по улице и, поворотив за угол, исчез из глаз присутствующих. Все это совершилось так быстро, что когда, опомнившись от изумления, толпа бросилась за ним, то нашла, что его и след простыл. Агент исчез, и все решили, что он сошел с ума.

В эту самую минуту он входил в дом врача не в дверь, которую он нашел нарочно запертою, но в калитку сада, которую он, не задумываясь, выломал. То было преступление № 2.

Войдя в комнату, где сидел магнетизер с приятелями, агент в своем глубоком гипнотическом состоянии даже и не заметил их. Он направился прямо к шкафу, где лежала линейка, в его воображении – «малайский нож», и найдя шкаф запертым, вынул железные клещи из кармана и сломал замок. Все это он делал автоматически, не торопясь, но весьма быстро. Достав линейку, он спрятал ее под мундир и, озираясь во все стороны, как бы боясь быть замеченным, прокрался назад из дома на улицу. Это было преступление № 3. Доктор с приятелями последовали, конечно, за ним и очень близко, так как он, очевидно, не замечал никого.

Затем он пошел к означенному магнетизером публичному саду. Сад был полон бонн и детей; но та аллея, куда он направился для совершения четвертого и самого ужасного в этот день преступления, была к удовольствию четырех наблюдателей пуста...

Воображаемая драма делалась с каждым часом интереснее...

У входа в аллею агент остановился и стал считать деревья. Он находился в видимом

затруднении. По мнению врача, мысль, переданная им агенту, не довольно ясно отражалась в голове субъекта; он не знал, на какой стороне аллеи ему следовало увидеть жертву. Но он колебался недолго. Не найдя того, что он искал на правой стороне, он стал считать деревья на левой и вдруг, нагнувшись, совсем прилег на землю. Он вероятно *увидел* садовника и приготовился убить его...

Он походил в эту минуту на дикого зверя, – рассказывали очевидцы. Его крепко стиснутые зубы и полуоткрытый рот, его широко открытые глаза, выражавшие, невзирая на их стеклянную неподвижность, нечто дикое, жестокое и решительное: все это, взятое вместе, испугало своей реальностью экспериментаторов. Но их страх скоро перешел в ужас, когда их субъект стал разыгрывать с поразительной верностью действие воображаемого зверского убийства. Он стал подкрадываться к невидимому для всех, кроме его одного, садовнику, тихо и осторожно, то припадая низко к земле, то выпрямляясь и делая огромные прыжки. Наконец, он достиг означенного дерева и, вынув линейку из-за пазухи, ринулся на жертву и вонзил линейку три раза в воздух. Нагнувшись как бы над телом, он долго смотрел на него, вытирая все время линейку от крови, которая была для него такою же, вероятно, реальностью, как и он сам для наблюдавших за ним.

Словом, он исполнил до малейших подробностей задуманную врачом драму. Вырыл воображаемою лопатой воображаемую яму и зарыл в ней несуществующее тело. Потом он вышел из саду и пошел по направлению к полицейской префектуре. Но тут драма оборвалась, и эпилог не мог быть разыгран. Он встретился лицом к лицу со своим начальником, которого, впрочем, не узнал. Комиссар, видя, что он не обращает на него внимания и не отвечает на его зов, подозвал двух полицейских и велел его арестовать. Но тут проявилась во всей своей ужасной реальности сила месмеризма, гипнотизации, колдовства, – назовем это как угодно. Агент одним взмахом руки далеко отбросил от себя двух товарищей, бывших гораздо сильнее его, и продолжал идти вперед так же спокойно, как бы его ничего не останавливало. Тут к счастью подоспел доктор-магнетизер и остановил руку комиссара, который уже собирался стрелять в бунтовщика агента из револьвера. Он его умолил подождать несколько минут.

Подбежав к субъекту, он в несколько пасс окончательно вывел его из гипнотического состояния. Но на нем лежала более трудная обязанность: спасти агента от серьезных последствий, убедив его начальника, что он действительно находился в продолжение этих двух часов в состоянии невменяемости: что он, словом, совершил между другими воображаемыми преступлениями, ряд проступков против службы бессознательно и должен быть прощен в силу этого.

В этом-то и состояла трудность и вместе торжество месмеризма. Опытный гипнотизер вышел великолепно из затруднения. Производя над агентом, что называется на языке магнетизеров *passes contraires*, он приказал ему помнить даже наяву его инструкции. «Помните, – приказал он ему мысленно, – вы должны свалить на мясника преступление. Покажите вашему начальнику орудие смерти – малайский нож. Вы знаете, как и все знакомые мясника, что этот нож – его собственность».

Затем произошла драма-комедия. Совершенно очнувшийся *sieur A.* (агент) вдруг огорошил собравшуюся публику формальным донесением начальнику, что он оставил свой пост для предупреждения преступления, но, к сожалению, явился слишком поздно. Прибежав в сад, он нашел там мясника над телом несчастного садовника и успел вырвать у него один нож, который он и имеет честь представить начальству.

И, вынув линейку, он ее серьезно и торжественно подал комиссару. Тот, конечно, как и все присутствующие, зная, что «*se malheureux*» никогда не пил, тут же решил, что он сошел с ума.

Тогда врач и его три приятеля выступили вперед и, прося начальника повременить с

приказаниями, стали укорять агента во лжи. «К ужасному преступлению, – говорили они, – вы присоединяете еще худшее: клевету на невинного человека. Это вы сами убили садовника. Мы следили за вами, мы видели, как вы троекратно вонзили в его спину этот ужасный малайский нож... покайтесь лучше, сознайтесь в вашем преступлении... Это одно может облегчить вашу участь».

Теперь, ни комиссар, ни все увеличивающаяся толпа ровно ничего уже не понимала. Они сочли их одну минуту всех сумасшедшими...

Но что должен был почувствовать начальник, когда его любимый агент, упав перед ним на колени, громко покаялся перед всею толпой в своем ужасном преступлении. Комиссар, говорят, побледнел и кончил тем, что поверил. Он приказал «преступнику» вести себя на место убийства, что тот не колеблясь и сделал, повторив еще раз, что он зарыл тело под деревом и что это видел мясник, на которого он поэтому и пожелал свалить вину...

«Malheureux! Malheureux! (несчастный), повторял его начальник на все лады, когда врач, подойдя, объяснил ему галлюцинацию его агента. Тогда комиссар страшно рассердился и не поверил. Только тогда, когда, разогнав толпу, он отправился с несколькими полицейскими на „место преступления“ и увидал, как агент, все еще под влиянием галлюцинации, указал ему на нетронутое место под деревом, уверяя его, что „вот кровь... а вот и труп“ и как, затем, он выходил из себя, не понимая, почему другие не видят трупа, комиссар понял, что это не шутка врача, но что под нею кроется нечто более серьезное, нечто действительно ужасное, хотя он и не может еще понять, как это все случилось. Когда агента спросили, притворяясь, что верят ему, почему он, честный, заслуженный сержант, совершил такое страшное, бесполезное преступление, то он отвечал, спустя голову, что *не знает*. «Меня влекла непреодолимая сила», говорил он, – «сила, которой я был не в силах, не в состоянии противиться и которая заставляла меня думать и чувствовать, что я поступаю прекрасно, что так и должно быть сделано». Когда ему кто-то напомнил о старухе матери, у которой он был единственным сыном, агент горько заплакал, но продолжал видеть перед собою зарезанный им труп и равнодушно толкал его ногой...

Это продолжалось, пока не позвали якобы убитого садовника. Когда тот подошел к нему и спросил, почему он клеветает на себя, агент упал без чувств.

– Это ничего, – повторял смущенно врач, – я его сейчас повергну в новый сон и прикажу ему забыть все происшествия этого дня... Поверьте, от этого не останется никаких печальных последствий...

Но он ошибался. Когда агент пришел в себя, то в нем явились все признаки белой горячки. Он пролежал в больнице три месяца и только недавно выписался из больницы. Из добродушного, веселого и здорового малого, он сделался болезненным скелетом, пугливым, нервным и подозрительным... По словам рассказчика, барона дю-Г., очевидца всей этой драмы, *L'impression fut telle que la mort seule pourrait l'effacer du cerveau du pauvre diable!*

Между мщением комиссара да и всей полиции, нареканием клерикалов и архиепископа, видевших в такой силе одного человека над другим козни дьявола, бедному врачу пришлось плохо. Он увидел себя вынужденным оставить родной город и переехать в Париж. Рассказывают, будто бы публикация этого происшествия была задержана стараниями клерикалов и полиции – *pour l'honneur du corps*.

Но это не помешало странной истории всплыть на свет Божий. Ее перепутали, изменили подробности и, стараниями заинтересованных лиц, сделали жандарма из полицейского агента, а из публичного сада Лилля – больничный сад в Париже. Но даже если бы нам пришлось довольствоваться официальным и немного сглаженным донесением,^[83] то и этого было бы слишком достаточно для нашего сравнения. Газеты, рассуждая о происшествии и приводя много

других чудес гипнотизации, произведенных известным врачом в Париже, под наблюдением Ж.Б. Корреа (Korrea), упростили рассказ. «Жандарма привели в сон, – говорят они, – и доктор приказывает ему (слово в слово, как показано нами) совершить преступление. Жандарм просыпается, схватывает линейку и прокрадывается в сад: но мы следим за ним из окна и видим, как он подходит к дереву» и пр. и пр... Вернувшись в комнату доктора, в клинике, он начинает кричать: «Арестуйте меня!.. я убийца! Я подлец!.. Я запятнал свою, доселе непорочную, жизнь напрасным и зверским убийством. Я зарезал человека!..» «Зачем же вы это сделали?» – «Не знаю: меня что-то побуждало. Он мне ничего не сделал, но смотрел на меня (то есть дерево) с вызывающим видом. У меня был в руке нож (линейка) и я вонзил его ему в спину... Я слышал, как он закричал на его ребрах! Спасите меня, спасите!» И жандарм упал без чувств.

Барон Г. был свидетелем всего происшествия; он был одним из приятелей врача, которые присутствовали при этом деле от начала до конца. Очевидно, полиция не желала, чтобы такой скандал, учиненный хотя бы и в бессознательном состоянии одним из «своих», *появился* полностью во всех газетах. Вследствие этого и явилась маленькая перемена декораций.

Но если дело было даже и так, как его рассказывают газеты и сам Ж.Б. Корреа (а мы видали чудеса еще удивительнее этого), все-таки, какая же разница между такою властью гипнотизатора и колдовством?

В параллель к этому, мы опишем чары одного муллу-курумба над мальчиком, которого мы лично знали на «Голубых горах», а затем попросим сравнить.

Между Каттагири и Утти живет семейство евразиев, людей довольно зажиточных. Оно состояло несколько лет тому назад из старухи-матери, двух сыновей и сироты-племянника, воспитанного с колыбели старухой, в память ее младшей умершей сестры.

Старуха, г-жа Симпсон, была женщина добрая и очень набожная. Сыновья служили в канцелярии губернатора, а мальчик, которому было тогда лет одиннадцать, ходил в школу миссионеров. Говоря другими словами, после полудня он был совершенно свободен и делал, что ему хотелось.

Как и всех детей на здоровых живописных горах Нильгири, его оставляли бродить одного по аллеям и чащам «города» по собственному усмотрению. Утти – город только на картах Мадраса: в европейском смысле это город только по имени. Кроме маленького туземного квартала в большом провале, на дне которого тянутся двумя рядами деревянных сараев базар и лавки, а кругом, по крутым бокам провала, лепятся, будто гнезда ласточек, туземные лачуги, в Уттакаманде нет ни одной улицы. Там есть великолепная ратуша, собор, больницы, клубы и даже магазины в летнее время, но улиц все-таки нет. Дачи, коттеджи, виллы разбросаны оазисами, как попало; на неровной поверхности сотни небольших и высоких холмов, густо покрытых большими деревьями а местами заросших настоящим лесом. Здания построены обыкновенно у подошвы холма или большой скалы для защиты от ветра, среди огромных садов, парков и плантаций, отгороженных от дорог живою изгородью. От задов частных зданий тропинки ведут часто в почти непроходимые чащи на склоне соседней горы, куда редко заходит нога европейца.

По вечерам и ночью довольно опасно пешему выходить из дому, особенно без оружия, и переходить эти чащи. Неожиданная встреча с леопардом, а иногда и с тигром, не говоря о свирепых диких кошках, удерживает дома всех, кто живет далеко от расчищенного центра города или не имеет экипажа.

Дом старухи Симпсон находился далеко от главных аллей Утти, и как раз за домом начиналась такая чаща. Мальчику было запрещено ходить в нее. Но он страстно любил птиц. У него был целый сарай, освященный большими окнами и уставленный кадками с растениями, превращенный им в птичник. Там у него находились всевозможные породы птиц, от попугаев до

колибри «Голубых гор», крошечного «юй-му». Не было только нильгирийской ласточки. Это маленькое желтое создание, чрезвычайно дикое и хитрое, летает очень высоко, и его почти невозможно заманить в силки.

Однажды, увлекаемый своею страстью, он забрел очень далеко от дома, в самую глубь чащи. Перед ним прыгала с одного дерева на другое ласточка, и он старался поймать ее. Так он пробежал за нею до заката солнца.

Если сумерек нет в долинах Индии, то в Утти, окруженном со всех сторон большими горами и скалами, переход от дня к темной ночи совершается почти мгновенно.

Увидя себя в лесу, почти в совершенной мгле, мальчик испугался и поспешил домой. Но с его обувью случилось дорогой нечто, заставившее его сесть в первой просеке на камень и снять сапог. Пока он опорожнял его, и разглядывал, стараясь найти уколотившую ему ногу почти до крови колючку, с дерева соскочила почти ему на голову дикая кошка. Тогда, видя, как не менее его испуганный зверь с детенышем во рту, оцетинился, приготовляясь атаковать его, несчастный мальчик страшно испугался и закричал на весь лес. Но в ту же минуту две стрелы, вонзаясь в бок зверя, заставили его, выронив из пасти котенка, покатиться кубарем вниз, в глубокий ров. Два курумба, грязные, полунагие, отвратительные, выскочив из засады, тотчас же овладели убитым животным и заговорили с мальчиком, смеясь над его трусостью...

Муллу-курумбы не диковинка в Утти. Их можно всегда найти на базарах. В то время как «медовые» *тейно-курумбы* никогда не приближаются к жилым местам, их братья «муллу» (курумбы *терновника*) как бы ищут сношений с белыми, между которыми они часто живутся *аннами* и *пейсами* (копейками) за разную черную работу и услуги. Поэтому и маленький евразий, вместо испуга, почувствовал, напротив, благодарность к двум курумбам, так кстати избавившим его от когтей дикой кошки.

Он говорил на их языке, как и все евразий, родившиеся на этих горах. Боясь идти далее один, он уговорил их довести его до дому, обещая им рису и водки дома. Они согласились, и все трое отправились вниз. Дорогой он им рассказал о своем затруднении насчет ласточки, и курумбы обещали ему за небольшое вознаграждение заманить несколько птичек в его сети. Курумбы славятся своим искусством как охотники: они ловят так же легко малую птицу и зверька, как и убивают тигра и слона. Как звероловы они первые на горах. Они условились встретиться на другой же день в долине и идти на лов пташек. Словом, они подружились.

Вернувшись домой, мальчик рассказал тетке об услуге, оказанной ему карликами. Та дала им несколько медных монет и немного водки, но тотчас же отослала их. Старуха, как и все евразии, была очень брезглива относительно «негров» вообще. *Esprit fort*, она называла все рассказы о могуществе «колдунов» баснями; но ее отвращение к маленьким чудовищам, в этом случае весьма естественное, было очень сильно. Она запретила племяннику всякие с ними сношения, и мальчик, боясь потерять случай добиться, наконец, для своей коллекции желанного экземпляра птицы, не сказал ей поэтому ни слова о своем проекте охоты с ними на другой день.

Они встретились, и он вернулся в тот же вечер с парой желтых ласточек. Увлекаемый своею страстью к птицам и возбужденный охотой, бедный мальчик забыл в тот день всякое чувство отвращения, даже и не заметил, как часто его руки приходили в соприкосновения с руками курумбов, которые его несколько раз трогали. Под предлогом похвалы его клетчатому, яркого цвета пиджаку, они проводили несколько раз по его спине. Бедный мальчик, он был еще ребенок! Имея до того времени весьма мало сношений с туземцами, которых его приучали презирать с малых лет как идолопоклонников и «негров», он, вероятно, и не слыхивал, до какой степени боятся карликов те, чья кровь текла на пятьдесят процентов и в их жилах.

Здесь следует рассказать, как курумбы ловят птиц. Для поверхностного наблюдателя эта операция весьма проста и незамысловата. Для внимательного она представляет любопытное

явление.

Карлик берет небольшую жердочку и, повертев ее в руках, словно полируя ее, он прикрепляет фута на два от земли на первом попавшемся кусте. Затем он ложится в нескольких шагах оттуда на землю, спиной вверх и, устремив глаза на заранее выбранную им птицу, если она только скачет там, *где он ее может видеть*, курумб терпеливо ждет. Вот что рассказывает К. Бетлор, бывший не раз очевидцем такой охоты.

В это время глаза курумбы принимают странное выражение... я замечал такое же только во взгляде змеи, когда она, поджидая добычу, устремляет его на жертву, *очаровывая* ее, а также в глазах черных жаб Майсура. Неподвижный, стеклянный взгляд этот сияет словно внутренним холодным светом, притягивает к себе и вместе отталкивает. За несколько рупий один курумб согласился позволить мне присутствовать при его ловле. Птица порхает и чирикает беззаботно, веселая, деятельная. Вдруг она останавливается и точно прислушивается. Склонив голову набок, она остается несколько секунд неподвижною; потом, встрепенувшись, видимо силится улететь. Она иногда и улетаёт, но весьма редко. Обыкновенно ее словно бы что-то притягивает в очарованный круг, и она начинает бочком приближаться к жердочке. Ее перышки взъерошены, она тихо и жалобно пищит, а все же подвигается маленькими нервными скачками... Наконец, она возле «очарованной» жерди. Одним скачком она перепрыгивает на нее и – судьба ее свершилась!.. Она уже не может сдвинуться с жерди и сидит на ней точно приклеенная. Курумб бросается на бедное очарованное создание с быстротой, какой позавидовала бы любая змея; дайте ему только несколько медных грошей вдобавок к установленной плате, и он пожрет птицу живою на месте, с когтями и с перьями. ^[84]

Таким образом двое курумбов *поймали* пару желтых ласточек для маленького Симпсона. Но они поймали вместе с этим и самого мальчика. Один из курумбов «очаровал» его, как очаровывал птиц. Он завладел его волей, стал управлять помышлениями, сделал из него положительно бессознательную вещь, которою и орудовал по воле, как гипнотизер полицейским агентом. Вся разница между двумя процессами состояла в том, что доктор начинал с видимых пассов и употреблял научный метод магнетизации. Курумб не делал ничего подобного: он, вероятно, только *поглядел* на него во время ловли, *дотронулся* до него.

С того дня с мальчиком произошла видимая перемена. Он сделался скучен, вял, перестал играть и бегать. Здоровье его не изменилось, и аппетит оставался здоровым, но он как будто постарел на несколько лет, и домашние часто замечали, что он ходит – точно во сне. Скоро в доме стали пропадать серебряные вещи, ложки, сахарницы, даже серебряное распятие, а затем и золотые вещи госпожи Симпсон. Между домашними поднялась тревога. Несмотря на все предосторожности и старания поймать вора, вещи пропадали одна за другою из крепко запертого шкафа, ключ от которого никогда не покидал старухи... Полиция, к которой обратились, оказалась бессильною напасть на след вора. Подозрение падало на всех и не могло остановиться ни на ком. Прислуга в доме была старая, и госпожа Симпсон ручалась за нее, как за самое себя.

Однажды вечером, получив из Мадраса пакет, в котором было тяжелое золотое кольцо, старуха, спрятав его в железный шкаф, положила ключ от него под подушку и решила не спать всю ночь. Для большего успеха она даже отказалась выпить свой обычный стаканчик пива на сон грядущий. Она уже замечала некоторое время, что выпив его, она как бы тяжелела и тотчас же засыпала.

Мальчик спал в чуланчике возле спальни. Часа в два пополуночи дверь из чулана отворилась, и при свете ночника она увидела входившего племянника. Она чуть было не спросила громко: что ему нужно; но разом спохватилась и со страшным замиранием сердца притаила дыхание. Он действовал точно во сне. Глаза его были широко раскрыты, а лицо

имело, – как она рассказывала на суде, выражение суровое, почти зверское. Он прямо подошел к ее кровати, тихо вынул ключ из-под подушки, так же тихо и ловко, что она скорее видела, нежели чувствовала его руку под собою. Затем он отпер шкаф, пошарил в нем, запер, снова возвратил ключ под подушку и ушел в чулан.

Таково было присутствие духа у госпожи Симпсон, что она осталась неподвижною после этого несколько времени. Ее любимый племянник, ребенок – вор! Но куда же он деваает украденные вещи? Она решилась ждать до конца и узнать тайну во всей ее полноте.

Тихо и быстро одевшись, она заглянула в чулан. Племянника там не было, но дверь во двор была отворена. Последовав за ним по горячим следам, она тоже вышла и увидела его маленькую тень у птичника. Ночь была лунная, светлая. Она ясно заметила, что нагнувшись у окна, он что-то зарывает в землю. Тогда она решилась ждать до утра. «Мальчик – лунатик», – подумала она, – «Вероятно, и все остальные вещи там найдутся. Будить его теперь и пугать напрасно...»

Она вернулась к себе, но не прежде, чем убедилась, что ребенок тоже вернулся в свой чулан. Проходя мимо его каморки, она убедилась, что он спит крепко, хотя его глаза были так же широко открыты, как и тогда, когда он подошел к ее постели за ключом. Это ее изумило и страшно испугало. Она долго стояла над ним, но решение ее «ждать до утра» не покинуло ее.

На другое утро, призвав сыновей, она рассказала им подробно ночную сцену. Они отправились с нею к замеченному ею месту у птичника и скоро нашли свежеразрытое место. Но там ничего не оказалось. Очевидно, у мальчика были сообщники.

Как только он вернулся из школы, умная старуха, поняв, что расспрашивая его, она вероятно ничего не узнает и только затруднит еще более раскрытие темного дела, приняла его по обыкновению, накормила завтраком и только зорко наблюдала за ним. Вставая по окончании завтрака, чтобы умыть руки, она сняла с себя кольцо и нарочно оставила его на столе. При виде золотой вещицы глаза мальчика загорелись и, полуотвернувшись, госпожа Симпсон ясно видела, как он быстро препроводил кольцо в карман. Затем он встал и равнодушно вышел из дому. Но тут, с поличным, она его остановила.

– Где мое кольцо, Том? – спросила она. – Зачем ты взял его?

– Какое кольцо? – равнодушно отвечал мальчик. – Я не видел вашего кольца...

– Но оно у тебя в кармане, маленький негодяй! – закричала она, дав ему полновесную пощечину. И бросаясь на спокойно стоящего мальчика, она вынула кольцо из его кармана и показала ему. Мальчик не сопротивлялся.

– Какое же это кольцо? – сердито спросил он ее. – Это горсточка золотого песка... я взял его для своих птиц... За что вы бьете меня?

– А все серебряные и золотые вещи, которые ты украл у меня за эти два месяца, тоже только зерна по-твоему, негодный лгун и воришка? Куда ты их девал? Говори сейчас, или я пошлю за полицией!.. – кричала старуха в ярости.

– Никаких вещей я у вас не крал... я никогда ничего не брал без позволения, кроме немного зерна и хлеба... для птиц...

– Где ты воровал зерно?

– У вас в шкафу... Но ведь вы сами позволили мне брать его. Такого золотого зерна нет на базаре, иначе бы я и этого у вас не просил...

Мистрис Симпсон поняла, что она находится лицом к лицу с какою-то непонятной для нее загадкой, со страшною тайной, разъяснить которую она не может, но что мальчик – припадок ли то с ним безумия или хронического сомнамбулизма – говорит лишь правду или то, чему он сам вполне верит...

Она догадалась, что сделала промах. Тайна далеко не разъяснилась. У мальчика должны быть сообщники, и она их откроет... Она притворилась, будто ошиблась и признает свою

ошибку. Сердце ее обливалось кровью, но она довела свой опыт до конца.

– Скажи мне, Том, – начала она уже ласково, – ты не помнишь, когда я дала тебе позволение брать для твоих птиц золотое зерно из железного шкафа?...

– В тот день, когда я добыл своих желтых пташек, – объяснил сурово мальчик. – За что же вы побили меня? Вы сами сказали мне: бери ключ у меня под подушкой, когда тебе нужно, бери золотое зерно для твоих птиц, оно здоровее серебряного... ну я и брал... Да его уже и мало осталось там, – добавил он с сожалением. – А без него мои птички все умрут!..

– Кто это тебе сказал?

– Он, тот, кто поймал для меня пташек и помогает мне кормить их.

– Кто же этот он?

– Не знаю? – с усилием отвечал ребенок, потирая себе лоб. – Не знаю... он, вы же его много раз видели... Он был здесь и три дня тому назад, во время обеда, когда я взял на тарелке дяди серебряное зерно, которое он положил на нее для меня... Он сказал: бери, дядя кивнул мне головой и я взял.

Мистрис Симпсон вспомнила, что в тот день, то есть за три дня до того таинственно пропали со стола десять серебряных рупий, которые ее сын только что вынул, чтобы заплатить счет. То была самая таинственная, необъяснимая из всех случившихся пропаж.

– Кому же ты отдал зерно?... Ведь вечером не кормят птиц...

– Я его отдал ему за дверью. Он вышел до окончания обеда. Да ведь тот день мы обедали днем, а не вечером...

– Как днем, в восемь часов вечера разве день?

– Не знаю, то было днем... ночи совсем не было... да ее давно уже нет!

– Господи! – заплакала старуха, всплеснув руками в ужасе. – Ребенок сошел с ума, он совсем обезумел!..

Но вдруг ее озарила мысль.

– Ну так возьми и это золотое зерно, – сказала она, подавая ему свою брошку. – Возьми и покорми птиц, а я посмотрю...

Мальчик схватил брошку и радостно побежал в птичник. Там, по рассказу его тетки, произошла сцена, которая убедила ее окончательно в расстройстве умственных способностей ее маленького племянника. Он бегал вокруг клеток и сыпал воображаемое зерно. Многие из клеток были пусты. Вероятно, птицы часто кормились таким образом. Но мальчик, очевидно, не замечал отсутствия птиц: он *тер брошку* между пальцами, как бы ссыпая с нее зерно, говорил с несуществующими птицами, свистел им, радовался.

– Теперь, *aunt*y («тетя»), я отнесу остальное на сохранение ему... Он прежде велел зарывать остаток вот тут, под окном, но сегодня утром приказал приносить ему туда... Только вы не ходите за мной... а то он не придет...

– Хорошо, мой друг. Ты пойдешь один, – притворилась старуха.

Задержав его под каким-то предлогом на полчаса, она послала тихонько от мальчика за базарным сыщиком и, посулив хорошую плату, приказала ему следовать незаметно за ребенком, куда бы он ни пошел.

– Если он что кому передаст, – распорядилась она, – то арестуйте того человека: он вор.

Сказано – сделано. Сыщик, призвав на помощь товарища, следовал целый день за мальчиком. Под вечер они увидели его идущим по направлению к чаще. Вдруг из-за кустарников выскочил уродливый карлик и поманил к себе мальчика, который направился к нему тотчас же, как автомат. Увидев, что ребенок *сыплет* ему что-то на руки, сыщики в свою очередь выскочили из своей засады и арестовали курумба с поличным в руках – золотую брошкой.

Курумб, впрочем, отделался несколькими днями ареста. Против него не было ни малейших

улик, кроме брошки, которую мальчик, как он объявил, отдал ему добровольно: по его уверению, «неизвестно, по какой причине». На суде показания маленького Симпсона, который бредил про «золотое зерно» и не узнавал курумба, оказались неподходящими. Во-первых, он был малолетний, а затем врач объявил его *неизлечимым идиотом*. Его свидетельства, как и путанные показания госпожи Симпсон, которая знала лишь то, что ей говорил этот неумняемый мальчик, пошли за ничто. Даже свидетельство сыщика, которое имело бы вес, так как он знал этого курумба за укрывателя украденных вещей, не могло быть заявлено. В день ареста сыщик заболел, а через неделю, за несколько дней до суда, он умер. Видно, «селезенка лопнула»! Его товарищ, поставленный на очную ставку с курумбом, которого он же помогал арестовать, клялся и божился, что не видел ничего и ничего поэтому не может сказать. Сыщик приказал задержать человека, он и помог задержать. Кроме этого, он не мог показать ровно ничего. Так этим история и кончилась.

Мы видели несчастного мальчика, которому теперь, впрочем, лет двадцать. Когда его нам показали, мы увидели толстого с отвислыми щеками евразия, который, сидя на скамейке за воротами, стругал палочки для клеток. Птицы все еще – преобладающая страсть, как и прежде. Он кажется умственно здоровым в отношении всего, кроме денег, золотых и серебряных вещей, которые продолжает называть «зерном». Впрочем, после того, как родные отправили его в Бомбей, где он провел под присмотром несколько лет, и эта мания начала у него проходить. Не проходит только одно его неудержимое желание *брататься* с курумбами. Он находится хотя и на свободе, но под строгим присмотром родных.

Кажется, было бы лишним доказывать, что «одурение», насылаемое курумбами на человека, и «гипнотизация» французского врача, *одна и та же сила*, пусть ее называют чем угодно.

Позволю себе закончить эту главу, напомнив читателю сказанное Вольтером в его «Dictionnaire Philosophique».

«Свидетельство о чем-либо должно считаться достаточным, когда оно основано:

1. На большом числе рассудительных очевидцев, заявляющих единодушно, что виденное ими они видели хорошо.
2. Когда эти очевидцы здоровы телесно и умственно.
3. Когда они выказали себя беспристрастными в этом деле и безо всякого лицепрятия.
4. Когда они единодушно соглашаются.
5. Когда они серьезно подтверждают раз показанный факт».

Эти условия исполнены в нашем рассказе все до одного в отношении *чар и колдовства* муллу-курумбов.

Посмотрим, однако, будут ли наши показания, подкрепленные свидетельствами стольких беспристрастных очевидцев, приняты скептиками. Или же публика, за немногими исключениями, все-таки по своему обыкновению пожелает остаться, невзирая на всю философию Вольтера, *plus catholique le pape...*

Заключение. Tempora mutantur et nos mutamur in Illis.

Ich bin der Geist der stets vemeint.

Faust (Goethe).

Наша сказка была окончена. Хотя собранных нами фактов о «колдовстве» на «Голубых горах» достало бы на три большие тома, и хотя все такие случаи проверены, мы кончаем пока на этом. Наша цель заключалась не столько в воспевании тоддов и муллу-курумбов, как в том, чтобы, показав публике их *modus operandi* в делах «белой» и «черной» магии, лишить колдовство его сверхъестественного колорита. Мы старались доказать, что пословица: «Глас народа – глас Божий», не лишена основания. Все дело состоит в отсутствии предубеждений и лицеприятия, да в правильном воззрении на такие выходящие из ряда вопросы.

А теперь дадим и нравоучение фабулы. Постараемся показать, что материализм Бюхнера и Молешота, позитивизм Гёксли и других английских поклонников протоплазмы и их немецкого барда Геккеля, если еще не находятся на смертном одре, то, во всяком *случае*, получили смертельную рану и носят в себе зародыш собственного и весьма скорого разложения.

Если лондонское «Психическое общество исследователей», во главе которого состоят столько членов «Королевского Общества» и столько знаменитых ученых и литераторов, профессоров и философов, теперь уже смело стало печатать свои «Трансакции» [\[85\]](#) и научные опыты над всевозможными психическими явлениями, то, быть может, пришло время и русским ученым взглянуть на трансцендентальные феномены медиумизма немного посерьезнее.

Повторяем: *adusus non tollit usum*. Грубые шутки и остроты над одною из самых непроницаемых тайн веков, в настоящее время, как бы вдруг замерли в лучших европейских журналах; а наука, по крайней мере в Англии, если еще и не сказала своего последнего слова, то, по крайней мере, начинает впервые серьезно присматриваться, к так называемым, феноменам психизма в человеке. Первые в мире авторитеты по части физиологии и биологии, даже доселе непоколебимый Гёксли, принуждены были один за другим сдать перед следующим явлением: «передачей мысли», *thought transference*. Мысль невысказанная и охраняемая в тайнике мозгов экспериментатора вдруг передается, озаряет мышление другого человека, без помощи какого-либо из известных нам пяти чувств. Эта способность – почти что доказанный теперь факт в науке.

То, что еще несколько лет назад называлось *неуученою* публикой «сверхъестественным», а *переуученою* – сумбуром; то, что еще так недавно клеймилось, как суеверие, бредни, обман, начинает приобретать права гражданства, мало-помалу прокрадывается в каталог научной терминологии. Ирвинг Бишоп и его соперник Стюарт Кэмберланд, оба шарлатаны: об этом не спорим, но что оба обладают способностью, особенно первый из них, читать мысли в головах самых скептических экспериментаторов, – тоже *доказанный* факт.

Этими опытами, весь заинтересованный психическими явлениями люд обязан вышесказанному обществу.

Но что такое «Общество Психических Исследователей»?

А вот что. После того, как, вместо благодарности, химик Крукс, за свои трехлетние наблюдения и опыты с медиумами, получил от своих «коллег» одну брань да оскорбления, в продолжение нескольких лет никто из известных ученых Англии не смел следовать его примеру.

Но спиритические явления не прекращались, а шли не только своим чередом, но в своем разнообразии и количестве постоянно увеличивались. Несколько ученых, под покровом ночи, стали снова осторожно и неслышно пробираться в запрещенные официально наукой и общественным мнением лагеря. Серьезно исследовав некоторые явления, они объявили их действительностью: сперва под шумок, а затем и во всеуслышание. Получив опять отпор у «начальства», то есть, у великих тузов Королевской Академии, они решились на отчаянный шаг: они основали в своей среде общество и назвали его Society for Psychical Research.

Это было около трех лет тому назад. Главными деятелями Общества явились профессора из Оксфорда и Кембриджа, и профессор Баррет – из Дублина. Мало-помалу Общество стало приобретать членов. Учредились коллатеральные общества: появились *commis voyageurs* для разыскания всяких «психических» явлений; завелась корреспонденция сперва в одной Англии, затем, почти во всех углах земного шара: даже нечто вроде *Comité de Surveillance* был учрежден над главными медиумами. Все феномены спиритизма, месмеризма, ясновидения и так называемого «духовного зрения» (*second sight*, дар, как всем известно, чрезвычайно обыкновенный в Шотландии) наблюдаются и записываются.

Приступают они к делу разумно и очень тщательно. Дабы уяснить и доказать реальность таких явлений, «Общество Психических Исследователей», обладая большими средствами от годового взноса членов и пожертвований, учредило целую сеть интернациональных комитетов, составленных из людей беспристрастных, ученых и не-спиритов. Спириты не принимаются в его комитет. Эти исследователи (*investigating committees*) только и делают, что собирают сведения о странных явлениях и случаях «двойников», не от спиритов или особ, склонных к спиритуализму, а от личностей, известных своею правдивостью, скорее заинтересованных доказать противное, от людей образованных, с положением в обществе, а главное от *очевидцев* таких явлений. Таким образом, собрано почти в первый год и в одной Англии до 7000 случаев.

Для разборки и проверки таких случаев наряжают над ними настоящие следствия, комиссии, в которых роль следователей играют ученые, адвокаты, судьи и особенно известные своею принципиальностью законники (*lawyers*). Затем, протоколы передаются на рассмотрение главным ученым, которые, выбрав самые замечательные из явлений, анализируют их, совершая лично научные опыты с медиумами, *à la* Крукс и Цёльнер.

Сперва они действовали очень осмотрительно и осторожно, подвигаясь медленно, но верно. Большая часть из ученых двигателей Общества была пока только открыта убеждению: она выжидала. Но теперь есть много и таких, которые совершенно и вполне верят: они убедились. ^[86]

Психисты закончили тем, что одною силою фактов завербовали мало-помалу некоторых из первых английских и французских ученых. Теперь Общество находится под председательством известных профессоров Бальфура Стюарта и Седжвика (*Sedgwick*) из Кембриджа, и в нем работают профессор Оливер Лодж (восходящая звезда химии), профессор Баррет и пр. – все члены Королевского Общества. А желаете знать, о чем они рассуждают, каким явлением занимаются преимущественно в настоящий год? Загляните в их ученый журнал за июль, и вы увидите: *собранием фактов от очевидцев о виденных ими привидениях!!* Да, об этом вопросе, который Королевское Общество не допустило бы, еще так недавно, проникнуть даже на свои кухни; английские ученые рассуждают, держат о нем прения так же серьезно, как бы вместо «материализованных» покойничков дело шло о лучистой материи Крукса! Знамение времени!

Хотя члены-корреспонденты и комитет Психического Общества принимают по своим статутам свидетельства о разных констатированных явлениях только от очевидцев; хотя такие очевидцы должны быть обязательно: а) лицами хорошо известными и всеми уважаемыми в своих околотках; б) по возможности не спиритами (показания отъявленных поклонников «духов» если не во всяком случае отвергаются, то должны всегда быть приняты *cum grano salis*),

и с) особами почтенными во всех отношениях; но невзирая на все эти ограничения, число собранных случаев о привидениях, как *живых* лиц, так и *умерших*, превысило бы ожидания самих «спиритов». Никому и в голову не приходило, чтобы в одной Англии являлось столько «привидений» вне спиритических кружков...

Психическое Общество ученых исследователей заключило свою трехлетнюю деятельность собранием около 3000 вполне доказанных визитов не то *d'outre tombe*, не то *двойников*. В последнем ежемесячном заседании Общества в Лондоне, под председательством профессора Бальфура Стюарта, читались протоколы, и лекторы рассуждали о характере таких явлений. Залы были битком набиты публикой, преимущественно аристократией, очень падкой в Англии на странствующих мертвецов. Кроме аристократии было великое множество теософов и спиритов. Защитники теории о «духах» торжествовали: теософы молчали и выжидали.

Спич секретаря^[87] был знаменателен.

– Мы ищем пока, – говорил он,^[88] – первопричинность таких явлений не в трансцендентальной физике, а в области физической психологии... Все наше внимание и исследования обращены в настоящую минуту на феномен *явлений призраков живых людей*, то есть на то, что мы все давно знаем под именем «двойников» (*Döppelgänger*). Мы оставляем на время случаи (они в меньшинстве) явления умерших людей... Мы должны выбирать между теориями спиритов и теософов. Одни видят в них духов умерших, другие – *двойников живых*, или же только что умерших людей. До сих пор результаты наших исследований склоняются скорее к теориям и учению теософов, нежели к объяснениям спиритов.^[89]

Этого нам только и надо. Научное доказательство существования *двойников* у живых людей должно установить и возможность показанных нами фактов о посещении курумбами в «астральном» теле своих жертв, а затем установить и реальность самого колдовства. Только тогда может оно, не теряя ни своего условного, ни своего фактического значения, перейти в сферу доказанных наукой психических фактов, быть вполне разоблаченным и понятным. То было бы огромным важным шагом вперед в истории всего человечества. Свет истины озарит тогда все темные углы векового суеверия. Много загадочных, необъяснимых и поэтому отвергаемых фактов из области так называемых «спиритических» явлений примут тогда более правдоподобный и естественный колорит. *Колдовство* с его темными чарами и ведьмами на первом плане явится тем, что есть: то есть психофизиологическим явлением, которое должно было бы давно уже, со времени первых стуков в столах и мебели, занять главное место в исследованиях биологов.

Допустим на одну минуту, ради сравнения, что такой полуматериальный двойник существует в человеке.^[90] Затем вспомним реальность и силу виденных многими гипнотических или месмерических явлений. Эта тоже, и почти во всей их полноте, доказаны научными наблюдениями. Теперь посмотрим, где, в чем существует логическая невозможность «колдовства» и его явлений.

Что такое в самом деле «колдовство»? Начнем с так называемого «глаза» или «порчи». Это просто передача невидимым и неуловимым способом болезней, несчастий, смерти людям и даже животным. Биологи и физиологи, отрицая такую возможность, имеют столько же права отвергать ее, как и другой, параллельный ему факт, в который они, однако же, верят; а именно: в передачу столь же неуловимым и доселе весьма мало объяснимым ими процессом *прилипчивых болезней*. Допуская гипотезу невидимых зародышей в воздухе, бактерий и тому подобных предположений, почему им не допустить того же в области духовной или, как это называют, «психизма»? Если они допускают существование какой-то *психической* силы, исходящей из глаз и оконечностей одного человека, которая, будучи им направлена на другого человека, силой ли одной воли или при помощи металлов, завладевает его помышлениями и органами – то есть

гипнотизм, – то какое же они имеют право, не рассмотрев и никогда не изучав приемы колдовства, отрицать возможность действия в нем той же силы?

Мы говорим прямо: зло, причиняемое так называемым колдовством (грубым материализмом или, по его настоящей кличке, гипнотизмом), не есть пустая басня. Оно существует и скоро будет доказано, как был доказан месмеризм, так долго отрицаемый и наконец принятый с переменой названия. А когда это свойство в человеке будет признано наукой, то и закон сумеет положить конец его злоупотреблениям. Есть сознательное, как и бессознательное колдовство. Сомнамбул действует двояким образом: ^[91] под влиянием собственного и под давлением постороннего импульса, то есть *магнетизера*. Этот последний, если он злой, мстительный, порочный человек, может причинить своим *субъектам* совершенно безнаказанно и верно громадный вред. Направив зараженную пороками мысль и силу воли на выбранную им жертву, особенно, если она гораздо слабее его, магнетизер может возбуждать в ней какие угодно страсти, привить зародыш любой *болезни*, наконец, даже умертвить ее со временем. Если доказано, что гипнотизеры овладевают совершенно мышлением субъектов, заставляя их видеть несуществующее, слышать воображаемое и т. д., что они могут заставить человека умственно и физически здорового вообразить, что стул есть лошадь, что он садится на нее, скачет, затем, что она понесла его и он падает с нее, ломая руки и ноги. Если все это может сделать простой гипнотизер, то почему же не сделать этого колдуну? Как мы не раз показывали во время нашего рассказа, разница между гипнотизером и магнетизером, с одной стороны, и колдуном или природным гипнотизером, с другой, только в количестве и качестве, высылаемой ими силы или *тока*. Если один может действовать так сильно на органы мышления, что способен произвести временное умопомешательство, а другой, направив ток на зараженный орган, вылечить его, произведя благотворительную в нем реакцию, то почему же, спрашивается, так нелегко верить, что *колдун* также способен, направив «змеиный взгляд» (тот же магнетический ток) на какой-нибудь из жизненных органов выбранной им заранее жертвы и, безостановочно *портя его*, убить человека так же, как и зверя?

Затем, вот новое доказательство, что разница между злым, порочным, мстительным магнетизером и колдуном только в имени.

Почему, спрашивается у доктора Шарко и других ученых, которые убедились в действительности «животного магнетизма», как только переменили его название на «гипнотизм», если здоровый магнетизер может уделить часть своей жизненной силы, *vitalité* (излишек того, о чем медики ничего не знают), своему пациенту, то почему бы ему, наподобие вампира, также и не вытянуть из своей жертвы ее последние силы? Если верить в одно, то нельзя не верить в другое. А раз поверив, или скорее убедившись в обеих возможностях, невозможно не признать в колдовстве и действии гипнотизма одной и той же врожденной в человеке присущей ему силы.

Есть много таких *легально доказанных* случаев, когда магнетизер учинял преступления и долгое время безнаказанно совершал такие отвратительные поступки, перед которыми муллу-курумб, «испортивший» маленького Симпсона, простой шалун, школьник. ^[92] Сила воли такого негодяя – то же колдовство, *порча*, а порочное воображение – те же чары: а если вдобавок одаренный такою силой человек власть имеет направлять на темные дела *двойника* либо собственного, либо своей жертвы, то чем же он отличается от муллу-курумба? Зло, на которое он способен, может в таком случае принять положительно грандиозные размеры явлений средних веков: «Луденских бесноватых» или «Салемских ведьм» пуританской памяти в летописях Новой Англии. ^[93]

Вследствие полного неведения науки о том, что такое «жизненная сила», что возбуждает ее проявление и что заставляет ее бесследно исчезать, а поэтому и токов или силы животного

магнетизма, мы протестуем против решений науки в таких вопросах. Не изучив силы по причине ее неуловимости и незнания самой ее сути, никто не может судить о ее свойствах, функциях, степени, менее же всего – о ее размерах и могуществе. Мы настаиваем на том, что современные ученые, физики, химики и биологи не имеют права называть невеждами и суеверными глупцами верующих во многое такое, чего помянутые ученые еще сами не знают, а главное, положительно отказываются узнать, то есть заняться такими вопросами. Будучи решительно не в состоянии объяснить нам, что такое «жизненная сила» даже в ее принципе и не имея понятия о ее Протеевских способностях, как могут они требовать от нас повиновения их авторитету или уважения к их решениям в таких случаях? Мы знаем одно: эта сила грозит не только развенчать их материю, но и залить весь земной шар волной суеверного безумия, если наука не построит вовремя крепких плотин; а пока ученые этого не сделают, мы отрицаем требуемое ими право сидеть над нами ареопагом.

Все затруднения господ, стоящих во главе науки, заключаются в опасении, как бы новые учения так или иначе не опрокинули их излюбленной теории *материального начала* вселенной. Не позволять ни врагу, ни другу, ни своему, ни чужому искать ключ к явлениям жизни и мышления вне тесных рамок физиологических и физических законов, – вот главная задача и вся причина упорства против серьезного исследования феноменов спиритизма и прочих *суеверий*. Суеверия, положим, в отношении ко всем таким таинственным явлениям есть достаточный процент; но кто же в этом виноват? Все те же ученые. Видя, что их излюбленный метод никогда не может привести к полному решению проблем, как внутренней, так и внешней жизни, общество, получая постоянно отпор и одни отрицания фактов, которые для него сделались давно неоспоримой действительностью, наконец, весьма естественно взбунтовалось. Оно само стало искать решения задач, и, судя поверхностно, как то делают массы вообще, оно, конечно, искало вкривь и вкось, пока не доискалось и не вышло из этого умопомрачения и сумбура.

Нам передавали лица из Петербурга, что еще недавно на сеансах спиритического кружка в Царском Селе являлся материализованный дух пьяницы, который начинал с того, что требовал водки и пил ее. Затем обычно посетительницею этих сеансов было жившее несколько лет тому назад «погибшее, но милое созданье», какая-то не оставившая и по сие время своих вкусов и привычек куртизанка. Наконец, дело дошло до того, что в кружке появилась материализация того самого осла, на котором Иисус Христос въезжал в Иерусалим! Если это было так, то по нашим теориям, последнее явление было эмблематическим отражением, *an figure*, присутствующих.

То же происходит и во Франции, и в Англии. Покаявшийся, умерший на кресте разбойник, воплотившись в сапожника-спирита, узнает своего товарища «непокаявшегося» в маркизе Сен-Жерменского предместья, тоже спирите. Маркизу такое публичное признание не понравилось, и он дает «первому разбойнику» затрещину. *Tableau*: обоих отправили в полицию.

В Европе и в Америке более двадцати миллионов спиритов и спиритуалистов, людей более или менее образованных. Первые верят, что Людовик XV воплощен ныне в *madame Babelin*, их парижском медиуме, а покойный *Allan Kardec* собственноручно ведет счетные книги «Спиритического Общества»; что бабушка г. А. сделалась его меньшим сыном, а сам г. А. может воплотиться в короля на Юпитере. Спиритуалисты же, отвергая доктрину *реинкарнации*, верят в умерших, не разнящихся ничем от живых; в загробную жизнь духа нетленного, на лад жизни земной; что духи умерших отправляются жить в страну где-то среди Млечного пути, где они едят, спят и женятся и чуть ли не играют в винт (см. сочинение *Andrew Jackson Davis* “*Stellar Key*”).

Всеми такими бреднями, именуемыми у спиритов «философией», человечество обязано ученым. Настаивая на том, что все факты медиумизма и феномены спиритизма – один обман

или галлюцинация, они заставили образованные массы следовать влечению ума и сердца, неудовлетворенных все разбивающею наукой, и удовольствоваться одною обманчивою наружною стороною явлений. Вытесняя систематически из среды человечества мысль даже об отвлеченном божестве и убивая в нем всякую веру в бессмертный дух человека, современная наука собственноручно толкнула алчущих и жаждущих веры в жизнь загробную, прямо в идолопоклонство. Теперь поправлять зло уже поздно. Вера в богов, теней человечества в *larvae* древних римлян, часто в собственный *двойник*, отражающий образы, созданные если не памятью, то воображением в полумраке спиритических *сеансов*, сделалась теперь *религией*. Только теософы смело разоблачают «духов», срывая с них иногда сознательные, чаще бессознательные маски. Несмотря на эту прямую помощь науке, теософы получают такой же отпор от ее жрецов, как и спириты. Большинство ученых все еще отворачивается от нежелательных фактов: только меньшинство спохватилось, основав «Психическое Общество» ученых исследователей.

Эти допускают идею, что в человеческой машине есть, *быть может*, две лицевые стороны: телесная и духовная. Их *ересь* против положительной науки дошла до того, что они даже соглашались с педантами, что тело – не более как подкладка души, ее «ножны», нечто вроде земного мундира, который, как забрало, кольчуга и латы средневековых рыцарей, скрывает *настоящего* человека с головы до ног. Многие из них вполне убедились, что при особенных психо-физиологических условиях, этот человек, то есть оригинал, тело которого – одна грубая копия с него, или *двойник*, может отделаться от своей телесной скорлупы и явиться воочию объективно на несколько минут людям *до* и *после* смерти.

Воистину, знамение времени! Шарко с его сотнями последователей в Париже! Психическое Общество – с его тысячами в Лондоне!

Эти ученые, из коих некоторые верят еще пока в «привидения», держат себя, однако, в отношении к спиритам хотя и ласково, но на расстоянии, желая внушить им, как и нам, чувство своего превосходства. Разница между нами действительно огромная. То, что мы по простоте душевной зовем «колдовством» и «глазом», они именуют «зловредным психическим влиянием», *evil psychic influence*. Оно, положим, и звучит как-то нежнее (хотя и непонятнее), кажется и учение и внушительнее. Но ведь, право, называя дворняжку *львом*, мы ее этим не превратим в царя пустыни, а останется она для всех зрячих тою же шавкой. Вся разница между нами только в терминах: наши названия, хотя народные, зато понятные; а их-то, что русские барышни в губерниях зовут *экивоком* да «жалкими словами». Как уже заявлено, многие психисты принадлежат и к нашему обществу. Но, сознаваясь в этом открыто, как частные лица, часто пользуясь нашей помощью и объяснениями, как «члены ученого Общества» психические исследователи вряд ли сознаются в этом, предпочитая надевать на наши вульгарные, но зато всем понятные названия «фальшивые носы» из греческого и латинского лексиконов.

Вот наглядный пример.

Недавно, а именно в конце июля, в гостиную мистрис Т. приятельницы «О.К.» (О.А. Новиковой) собралось человек тридцать ученых и аристократов. Сэр А.Ф. рассказывал мне во всеуслышанье и даже похвалялся о своем фатальном даре *убивать людей на расстоянии и одною недоброю мыслью*. Он назвал в присутствии ученых профессоров-психистов несколько хорошо известных в лондонском обществе лиц, которых он, к своему сожалению, *умертвил нечаянно* только потому, что, рассердясь, пожелал им «нехорошего». В трех различных случаях приятели-скептики делали с ним опыты и убедились в его силе. Одна молодая, здоровая и очень красивая дама лучшего общества, которую он тут же и назвал, желая ему помешать быть выбранным в парламент, стала клеветать на него. Узнав об этом, он воскликнул в ярости: «женщина, обладающая таким ядовитым языком, достойна смерти!» По собранным справкам она в тот же

день заболела, а через месяц умерла.

– Да это чистое колдовство, черная магия по-нашему! – воскликнула я в негодовании. – Это ужасно!..

– Извините, – учтиво перебил меня сидевший возле меня кембриджский профессор-«психист», – мы не верим в Европе в колдовство, тем менее – в *магию*... Если это было так, как сэр А. рассказывает, а у нас записано много таких случаев, то мы называем такое действие на расстоянии *зловредным психическим током*, действующим наподобие месмерических токов.

Разлучившись в Индии великосветским манерам, я чуть было не расхохоталась почтенному профессору в лицо.

Английский ученый, верящий в возможности действия nefarious psichical current на расстоянии, не имеет права критиковать веру в колдовство.

Но дело не в названии, а в неоспоримой тождественности изучаемых нами явлений.

Ученые, дующиеся на Психическое Общество, но не смеющие идти открыто против стольких собратий, явно презирующих спиритуализм и зовущие теософов «неолунатиками» (попросту сумасшедшими), объясняют свои враждебные чувства ко всему отвлеченному тем, что точные математические науки не принимают ничего на веру, отвергая существование всего, что не может быть проверено при помощи научных аппаратов, одним из наших пяти чувств и пр. и пр.

На это мы могли бы ответить многое. Мы могли бы, например, заметить им, что ведь принимают же они на веру эфир пространства, вещество, ускользающее от наблюдения нашими *чувствами*, гораздо более любого на сеансе духа. Но они положили верить в светоносный эфир, потому что никакие усилия их воображения не могли выработать ничего лучшего этой гипотезы, объясняющей явление света, а их научные заключения касательно этого самого «света» на основании физики? Давно ли они пришли к ним? Еле прошло несколько лет с того времени, как счастливая мысль, что свет и есть качество этого самого гипотетического эфира и зависит от его вибраций, озарила, их головы, но зато и перевернула вверх дном все их прежние атомистические теории о свете...

Мир состоит не из одних атомов, и сами ученые, как это всем известно, должны были определить материи второстепенное место, а силе, о которой они тоже ничего не знают – первое. Если ученые находят логичным и в гармонии с духом индуктивных наук верить в эфир пространства и в закон тяготения, зачисляя эти невидимые, неосязаемые вещества и силу в каталог естествознания, то почему же им этого не сделать и в отношении к душе человека? Но они отказываются допустить такую ересь, как душа, и отвертываются даже от *полуматериального* призрака, который мы называем «двойником». Если обе вышеупомянутые гипотезы возникли вследствие длинного ряда вполне доказанных своим и неопровержимых научных фактов, обязанных открытием индуктивному способу, то ведь все-таки сами они, невзирая на все заключения, не более как гипотезы. Правильность заключения в силлогизме отнюдь не доказывает правильности первой посылки. Душа заявляла не менее эфира и тяготения свое присутствие и существование со времен первого человека; а двойник, как это доказывают 3000 констатированных Психическим Обществом явлений, заявляет себя не менее объективно, чем «лучистая материя», *четвертое* состояние материи, так недавно еще осмеянное господами учеными. Как эта материя может быть сделана *видимой для всех* лишь вследствие известных комбинаций газов и электричества, так и «двойник» может быть усматриваем только при известных психофизиологических условиях. Как бы там ни было, а если не удастся доказать, что, как все 3000 упомянутых случаев, так и показания спиритов, а вместе с ними и ученые наблюдения химика Крукса над двойником «Katie King» – один обман и галлюцинация, то ведь

придется же *volens nolens* ученым признаться и «привидениями».

Вследствие всего этого мы и говорим: если суровый закон индукции позволяет последователям *точных* наук, вследствие вибраций света до упавшего яблока, предполагать, а теперь и возводить на высоту непреложной истины существование, как эфира, так и закона тяготения, то почему бы им и не допустить, хотя бы тоже пока под видом гипотезы, не только «двойника», но и самую душу человека? Неужели проявления души менее очевидны, нежели эфир пространства и тяготение, а сама душа еще осязаемее или гипотетичнее последних? Если ученые имеют основание назначать светоносному, и для них все еще гипотетическому эфиру роль *физической души макрокосма* (нашей солнечной системы, или их мира), существование которой заявляется ее явлениями света, тепла и пр., то и мы имеем такое же, если не гораздо большее основание относить к существованию души, которая есть светоносный эфир *микрокосма*, или человека все наши так правильно названные «душевные» проявления...

Если нам на это возразят, что одно принадлежит физическому миру, а стало быть и подлежит точным наукам, а другое – к миру отвлеченностей и есть прямое достояние метафизики, не допускаемой материалистами в разряд их наук, то мы напомним ученым, что такое разделение есть дело их же умов. Но не природа, а они сами начертили такую разделяющую линию; да и начертили-то они ее, не имея на это ни основания, ни права. Разве они знают, что такое материя, что *не-материя*, позволяя себе так своевольно распоряжаться в области природы? Готовы ли они сказать нам, где кончается вещество и где начинается чисто духовная область, или даже то, что они теперь величают «силой», произнося это слово, как попугай, не понимая сами значения придуманного ими термина? Впрочем, пусть они называют вещи какими им угодно именами, но пусть только перестанут уверять публику, что их световой эфир, например, менее гипотетичен, нежели отвергаемая ими душа в человеке. Этим они только морочат добрых людей, подают им камень вместо хлеба и бросают их прямо в объятия грубого суеверия.

Когда благодаря усилиям более благоразумных и честных их собратьев реальность «двойника», или той внутренней и во всех нормальных проявлениях нашего повседневного существования невидимой оболочки души, в которую *мы* верим, станет доказанным в науке физиологии явлением, тогда все мы, вероятно, узнаем что-нибудь более о веществе этого призрака. Но до тех пор нам остается довольствоваться тем, что мы знаем (или *думаем*, что знаем, что опять-таки равняется положению ученых) об этом полуматериальном существе. Пока мы полагаем, что «двойник» есть *внутренняя* тень человека, отражающая его в свете души, как тень земная отражает его фигуру в свете солнечном *наружно*, что эта тень остается обыкновенно невидимой и неосязательной; но что вследствие душевного сотрясения или желания, полного разгара страстей, большой опасности – эта тень может отделяться от физического тела и проявлять себя независимо от физических органов...

Вот что мы думаем теперь, несколько, впрочем, не называя, как это делают наши ученые, своих предположений и умозаключений последним словом *нашей* науки, как и не выставляя их непогрешимыми. Только следя за наукой и часто весьма изумительными парадоксами ее избранных жрецов, мы чувствуем за собой такое же право, как и она, довольствоваться собственными выводами и утверждать, что наша гипотеза ничуть не слабее их собственных. Доказательством этому служит то, что они мечутся, как угорелые, между рогами созданных ими самими, и как мы это тотчас докажем, *совершенно безвыходных* дилемм.

Через несколько лет, когда такие случаи двойников и привидений станут доказанными в физиологии фактами, благодаря одному лагерю ученых, что тогда скажет другой лагерь, ярые материалисты? Какой отпор они придумают фактам? Как ответят они или объяснят то, что при их настоящем взгляде и успехах в биологии, откуда они изгоняют все, кроме протоплазмы,

останется совершенно необъяснимым?

Заставить их включить душу человека в каталог ученых терминов, конечно, трудно. А вот «двойника» — так им наверно придется еще анализировать. Само собою разумеется, что они выйдут из затруднения, объявив, что «двойник» вовсе еще не доказывает бессмертия души, что если он и есть, то это лишь показывает, что на этой земле все-таки умирает только физическое тело человека, которое, быть может, и существует еще несколько времени в своем астральном или эфирном виде. Это, например, всякий биолог готов будет сделать, даже не отбрасывая своего чисто материалистического воззрения на человека, когда неведомое ему теперь (и поэтому считаемое им несуществующим, невозможным) станет ему известным, он признает его вполне возможным, даже совершенно естественным. Ввиду именно такой возможности мы и советуем ученым биологам приготовиться. Сделать это не трудно. Биологу только стоит сбросить с себя мантию непогрешимости, отрешиться от своего заносчивого *non possumus*, покаяться перед фактами и смириться перед неизбежным. Если ему так приятна мысль считать себя после смерти на одном уровне с дохлой крысой или замученною им на вивисекции собакой, то он может смириться и подчиниться, несколько не веруя для этого в бессмертный дух человека, а просто допуская, как сказано, продолжение его сознательной (или иначе) посмертной жизни в полуматериальной оболочке. Пусть биолог только покается, сознавшись, что он ровно ничего не знает о тайнах жизни и смерти, и что он доселе отвергал то, о чем он положительно находился в таком же неведении, в каком находится всякий папуас касательно протоплазмы!..

Готов ли материалист на такое покаяние? Есть, впрочем, великие ученые, которые неоднократно заявляли всенародно свое невежество касательно первопричинности атома и даже самого его существования, например, Тиндаль, Конт, Бальфур Стюарт и даже сам великий Гексли. Но такие минуты героической честности не мешают остальным ученым и даже самому Гексли спекулировать на счет «жизненного принципа» и, зная еще так мало о физической машине человека, делать выводы и заключения о начале человека, о первобытном атоме, о жизненном принципе и тому подобных безделицах.

Нам кажется, что они сделали бы умнее, изучая все явления, все феномены жизни и смерти, не пренебрегая ни одним, даже из области самого глупого, по их мнению, суеверия. Если только единодушное показание достаточного числа свидетелей, разумных и беспристрастных, доказывает биологу-материалисту, что собранные факты о «двойниках» живых людей (и даже о *привидениях* умерших) не могут быть всегда объясняемы «случайностью» и «совпадением», то нам кажется, что прямая обязанность ученых исследовать даже *колдунов* и *привидения*. Посмотрим, однако, на чем основано их почти общее предубеждение против существования души и духа в человеке и, стало быть, против его *двойника*.

В заключение мы ставим биологам, именно тем, что отрицают все вне материи, прямой вопрос: что и сколько они знают, например, о жизненной силе или принципе? — Ответ нетруден: ровно ничего. Но они учат о нем, невзирая на свое невежество; и вот что именно учат:

Всем известно, что этот «принцип» — таинственный, загадочный, невидимый и неосязаемый, ускользающий от всех наблюдений точных наук, дается им пока в руки столько же, сколько *эликсир жизни*, над которым они еще до сих пор смеются, давался в руки средневековым алхимикам. Все так же хорошо знают, что их математики не успели открыть его в известных нам измерениях пространства; что их физики напрасно гонялись за ним в области ускользающих от них атомов; а химики не нашли его еще пока ни в одной из знакомых им молекулярных комбинаций... Но такой неуспех весьма мало смущает их. Они прямо отвергают существование жизненной силы вне материи, или даже в относительной независимости от нее; и на наш вопрос: «Так где же она, что такое, наконец, этот пресловутый принцип по их

мнению?» – отвечают нам, указывая на протоплазму!!

Биология, *наука жизни*, по нашему смиренному мнению, величайший парадокс современной науки. Это чванный апофеоз собственному невежеству, памятник мифу, на котором профессор Гексли и построил свою великую репутацию, объясняя протоплазмой все явления, как и все тайны жизни и смерти.

Взглянем, как ловко биологи объясняют нам этот вопрос. «Разве физика, – говорят они нам, – не доказала всему ученому миру, что во вселенной не существует *ничего*, кроме *материи в движении*; химия – что протоплазма именно и есть та материя, а биология – что жизненный принцип или *сила*, только один из способов или функций этого вездесущего божества материи в ее состоянии как *perpetuum mobile*?»

Этот аргумент, повторяемый на все лады знаменитейшими учеными, напоминает нам логику великого русского мыслителя Козьмы Пруtkова. Нашим изобретателям «химико-физической теории жизни», таким образом, и в голову не приходит вся нелепость сопоставления их «химико-физической теории жизни» с их двумя главными аксиомами отрицания, которые так диаметрально противоречат ей; а именно: 1) с теорией вечного движения и 2) теорией произвольного зарождения.

«Теория первая – они нас учат – *немыслима*, вторая – абсурд. Произвольное зарождение не было еще доказано наукой ни в одном случае».

Но что же такое их «космос материи в движении», как не прямое представление *вечного движения*? Разве это не *perpetuum mobile* «глупых», по их мнению, поэтому и видевших глупые сны средневековых алхимиков? А их химико-физическая теория о жизни? Разве это не другое название для «произвольного зарождения», величаемого ими «абсурдом»?

Выходит, что наша современная наука просто-напросто села на мель. А сев, принялась выдумывать спасательные теории, затем и придумала фантастическую машину в вечном движении, без начала и без конца – машину, которая к тому же, видимо, изобрела сама себя и сама собою дала себе импульс; хотя ее способность движения без начала в вечности, то и время, когда был ею дан этот первый импульс, должен заставить математиков сильно призадуматься... Но в глазах науки это безделица. Коль скоро ученые открыли в бездонной пропасти своего молекулярного мозгового пространства такую машину, остальное не представляет никакого затруднения. Собрав ее по частям, наш ученый атеист представляет свою чудную, самоизобретенную «космос-машину» публике и просит поверить ему на слово, что она, вдобавок, снесла самовылупляющееся же яичко...

У биологов это зовется «доказанным и неопровержимым фактом науки», последним плодом их древа познания. Тайна жизни открыта в этом запрещенном плоде, имя же ему – *протоплазма*. Это химическое вещество и есть – не угодно ли видеть? – доселе ускользавший от ученых-биологов «принцип» или жизненная сила: *ergo*, «жизнь есть свойство протоплазмы». И так это все просто и естественно, и мило, что нам остается лишь добродушно посмеяться над глупостью, как собственной, так и наших праотцев, бредивших о какой-то *душе*, *духе* и подобных *анти*-научных предметах. Так прокричим же ура! «Нет бога кроме протоплазмы, и Гексли пророк его!» Теперь нам остается только выдумать биометр для измерения кубического содержание *души* и *духа*, и современная наука может спокойно почить на заслуженных лаврах...

Но что делает во время такого преподнесения ей атеистом самозарождающегося *космоса* образованная публика? Публика кланяется, умиляется и благодарит. На то и авторитет науки, чтобы держать профанов естествознания в повиновении и страхе. Публика тут уж ровно ничего не понимает; но чем менее она понимает, тем более растет ее уважение к науке. Так приказало начальство... Кому же лучше знать? Начальство запретило верить в факты, в «глас народа», в душу и бессмертие человека; ну вот те, что посмирнее и лезут в амбицию, туда же за грозною

наукой, и слушают ее...

О, милая, легковверная публика! Как часто она нам напоминает шотландскую бабушку одного молодого моряка, который, желая занять и развлечь ее, рассказывал ей о чудесах, виденных им во время кругосветного путешествия. Не успел внучек упомянуть ей о красивых летучих рыбах Красного моря, как старая леди гневно прервала его «непозволительную ложь»:

– Где же, когда и кем видано, чтобы сотворенная для плаванья в воде рыба – летала!

Зато, когда круто свернув со столбовой дороги *фактов*, внук стал забавлять было рассвирепевшую бабушку описанием *виденного им самим острова кита*, проглотившего Иону, то набожная старушка, умилившись, заметила со слезами на глазах:

– Вот это совсем другое дело, мой дружок! Это факт всем хорошо известный... Как жаль, что ты не привез мне кусочек косточки кита на память!

Вообще всякая публика гораздо отплевываться от мошки, чтобы затем добровольно проглотить слона...

* * *

Наша оправдательная и защитительная речь кончена. Пусть решит беспристрастно читатель, что из двух составляет худший абсурд: вера ли в трансцендентальную в человеке силу, в медиумические явления и даже в колдунов, их двойников и чары, так как мы верим в них; или же вера в волшебный «космос-курицу», зародившийся в самом себе и вылупившийся из собственного им же снесенного яйца.

Мы приглашаем неверующих в Индию, особенно в Мадрасское президентство, на «Голубые горы». Пусть они поживут там несколько месяцев и познакомятся с «загадочными племенами» Нильгири, главное, с муллу-курумбами. Пусть познакомятся со старожилками и войдут в их доверие, потому что иначе страх современной науки и публичного мнения зажмет рот даже старожилкам, с весьма малыми исключениями. А затем, вернувшись из Индии в Европу, пусть скептики отвергают, если могут, действительность колдовства и его чар...

Но «Голубые горы» представляют и кроме колдовства много заманчивого для путешественника. Когда настанет тот счастливый час, если ему когда-нибудь суждено настать, что наши друзья с туманных берегов «предательского», а потому и вечно подозревающего Альбиона перестанут усматривать в каждом невинном русском путешественнике, начиная с ученого академика и кончая геттефтствующим жидом, опасного политического шпиона, то, быть может, и русские тогда начнут появляться чаще в Индии, нежели они появлялись до сей поры. Тогда заглянут вероятно и отечественные натуралисты в описанную нами горную Фиваиду. Мы совершенно уверены, что для этнолога, географа и филолога, не говоря ничего о психологах, наши «Голубые горы», или как их здесь зовут, Нильгирийские холмы, окажутся неисчерпаемым кладом для научных исследований каждого специалиста.

notes

Примечания

Identification Society of London, имеющее своим предметом вопрос о «потерянных племенах»; общество чрезвычайно богатое и один из курьезов Англии.

Перевод, со слова «Нильгири», составленного из двух санскритских слов: *Нилам* – голубой и *Гири* – «горы» или «холм», так названные от яркого цвета этих гор, как они представляются глазам жителей из долин Майсура и Малабара.

Как известно, вследствие сильного зноя и болотных испарении местности, туман расстилается на высоте от 3 до 4000 футов над морским уровнем и вдаль всей цепи Куимбатурских гор, – постоянный голубой туман, чрезвычайно замечательного яркого цвета, который и превращается во время муссонов в дождевые тучи.

Это не преувеличенное описание самой, быть может, замечательной в мире флоры. Кусты роз всех цветов вырастают в высоту домов и покрывают крыши, как и род гелиотропа, который достигает да 20 футов; но самые замечательные из цветов – это белые с одуряющим запахом лилии. Действительно, величиной с графин, они растут в трещинах голых скал отдельными кустами в аршина 2–3 величиной, распуская за раз с дюжину цветков. Эти лилии не растут на высотах менее 7000 футов, и ниже их нельзя найти. И чем выше, тем они прекраснее, и на Тоддабетском пике (около 9000 футов) они цветут десять месяцев в году.

Ныне – Коямпуттур. – *Прим. ред.*

Эта ужасная и почти неизлечимая болезнь, которая может, впрочем длиться целые годы, оставляя человека в других отношениях совершенно здоровым, весьма здесь обыкновенна. Начинает сперва пухнуть с подошвы до подколенника одна нога, затем другая, пока обе не превратятся в настоящие бесформенные ноги слона как видом, так и величиной.

От слова *ане* «слон» и потому, вероятно, что с незапамятных времен горы эти изобилуют слонами.

Ghâts – «горы».

Гхата – «гора», а *гири* – «холм».

«Азуры» – «духи», певцы, услаждающие уши богов песнями, как *гандхарвы* тешат их музыкой, *писачи* – духи-вампиры. Все они *девы* (дивы) и разделяются на много классов.

Эта кличка дается туземцами, безразлично, как всякому чиновнику или охотнику из англичан, так тигру. Для невинного индуса действительно не представляется между двумя такого уж большого различия; разве только что на первом, к его незаслуженному счастью, ружье злосчастливого туземца, при каждой национальной попытке, всегда давало осечку.

Этот водопад имеет 680 футов высоты. Теперь под ним проходит дорога в Уттакаманд.

Aberight Маскау, профессор в Мораре, владении Гвалиора, умерший два года тому назад в Индии.

Этот орган человеческого тела, по-английски *сплин* (spleen) действительно играет в Индии большую роль. Туземная селезенка – лучший друг и защитник английских шей, которым без нее неминуемо грозила бы веревка. Селезенка до такой степени слаба и нежна во мнении англо-индийских судей и присяжных, что стоит дать туземцу щелчок в живот, дотронуться до него деликатно европейским пальчиком, чтобы тот вдруг упал да и умер! Туземные газеты уже давно подняли гвалт о такой неизвестной до прихода Британцев деликатности их *сплина*. Особенно ненадежна селезенка у раджей, чем англичане очень огорчаются. «Почти невозможно», – рассуждают они, – «чиновнику прикоснуться к *радже* или даже к собственному китмагару (буфетчику) без того, чтоб у того, как на зло, не лопнула селезенка!» Вот, например, сделался с каким-то полоумным раджей припадок. Подхватил его под руки «политический агент», немножко потряс, чтобы привести в чувство, а только посадил на сундук, как у того и дух вон! А теперь вот и возись с этим штатиком... Ищи для него, подыскивай нового раджу... Нечего делать, приходится опять брать на себя новую обузу – опеку над осиротевшим штатом! (*Резюме* из англо-индийской печати).

Подлинно: полны терний извилистые тропы, по которым идет вперед индийское правительство!

См. описание этих пяти племен далее, в 3 главе.

Англичане почему-то называют его Доддибет.

В сезон дождей, когда у подошвы гор льет проливной дождь, здесь он только покрывает по несколько часов в день, да и то урывками.

Сорок лет тому назад тремя фунтами семян этого дерева, присланными из Австралии, генерал Морган засеял все пустые места и долины окрестностей Уттакаманда.

По причинам, о которых будет заявлено далее, тодды не признают никаких родственников, кроме отца, да и то чаще всего номинально. Для тодда тот ему отец, кто его усыновит.

Староста.

Сын его, мистер Е.О. Сэлливан известен всему Мадрасу, он уже несколько лет служит одним из четырех членов мадрасского генерал-губернаторского совета и живет почти все время на горах в Нильгири.

Читты – вид гепардов, приученных к охоте за кабанами, медведями и сернами. Они в употреблении в Индии у всех охотников.

Действительно, в некоторых местах, особенно в Уттакаманде, не только скалы, но и земля, были красны, как кровь, но только от присутствия железа и других элементов. Дождь делает из улиц города красно-оранжевые потоки.

По Фаренгейту.

Во время муссонных дождей, особенно юго-западного муссона, атмосфера постоянно более или менее наполнена густыми испарениями. Туман, формируясь сперва на вершинах, по мере того, как жара дня уступает вечерней сырости и пары опускаются ниже, расстилается по всем скалам подножья. К этому следует прибавить постоянные болотные испарения из лесов, где древесная чаща сохраняет почву влажною круглый год, и где болота и пруды никогда не высыхают, как то бывает в долинах. Вследствие этого Нильгирийские горы, опоясанные рядом выступающих вперед утесов с далеко нависшими скалами, удерживают большую часть года пары, которые затем и превращаются в туман. За чертой их атмосфера в горах всегда чрезвычайно чиста и прозрачна: туманы бывают видны только снизу, а с больших высот их не видно. Но все-таки мадрасские ученые не могут решить до сей поры проблему необычайно яркого голубого цвета как туманов, так и самих гор.

А дорога до сих пор, то есть конная, только одна Силурская из Мегоноллама: все другие опасны, и по ним могут проходить только пешие и привычные кули да их маленькие пони.

Туземный шикари, если он не магометанин, ни за что не убьет обезьяны; она для него священна всюду в Индии.

Каждое семейство индусов, хотя и принадлежащее к одной секте и одной касте с прочими, выбирает себе свое особенное, именно, *фамильное* божество из 33 миллионов национального пантеона; и об этом божестве, хотя оно всем бывает известно, члены семьи никогда не упоминают, считая каждое произнесенное о нем слово – *профанацией*.

«The Tribes of the Nilgherry Hills».

J.d. c.272.

J.d. См. главу IV.

Теперь, когда давно уже узнали, что кохты обладают таким секретом, все стараются заказывать у них ножи и дают оттачивать оружие. Простой с грубым клинком нож, сделанный коптом, оплачивается в несколько раз дороже самого лучшего шеффильдского ножа.

«A Strange Aboriginal Race», by Captain Harkless, c. 37.

До сих пор, то есть до 1883 года, невзирая на все усилия миссий, не было ни одного примера обращения тогда в христианство.

Для сокращения его все называют «Утти». Так будем и мы говорить о нем.

Так называют англичан в Раджастхане, где они официально именуют такуров и раджей «баронами» – the feudal barons of Rajistan, а сами при каждом удобном случае вспоминают им, что они только их *вассалы*.

«The Nilgherri Toddas».

Часть этих писем печаталась от 1 июня 1820 года до 15 декабря 1821 года в «Мадрасской газете».

К тому же эти горцы доказывают свое немецкое происхождение уже тем, что варят пиво и делают колбасы. Да и милиция, поставленная ими во время войны, была одета в панцири и кольчуги, в шишаки с забралами и явилась даже с *крестами* на правом плече.

Хотя тодды народ не кочевой и живут в домах, однако, выбирая для своих буйволов лучшие пастбища, они часто переходят из одного поселка в другой.

Священное и весьма строго охраняемое ими жилище, иногда подземное, за буйвольным хлебом, *тирьер*и есть храм, посвященный совершенно неизвестному никому, кроме тоддов, культу.

Одно время отцы-иезуиты пытались доказать, что тодды, как древние манихейцы, поклоняются «свету» солнечному, лунному и даже огню простой лампы. Но это, во-первых, вовсе не доказывает их манихейства, а во-вторых, и неправда. Тодды смеялись над этой идеей в разговоре с мистером Морганом и мною. Унте, напротив, отвращение к свету луны.

Ouerres et traveux des missionnaires Peres Jesuites sur les cotes du adabar (c. 233).

Ilbert Bill, против которого восстали как один человек все англо-индийские лавочники, спекуляторы и низший класс высшей расы.

Так называют тоддов и сами англо-индийцы в официальных бумагах. Тоддам еще недавно англичане платили род арендных денег за Нильгири в виде ежегодной суммы, а теперь, кажется, перестали.

Так англичане называют все городки на горах Индии, как Симла, Дарджилинг, Миссури и пр., куда посылают офицеров и солдат лечиться.

Почтенный генерал «вольнодум», питающий глубокое уважение и так называемому научному *агностицизму* школы Гербета Спенсера и подобных этому философов.

Интересно сравнить мнение английского генерала-скептика с мнением священника Белюстина, часто писавшего в столичных газетах о русском простонародном суеверии по вопросам о колдовстве и ведьмах. Также мнение Н.С. Лескова. Далее взгляд генерала еще более приблизится к взгляду священника.

Извлечение из английской рукописи генерал-майором Морганом. «Донесение» его в комитет, учрежденных главным советом Теософического Общества, для исследования религий, нравов, обрядов и суеверий «Горных дравидских племен». Это донесение одного из главных членов совета и президента Тоддабетского Теософического Общества в Уттакаманде было публично прочтено перед 3000 народа, публики и членов во время годовичного собрания членов 27 декабря 1883 года в Адьяре (Мадрас). Семейство генерала Моргана известно всей южной Индии. Как сам он, так и жена его пользуются большим уважением властей и всего европейского общества. Называю их настоящими именами и фамилией и привожу свидетелями с *полного их согласия*. Отечественные скептики приглашаются адресоваться за дальнейшими сведениями к самому генералу, если желают узнать мнение ученого англичанина о чарах и колдовстве муллу-курумбов.

Дочь генерал-губернатора Траванкорского, в Тривандруме, где она и родилась.

Лек – 100000 рупий или 250000 франков.

Безбрачный аскет, отшельник.

Поллол – хранитель, а капиллол – буквально «меньший хранитель».

«The Toddas, what is known of them».

Тот факт, что Крукс уже давно принадлежит к Теософическому обществу, вероятно, еще больше повредит его репутации между учеными. Горе, однако, Королевскому обществу. Его члены начинают один за другим следовать по примеру великого химика, присоединяясь то к Психическому, то к Теософическому обществам. Лорд Карнарвои и Балькарес, профессора Уоллес, Сиджуик, Баррет, Олерверс, Ладж, Бальфур Стюарт и пр. и пр., все или «паписты» или «теософисты», а часто и то и другое. Если Королевское общество станет продолжать свои изгнания за такие проступки, то в нем скоро останется один его дворник.

«The Hill-Tribes of Nilgheiry». Capt. Harkness.

Это тем более вероятно, что во многих местах «Пуран» встречаются рассказы об этих самых царях, с тем же названием царств и под теми же именами, какие носят в «Рамаяне», и что в этих рассказах они уже не «обезьяны», а *люди*.

Здесь, конечно, не место доказывать это. Но стоит прочесть негодующие протесты таких ученых санскритологов, как например махратского брамина Теланга, человека европейского образования, и доктора философии Раджнендры Лалль Митры, вовсе не фанатиков, чтобы увидеть, до каких хронологических искажений доходит Вебер.

То есть 199 или 200 «поколений» тоддов тому назад, что представляет по меньшей мере 7000 лет. Аристотель и другие греческие мудрецы, говоря о Троянской войне, утверждали, что она была за 5000 лет до их времени, С тех пор прошло более 2000 лет. Итого – 7000 лет. Конечно, история отвергает эту хронологию. Но что же это доказывает? Разве Всемирная История до Р. Х. и ее хронология основаны на чем-либо, кроме гипотез и возведенных в аксиомы вероятностей да предположений?

Баддагские брамины так его и называют. Они говорят, что «Царь Востока» есть Рама (см. с. 203 bis)

Тодды указывают на Запад, говоря о стране, куда уходят их покойники. Метц называет Запад «фантастическим раем тоддов». Из этого некоторые посетители Нильгири вообразила, *что* тодды, как парсы, поклоняются солнцу.

Умозаключение профессоров Вебера и Макса Мюллера. Между тем вам известно из истории, что финикийцы вели большую торговлю с Индией за 1000, если не 1500 лет до Р. Х., а Панини, по словам этих санскритологов, процветал за 200 лет до Р. Х.

Это пишет капитан Гаркнесс в своем сочинении 1837 года. Мы не могли найти развалин этого храма; мистрис Морган думает, что автор смешал тоддов с баддагами.

«Philosophy of History and Traditions», p. 285.

Так как курумбы разделяются на несколько ветвей и получили название вследствие крошечного роста, почему и называют и другие малорослые племена курумбами, то нильгирийское племя и получило, для отличия от других, название «муллу-курумбы» или *карлики-терновники* (от слова *муллу* – «терновник» и *курумба* – «карлик»), так как они обыкновенно живут в самых непроходимых, глухих лесных чащах, где преобладает терновник.

«Reminiscences Of Life Among Toddas», p. 144.

«Statistics of the Nilgheiry Tribes of 1886», p. 62–63.

Автору следовало бы добавить впрочем, что баддаг бежит только от *питающих к нему вражду курумбов*. От других ему не для чего бегать. Но если курумб на кого зол, то, как мы сейчас покажем, он делается действительно опасным.

То есть пьяниц, с зараженной и испорченной кровью. См. главу 3.

«Et pour cause», как выразился Шарко в ответ к пристававшему к нему спириту. «Доколе, – сказал он, – мы не с состоянии объяснить *всего*, мы обязаны не допускать *ничего* из области явлений, о которых существует столько различных и противоречивых мнений».

В ней знаменитый исследователь Сальпегриерских феноменов (см. «Etudes Cliniques sur l'Hystero-Epilepsie ou Grande Hysterie», par le Dr. Paul Rischer) сильно порицает в предисловии и в письме к автору тех врачей, которые видят во всех явлениях галлюцинации «единственно псевдо-психическую силу» и «предрасположение к de l'attention expecclante» (теория Карпентера). Мы соглашаемся с мнением самого автора «Etudes Cliniques» в том, что вернее можно служить науке, довольствуясь пока изучением самых обыкновенных и грубых проявлений «истерии», дабы «приняться только со временем и с чрезвычайной осторожностью за более сложные феномены», как он говорит. Но никак не можем одобрить его, когда он добавляет «j'ajoulerai même en negligeaht complètement... les taits d'une appréciation beaucoup plus difficile, qui pour le moment ne se rattachent par aucun lien saisissable aux faits déjà connus», потому что ведь, оставляя так бесцеремонно «подобные *затруднительные* факты», нечего и быть в претензии на спиритов, что они объясняют их по-своему. Нельзя также не заметить, что, соглашаясь с таким мнением Ришера, знаменитый гипнотизер Шарко этим самым заявляет и, так сказать, санкционирует *существование* таких *фактов*: а именно явлений, не подходящих ни к одной из теорий физиологии и невропатологических исследований – того неуловимого научным методом Протея, ставящего в тупик почтенного профессора Сальпитриерских покоев, и которого ему никак не приходится сваливать в одну кучу с *истерическими явлениями*. «En presence de l'évidence des faits (явлений ясновидения и гипнотизма) le scepticisme prétendu scientifique, – объясняет доктор Шарко, – que quelques uns semblent affecter encore vis-à-vis de ces études, ne saurait plus être considéré que comme en scepticisme purement arbitraire, masquant a peine le parti pris de ne rien entendre et e ne rien voir» (с. X).

Статья II статута Теософического Общества гласит: «Вторая цель Общества изучать тайны природы и присущие человеку сокрытые силы его», то есть *естественные*, хотя от неупотребления, быть может, атрофированные психологические силы.

Чаще всего в разреженном воздухе, на горах, как мы то видим в Шотландии, где дар предвидения, ясновидения и духовидения присущ почти каждому горцу.

Никто не станет, надеюсь, менее всего наши ученые, отрицать *доисторической* древности халдейских магов, египетских иерофантов и браминов Индии? А все эти народы верят испокон века в *колдовство и магию*.

С появлением сочинения Леяда «Ниневия и Вавилон» новый свет пролит на Книгу Еноха и универсальность науки, называемой «магией», бывшей вместе и религией всех древних народов. На чашках, кувшинах и другой посуде из *терракотты*, найденной в развалинах Вавилона и Ниневии, разобраны надписи (Томасом Эллясом, директором отделения рукописей в Британском Музее), в которых мы находим заклинания, описание талисманов против чар и колдовства, злых духов, болячек, глазу и скоропостижной смерти, как и имена духов. В подлиннике все это составлено по-халдейски в смеси с древнееврейскими словами и написано буквами, общими наречию и языкам сирийскому и пальмирскому с древним финикийским. Между прочими словами находится ныне употребляемое даже в Христианской церкви, не только в древней магии, слово «аллилуйя». Им начинаются и кончаются все заклинания. Вот что замечает переводчик Книги Еноха с эфиопского языка и рукописи (в Болдейской библиотеке) архиепископ Ричард Лоренс (archibishop of Kashed):

...«Благодаря превратностям (vicissitudes) языков, слово, употребляемое древними язычниками-заклинателями и колдунами, теперь перешло в нашу святую христианскую церковь!»

Мы же к этому замечанию можем прибавить следующее. Не в том диковина, что слово, бывшее в употреблении между израильтянами, вероятно, заимствованное ими от вавилонян во время плена, перешло к христианам, а в том, что те же халдейские заклинания, слово в слово, те же на первый взгляд бессмысленные тирады наших ворожей, мы находим и узнаем не только в России, но и у краснокожих индейцев Америки, у перуанцев и, наконец, у курумбов и тоддов «Голубых гор» Индии. Слова «аллелу, аллелу!» мы слышали не раз в заклинаниях одного муллу-курумбы.

Этот род лихорадки не сваливает человека с ног до последней минуты. Болезнь проявляется в виде непрерывной деятельности неуголимой, палящей жажды. Больной, можно сказать, умирает на ногах.

См. «Assam News», 29 мая. 1884 г.

Judge and magistrate «Lattmann Gohnson» («Assam News»).

Мы тем более верим в невинность Рохнара, что ознакомились в Индии с этим родом *колдовства*. У нас украли золотые часы и брошку, и они были найдены в тот же день девочкой пяти лет, к руке которой факир привязал такую палку. Девочку привезли нарочно для этого из деревни, так как она *субъект (un sujet)*. А факир, или *бава* (отец), не взял даже вознаграждения.

Мы лично видели это в Париже, а близкая родственница, посетившая Сальпетрие, вознегодовала было на двух учеников доктора Шарко, которые потешались таким образом над беззащитною больною девушкой. Это у них называется *actes pas suggestion*.

«As though under the influence of trance or of a full intoxication» – слова из протокола к делу, которое рассматривалось в Кошагирском суде по обвинению баддага в воровстве! Баддаг приводит этот факт в свое оправдание.

См. «Journal of Medecine» (за август, Лондон); «New York Home Journal» (август 1884) и лондонские журналы.

Бетпор – известный охотник в Мадрасе, родом из Канады. Вместе с У. Девидсоном они путешествовали несколько лет по поручению Орнитологического Общества. См. журнал «Stray Feathers», издаваемый этим Обществом и «Birds of India».

См. «Transactions of the Society for Psychical Research» *журнал* Общества (Trübner, London).
см. «Proceedings of the S.P.R.» книжка за июль. Речь председателя Психического Общества
профессора Бальфура Стюарта.

Многие из них, принадлежа в то же время к Теософическому Обществу, приводят обе ассоциации в постоянное соприкосновение и сношение.

M. Edmund Gurney.

См. «Proceedings of the S.P.R.» за июль (Трюбнер, Лондон).

«They seem to favour more the doctrines of the Theosophists rather than those of the Spiritualists».
(См. протокол заседания. Книжка за июль).

L'Humanite Posthyme (d'Assier) показывает позитивиста и материалиста вполне верующего в *двойника* всякого живого существа даже у животных.

Сомнамбулы – те же гипнотики. Сила более могучая берет верх и управляет слабейшею, как своею собственной.

Жюль Фавр послал за три года до своей смерти на 20 лет в каторгу итальянца-магнетизера. Под предлогом лечения, а иногда и эксперимента, негодяй, выбирая девушек из богатых домов, приводил их в состояние полного транса, подчинял своей воле, а затем заставлял их обкрадывать родных в свою пользу и затем *забывать совершенное*. Вдобавок он приказывал им делать ночные визиты в дом и комнату, которую он занимал, где он и бесчестил их.

См. «Salem Witchcraft» by Upham.